

U $\frac{287}{28}$

У 287
28

МАТЕРІАЛЫ ДЯ БЮГРАФІИ ДЕРЖАВИНА.

1773 — 1775 г.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕПИСКА

ДЕРЖАВИНА

ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ИЗВЛЕЧЕНО ИЗЪ ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ

Я. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1861.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 13-го сентября 1861 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

2007051021

Изъ VII кн. Ученыхъ Записокъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. До кончины Бибикова	3
II. По смерти Бибикова до поѣздки Державина въ Саратовъ.	38
III. Пребываніе Державина въ Саратовѣ	52
IV. Распоряженія Державина для защиты завожскихъ колоній отъ Киргизъ-Кайсаковъ	88
V. Распоряженія къ поимкѣ Пугачева и Филарета	113
VI. Непріятности и неудачи по службѣ	122
Приложенія	161

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕПИСКА ДЕРЖАВИНА

ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Пушкинъ, которому мы, не смотря на несовершенство его труда о Пугачевскомъ бунтѣ, такъ много обязаны по исторіи этого эпизода царствованія Екатерины, первый ознакомилъ насъ хотя нѣсколько съ участіемъ Державина въ мѣрахъ, принятыхъ противъ Пугачева. Но матеріалы, которыми пользовался Пушкинъ, особенно по этому частному предмету, были очень недостаточны, и потому не удивительно, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ тутъ о дѣятельности Державина, не только скудны, но отчасти и невѣрны. Онъ помѣщаетъ имя Державина въ числѣ начальниковъ, назначенныхъ для военныхъ дѣйствій, и думаетъ, что его послали въ Малыковку для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Далѣе Пушкинъ, передавая очень не точно дѣйствія Державина, смѣшиваетъ сверхъ того эпохи, и только о распоряженіяхъ его въ Саратовѣ знаетъ нѣсколько подробнѣе и положителнѣе, хотя и здѣсь его извѣстія далеко не полны. Впрочемъ мы не можемъ строго судить Пушкина за эти ошибки. Изъ одного переданнаго намъ письма вдовы Державина къ К. М. Бороздину (отъ 28 іюля 1834 г.) видно, что Пушкинъ обращался къ Л. Н. Львову съ просьбою достать ему бумаги Державина по Пугачевщинѣ, но что родные покойнаго въ то время находили неудобнымъ отдать въ постороннія руки часть его манускриптовъ.

Получивъ особое порученіе во время Пугачевщины, Державинъ вскорѣ послѣ окончанія бунта написалъ «Журналъ

производству комиссіи лейбъ-гвардіи преображенскаго полку поручика Державина, касающихся до поиска бунтовщика Пугачева и его сообщниковъ», въ которомъ изложилъ свои дѣйствія помѣсячно отъ декабря 1773 до сентября 1774 года. Когда онъ въ старости писалъ свои Записки, то въ составъ ихъ вошелъ и этотъ журналъ, но съ значительными измѣненіями и дополненіями, какъ видно изъ подлинной тетради Записокъ, куда онъ вшилъ, переписанный постороннею рукою, но исцѣренный собственноручными поправками Державина. Въ такомъ исправленномъ видѣ этотъ журналъ явился и въ напечатанныхъ недавно Запискахъ его.

Первоначальный журналъ былъ извлеченъ имъ изъ подлинныхъ официальныхъ бумагъ, которыя онъ или самъ писалъ, или получалъ отъ разныхъ лицъ во время бунта, на мѣстахъ своего пребыванія. Эти бумаги, благодаря просвѣщенному посредничеству Д. В. Полѣнова, были сообщены намъ родными поэта въ числѣ другихъ рукописей его. Онѣ заключаются въ двухъ толстыхъ листовыхъ (in-f.) тетрадяхъ, изъ которыхъ одна содержитъ ордера, писанные къ Державину, а другая черновые собственноручные отпуски или копія рапортовъ его и нѣкоторыя другія бумаги, между которыми мы нашли и подлинный его журналъ за время Пугачевщины. На первой страницѣ каждой изъ этихъ тетрадей собственноручное его примѣчаніе: на *первой* — «Здѣсь малая часть моихъ черныхъ отпусковъ находится, ибо въ сей экстренной комисіи большею частию прямо на бѣло писаны и отправлены были, какъ за немѣщимъ при мнѣ писарей, такъ иногда и для скорыхъ надобностей». На *второй* же тетради — «Въ сей книгѣ, по ошибкѣ переплетчика, не по порядку времени влетены ордера; и такъ надлежитъ, ежели ихъ разсматривать, то смотрѣть по подлиннымъ числамъ на нижнихъ краяхъ листовъ, то есть со дня ихъ отпусковъ».

Тщательное сбереженіе этихъ двухъ тетрадей дѣлаетъ большую честь Державину и показываетъ всю его добросовѣстность: сохранивъ для потомковъ подлинныя бумаги, онъ далъ намъ возможность не только повѣрить собственный его рассказъ, но и пересмотрѣть его дѣйствія съ нашей точки зрѣ-

нія, а что онъ самъ именно имѣлъ это въ виду, въ томъ удостовѣряють насъ приведенныя подписи его.

Между тѣмъ черновые отпуски Державина писаны часто такъ поспѣшно и небрежно, что разбирать ихъ стоило намъ величайшаго труда, который даже не всегда былъ успѣшенъ¹⁾, а такъ какъ сверхъ того хронологическій порядокъ въ этихъ письмахъ совершенно перебитъ, то работа еще увеличивалась, тѣмъ болѣе что на весьма многихъ отпускахъ нѣтъ чиселъ, и о времени изготовленія ихъ можно было заключать только по содержанію.

Желая дать и другимъ возможность судить о дѣятельности Державина во время Пугачевщины по подлиннымъ бумагамъ, мы рѣшились представить главныя изъ нихъ цѣликомъ, связавъ ихъ рассказомъ событій, почерпнутымъ частью изъ нихъ же, частью изъ записокъ Державина и изъ другихъ источниковъ, которыя всякій разъ указываемъ.

Предлагая здѣсь результатъ трех-мѣсячныхъ занятій этою эпохою жизни Державина, предоставляемъ себѣ сдѣлать на основаніи настоящаго труда болѣе краткій обзоръ ея для читателей, которыхъ не могутъ интересовать всѣ частности дѣла.

Это тѣмъ нужнѣе, что когда настоящая статья уже поступила въ печать, мы отыскали еще третью большую тетрадь, относящуюся къ Пугачевщинѣ и содержащую частныя письма многихъ лицъ къ Державину, писанныя также въ это время. Покуда мы должны удовольствоваться только нѣкоторыми на нее ссылками.

---

1. До кончины Бибикова.

Въ концѣ 1773 года слухи объ успѣхахъ Пугачева болѣе и болѣе тревожили дворъ и весь Петербургъ, особливо послѣ того, какъ генералъ Каръ, посланный противъ самозванца, оказался

---

1) Предполагая, что можетъ быть тѣже бумаги въ окончателъномъ ихъ видѣ находятся въ Архивѣ Генеральнаго Штаба, мы обращались и туда. Начальство Архива, желая содѣйствовать Академіи Наукъ въ ея предпріятіи, обязательно открыло намъ доступъ къ матеріаламъ для исторіи Пугачевскаго бунта, но мы не нашли между ними ничего, что прямо относилось бы къ Державину.

недостойнымъ этого назначенія. Тогда для распоряженія военными дѣйствіями Императрица Екатерина на мѣсто его избрала Бибикова, который незадолго до того былъ отозванъ отъ поста главнокомандующаго въ Польшѣ и готовился ѣхать въ Турцію подъ начальство не расположеннаго къ нему графа Румянцова. Съ Бибиковымъ же долженъ былъ отправиться также и генералъ-маіоръ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, который прежде находился при немъ и въ Польшѣ ²⁾).

Это было въ концѣ ноября 1773 г. Тогда же въ ассистенты Бибикову назначено было нѣсколько офицеровъ гвардіи.

Державинъ давно желалъ побывать на войнѣ или получить какое нибудь видное порученіе; но гвардіи тогда не посылали въ походъ. Исключеніе было сдѣлано только въ турецкую войну, при послыскѣ на флотъ командъ въ Архипелагъ; но въ то время Державина не было въ Петербургѣ; для того же, чтобъ ѣхать въ армію волонтеромъ у него не доставало средствъ. Не видя возможности осуществить свою мечту, онъ иногда предавался унынію: такъ самъ онъ рассказываетъ. Поэтому, узнавъ, что Бибиковъ ищетъ себѣ помощниковъ, Державинъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ. Хотя онъ и не былъ лично знакомъ съ Бибиковымъ, однакожъ, слышавъ уже прежде о его достоинствахъ, рѣшился ему представиться. Явись къ Бибикову, Державинъ сказалъ ему, что слышалъ о скоромъ отъѣздѣ его въ какую-то секретную комиссію въ Казань: будучи тамошнимъ уроженцемъ и зная довольно хорошо ту сторону, онъ предлагалъ и свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Бибиковъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ исполнить его желанія, потому что выбралъ уже извѣстныхъ ему гвардейскихъ офицеровъ. Между тѣмъ однакожъ онъ разговорился съ Державинымъ и, какъ вскорѣ оказалось, получилъ о немъ хорошее мнѣніе. Огорченный своею неудачею, Державинъ, вечеромъ того же дня, съ удивленіемъ прочиталъ въ полковомъ приказѣ, что долженъ опять явиться къ генералу Бибикову, для принятія порученія по Высочайшему повелѣнію. При новомъ свиданіи Бибиковъ приказалъ ему: черезъ три дня быть готовымъ къ отъѣзду.

---

2) Москвитянинъ 1845, Ч. V, № 9, Стр. 1 Ев. II къ кн. Волконскому.

Секретная коммисія, составленная подъ начальствомъ Бибикова изъ офицеровъ гвардіи, должна была находиться частью въ Казани, частью въ Оренбургѣ³⁾. Назначенные первоначально офицеры⁴⁾ отправились тогда же въ Казань, за ними и Державинъ. Хотя онъ ѣхалъ на-легкѣ въ нагольной овчинной шубѣ, купленной имъ за 3 р., однакожъ еще на пути въ Москву его обогналъ самъ Бибиковъ, выѣхавшій изъ Петербурга 9 декабря 1773 г. Въ ночь съ 25 на 26-е число, т. е. на второй день праздника Рождества, главнокомандующій, пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, пріѣхалъ въ Казань, гдѣ находился уже и Державинъ, живя въ домѣ матери и стараясь отъ пріѣзжавшихъ въ городъ сельскихъ обывателей разузнавать о движеніяхъ непріятельскихъ партій и о расположеніи умовъ въ народѣ. Въ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ являлись шайки бунтовщиковъ, даже въ 60 верстахъ отъ города уже разъѣзжали толпы вооруженныхъ Татаръ. Передъ пріѣздомъ Бибикова многіе жители Казани, встревоженные слухами, въ томъ числѣ и самъ губернаторъ Брантъ, уже оставили городъ; но общее довѣріе къ присланному генералу было такъ велико, что большая часть разъѣхавшихся теперь опять возвратились. Между тѣмъ войска, назначенныя въ его распоряженіе, только что начинали собираться; 30 числа онъ между прочимъ писалъ женѣ: «Войска мои прибывать начали вчера». Вскорѣ получено было офиціальное извѣстіе, что съ 25 числа Самара занята мятежнической толпой, которую жители и духовенство встрѣтили съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ хлѣбомъ и солью. Первымъ дѣломъ главнокомандующаго было обратитъ часть пришедшихъ уже войскъ на очищеніе Самары, о чемъ и послано было приказаніе начальникамъ ближайшихъ отрядовъ, майору Муфелю и подполковнику Гриневу. Для производства же слѣдствія въ Самарѣ, когда она будетъ очищена, Бибиковъ рѣшился употребить Державина. 29 числа, при большомъ стече-

---

3) По смерти Бибикова эта коммисія раздѣлилась на двѣ: на Казанскую и Оренбургскую, и каждая подчинена была мѣстному губернатору.

4) По Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова, это были: кн. Волковскій, Мавринъ, Лунинъ и Кошелевъ. Но здѣсь пропущенъ Кологривовъ, съ которымъ Державинъ переписывался. Въ Зап. его названъ еще Собакинъ. По смерти Бибикова были сверхъ того присланы въ Казань Волоцкой и Горчаковъ (письмо Кологривова, № 33).

ни Казанскихъ жителей всѣхъ сословіи въ соборѣ, прочитанъ былъ манифестъ, напечатанный въ Москвѣ церковною печатью, о злодѣйствахъ Пугачева и назначеніи Бибикова главнокомандующимъ для усмиренія мятежа⁵⁾. По отслуженіи молебна, всѣ дворяне съ преосвященнымъ Веніаминомъ приглашены были въ домъ главнокомандующаго. Бибиковъ, подойдя къ Державину, тихо сказалъ: «Вы отправляетесь въ Самару, возьмите сейчасъ въ канцеляріи бумаги и ступайте». Державицъ, узнавъ наканунѣ о происшедшемъ въ Самарѣ, подумалъ, что Бибиковъ хочетъ только испытать его, и отвѣчалъ: *готовъ*. Взявъ тотчасъ же изъ канцеляріи два запечатанныхъ пакета на его имя съ надписью: по секрету, которые велѣно было открыть не прежде, какъ по удаленіи на 30 верстъ отъ Казани, онъ посѣвшиль проститься съ матерью и, не сказавъ куда ѣдетъ, поскакалъ.

Распечатавъ въ дорогѣ пакеты, онъ увидѣлъ, что ему предписывалось ѣхать въ Симбирскъ, тамъ присоединиться къ командѣ подполковника Гринева и вмѣстѣ съ нею идти на освобожденіе Самары, а въ то же время наблюдать, въ какомъ состояніи находятся эти отряды, во всемъ ли исправны и каковы, т. е. надежны ли ихъ офицеры, ибо Бибиковъ, по словамъ Пушкина, «сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска». Относительно же Самары Державину предписывалось, когда этотъ городъ будетъ очищенъ отъ бунтовщиковъ, то отыскать виновныхъ въ измѣнѣ, и заковавъ злоумышленныхъ преступниковъ, отправить ихъ въ Казань; «а нѣкоторыхъ, для страху жестоко на площади наказать плетми при собраніи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребыть въ твердости, и живота своего, какъ вѣрные подданные, щадить не должныствуютъ. Сей ордеръ объявить можете командующему въ Самарѣ и требовать во всемъ его вспомоствованія. Если же окажется, что виновные поступили «по страху и не по склонности къ злодѣянію, то взявъ зачинщиковъ и распрося, представить ко мнѣ (Бибикову) на разсмотрѣніе» (№ 1)⁶⁾.

5) Кажется, это собраніе не было одно и то же съ тѣмъ, которое по Запискамъ о жизни Бибикова происходило 1 января 1774 г., т. е. уже въ отсутствіи Державина. Трудно предположить, чтобъ послѣдній не точно показалъ день своего отъѣзда изъ Казани; да и обстоятельства подтверждаютъ его показаніе.

6) Всѣ бумаги, заключающіяся въ двухъ описанныхъ выше тетрадахъ, озна-

Любопытныя разсказыаемыя Державинымъ подробности поѣзда его до Симбирска, куда онъ прибылъ 30 числа: по словамъ его, въ народѣ замѣтенъ былъ духъ злоумышленія; мѣстами не хотѣли ему давать и лошадей, такъ что онъ долженъ былъ требовать ихъ, пристава пистолетъ къ горлу старосты. Не доѣзжая версты 5 до Симбирска, онъ увидѣлъ поселянъ, возвращавшихся оттуда порожнемъ, по распродажѣ въ городѣ своихъ товаровъ, и желалъ отъ нихъ узнать, въ чьихъ рукахъ находится Симбирскъ, куда, по близости Самары, также могли проникнуть толпы мятежниковъ. Поэтому онъ приказывалъ стоявшему на запяткахъ слугѣ остановить одного изъ мужиковъ; когда же тотъ, какъ человѣкъ вялый и не проворный, не рѣшался на это, то Державинъ положилъ его на свое мѣсто въ повозку, а самъ, ставъ на запятки и притворясь дремлющимъ, схватилъ мужика: изъ словъ его онъ узналъ, что въ Симбирскѣ есть военные люди, но что они ходятъ не въ солдатскихъ мудирахъ, а въ крестьянскомъ платьѣ и собираютъ по городу шубы. Это обстоятельство заставило Державина подозрѣвать, не Пугачевцы ли владѣютъ Симбирскомъ. Одно только показаніе, что у всѣхъ тамошнихъ солдатъ ружья съ штыками, успокоило Державина, потому что бунтовщики не могли имѣть штыковъ. И такъ онъ вѣхалъ въ Симбирскъ. Это было уже часу въ 10-мъ ночи. Воевода объявилъ, что Гринева съ своею командою часа за два предъ тѣмъ выступилъ по Самарской дорогѣ для соединенія съ майоромъ Муфелемъ, шедшимъ туда же. Державинъ поспѣшилъ нагнать Гринева. Они нашли Самару уже занятою Муфелемъ, который выгналъ оттуда толпу, состоящую изъ нѣсколькихъ тысячъ, большею частью Ставропольскихъ Калмыковъ и отставныхъ солдатъ. Толпа эта бѣжала въ пригородъ Алексѣевскъ, лежащій въ 25 верстахъ отъ Самары.

Въ Самарѣ Державинъ узналъ, что жители посылали нарочныхъ въ приближавшуюся мятежническую толпу для перего-

---

числа мы нумерами по порядку, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою. Подъ этими нумерами онѣ приводятся и здѣсь въ нашихъ ссылакахъ, при чемъ надо замѣтить, что римскими цифрами означаются бумаги изъ тетради орадерова, а арабскими — изъ тетради рапортовъ Державина.

воровъ съ нею и что особенно виновны священники, которые заслуживали бы тотчасъ быть отосланными въ секретную комисію. Но чтобъ не могли обвинить правительство въ утѣсненіи вѣры, онъ въ рапортѣ Бибикову ⁷⁾ просилъ напередъ прислать въ Самару новыхъ священниковъ, а потомъ уже отослать старыхъ куда слѣдуетъ. Въ отвѣтѣ на этотъ рапортъ Бибиковъ (№ III) выразилъ Державину свое удовольствіе. Предложеніе его «о наказаніи пойманныхъ злодѣевъ для устрашенія прочихъ» отдалъ онъ на разсмотрѣніе генералъ-маіора Мансурова, также шедшаго въ Самару, которому предписалъ, «чтобъ нѣкоторыхъ, по важности дѣла, изъ злодѣевъ повѣсить, а другихъ пересѣчь, ибо всѣхъ казнить будетъ много».

Бибиковъ одобрилъ и другое распоряженіе Державина: чтобы имѣть возможность исполнѣ удостовѣриться, каковы на дѣлѣ Гриневъ, его офицеры и команда, Державинъ рѣшился прервать на нѣсколько дней происходившее въ Самарѣ слѣдствіе и принять участіе въ походѣ къ Алексѣевской крѣпости, куда шелъ Гриневъ, чтобъ и оттуда прогнать укрывшуюся шайку. Это было выполнено удачно и Державинъ, видѣвъ на дѣлѣ усердіе команды и ея начальниковъ, донесъ о томъ Бибикову.

Пригородъ Алексѣевскъ былъ населенъ почти весь оставшими гвардейскими солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были въ Невскомъ монастырѣ на погребеніи Императора Петра III. Поэтому Державинъ, для примѣра войску, велѣлъ пересѣчь плетями на церковной оградѣ виновныхъ солдатъ. Это было согласно съ словесными приказаніями Бибикова, и впоследствии одобрено имъ. Изъ подъ Алексѣевска Державинъ вмѣстѣ съ Гриневымъ ходилъ и на селеніе Красный Яръ, которымъ овладѣли было возмущившіеся Ставропольскіе Калмыки ⁸⁾: они вышли на встрѣчу подходившему войску, но были разбиты

---

7) Этотъ рапортъ отъ 3 января и слѣдующій отъ 5-го не нашлись въ тетрадяхъ Державина; но онъ о нихъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ.

8) Соответствующее этимъ строкамъ мѣсто въ Запискахъ Державина (стр. 59) подало П. И. Бартеву поводъ къ недоразумѣнію, которое легко устраняется при правильной пунктуациі. Слова, помѣщенные въ скобкахъ, должно читать такъ: «Куда на дорогѣ проѣзжая, городъ Ставрополь пошлся въ руки бунтующихъ Калмыковъ» и проч. Г. Бартевъ отнесъ слова «пошлся въ руки» къ

и принуждены возвратить взятые ими изъ Ставрополя пять пушекъ. Изъ Краснаго Яра Державинъ написалъ къ Калмыкамъ увѣщательное письмо, которое по переводѣ на ихъ языкъ и было къ нимъ послано. Это увѣщаніе, послѣ представленное Державинымъ Бибикову, было поднесено Императрицѣ и ею одобрено въ собственноручномъ письмѣ къ главнокомандующему. Такимъ образомъ имя Державина тогда уже могло обратитъ на себя вниманіе Екатерины.

По первымъ дѣйствіямъ Державина мы уже можемъ судить о характерѣ его; видимъ въ немъ энергію, живость, рѣшительность. Онъ самъ въ своемъ разсказѣ называетъ себя рьянымъ на словахъ и назойливымъ. Посылая его въ Самару, Бибиковъ смотрѣлъ ему пристально въ глаза; Державинъ при этомъ замѣчаетъ (Зап., стр. 55): «можетъ быть хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ рьянъ на дѣлѣ, какъ на словахъ» и далѣе говоритъ: «генераль хотѣлъ, можетъ быть, испытать назойливаго офицера». Дальнѣйшія дѣйствія и переписка Державина еще ближе ознакомятъ насъ съ этою стороною его личности.

По возвращеніи въ Самару, Державинъ продолжалъ допрашивать жителей. Чтобы предупредить всякую огласку тайныхъ показаній и дерзкихъ рѣчей противъ верховной власти, онъ долженъ былъ производить это слѣдствіе совершенно одинъ, даже безъ писца, такъ что ему приходилось самому записывать всѣ показанія. Окончивъ допросы и отправивъ важнѣйшихъ преступниковъ въ секретную комиссію, Державинъ дождался въ Самарѣ генерала Мансурова, которому поручена была защита Самарской линіи, и возвратился въ Казань.

Здѣсь Бибиковъ, оцѣнивъ и энергическую распорядительность Державина и способность его къ письменнымъ дѣламъ, сначала хотѣлъ оставить его при себѣ и поручилъ ему двѣ канцелярскія работы: 1) постепенное составленіе алфавитнаго списка какъ всѣмъ главнымъ сообщникамъ Пугачева, такъ и лицамъ, отъ нихъ пострадавшимъ, чтобы легче было наводить

Державину, что видно изъ сдѣланнаго къ этому мѣсту примѣчанія. Неправильность выраженія не можетъ затруднять насъ въ языкѣ Державина; да притомъ и теперь еще слова: *не дожда, не дожжая* всѣми употребляются въ видѣ нарѣчій. Село Красный Яръ находится на рѣкѣ Соку, востахъ въ 13 отъ Алексѣевска.

справки и преслѣдовать виновныхъ, и 2) веденіе журнала входящимъ къ Бибикову и исходящимъ отъ него бумагамъ, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ прекращенію бунта.

Сверхъ того Державинъ долженъ былъ поощрять дворянство къ составленію воинскихъ ополченій, пожертвованію, которое оно приняло на себя въ его отсутствіи. Къ 1 января 1774 г. собралось въ Казани дворянство всего уѣзда. Созвавъ его, Бибиковъ произнесъ рѣчь, въ которой живо изобразилъ опасность, угрожавшую всему дворянскому сословію въ случаѣ низпроверженія законнаго порядка и вызывалъ Казанскихъ дворянъ на содѣйствіе правительству. Собраніе, принявъ это приглашеніе съ большимъ одушевленіемъ, въ тотъ же день приступило къ общему между собою совѣщанію и единодушно опредѣлило выставить на свой счетъ вооруженный конный корпусъ, — по одному человѣку съ двухъ сотъ душъ. Императрица, узнавъ о томъ изъ донесенія Бибикова, и имѣя въ Казанской губерніи дворцовыя волости, пожелала принять участіе въ пожертвованіи тамошняго дворянства и потому отправила къ главнокомандующему слѣдующій рескриптъ: «Александръ Ильичъ! Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла, яко *по мѣщца* той губерніи, съ дворцовыхъ волостей съ каждаго двухъ сотъ душъ вамъ отдать по одному рекруту и обмундировать, и снабдя лошадью велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Января 20 числа 1774 г.»⁹⁾

По полученіи этого рескрипта Бибиковъ 30 января созвалъ опять дворянство въ домѣ предводителя его (въ то время Макарова), обратился къ собранію съ новою рѣчью и прочелъ самое письмо Государыни, которое, какъ легко представить себѣ, произвело глубокое впечатлѣніе. Затѣмъ Макаровъ, предъ портретомъ Екатерины, прочиталъ рѣчь, написанную отъ импе-

---

9) Здѣсь этотъ рескриптъ печатается по списку, найденному въ бумагахъ Державина. Впрочемъ онъ былъ уже напечатанъ въ Заволжскомъ муравѣ 1834 г. № 5.

ни всего дворянства Державинымъ. Бибиковъ представилъ ее при своемъ донесеніи Императрицѣ, которая, въ знакъ своего благоволенія, вслѣдъ за этимъ даровала Казанскому дворянству похвальную грамоту или манифестъ 22 февраля 1774 г. Эта рѣчь, которую Державинъ называетъ первымъ опытомъ малыхъ своихъ способностей, тогда же была напечатана въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ¹⁰⁾, при чемъ авторъ былъ означенъ только какъ «Казанскій дворянинъ»; въ ней поэтъ цвѣтистымъ языкомъ и громкими фразами, иногда же съ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ, выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на его согражданъ словами и дѣйствіями Екатерины, между прочимъ и назначеніемъ Бибикова. «Величіе Монарха, говоритъ Державинъ, паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовременіи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проицаіе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, читатель святыхъ Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ вѣдимъ; за все сіе, изъ глубины сердець нашихъ, любомудрой душѣ твоей восписуемъ благодареніе».

Такое высокое мнѣніе о Бибиковѣ объясняется, кромѣ другихъ его заслугъ, особенно тѣмъ, что еще за 10 лѣтъ до этого онъ также присланъ былъ въ Казань для прекращенія неустойствъ на заводахъ окрестнаго края; и тогда онъ дѣйствовалъ съ такою твердостію, но вмѣстѣ и съ такимъ челоѡколюбіемъ, что заслужилъ общее довѣріе, возстановивъ порядокъ безъ большой потери людей. Участіе Державина въ дѣйствіяхъ Казанскаго дворянства по составленію

10) Въ одномъ изъ Прибавленій къ № 16, 25 февраля 1774 года. Пушкинъ въ 5 примѣчаній къ IV главѣ исторіи Пугачевского бунта называетъ эту рѣчь письмомъ и говоритъ, что рѣчи онъ не читалъ. Такое недоразумѣніе произошло отъ формы обращенія, которую Державинъ далъ своей рѣчи. Письмо же, но не къ Императрицѣ, а къ Бибикову было написано Макаровымъ и также напечатано въ слѣдъ за рѣчью въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ; но сочиненія этого письма нельзя приписать Державину, вопреки предположенію г. Апучина, напечатавшаго въ Русскомъ Ивалидѣ (1860, № 69) статью: «Рѣчь благодарственная, произнесенная въ Казани». Еслибъ это письмо было сочинено Державинымъ, то конечно попало бы вмѣстѣ съ рѣчью въ его рукописи, но мы его тамъ нигдѣ не находимъ. Рѣчь была напечатана также въ Заволжскомъ муравѣ 1834, № 3, вслѣдъ за приведеннымъ выше рескриптомъ.

предположеннаго ополченія, видно изъ слѣдующаго письма предводителя Макарова отъ 12 марта:

Государь мой Гаврила Романовичъ ¹⁾

Казанское дворянство опредѣлило отослать къ вамъ всеми-
лостивѣйшій Ея Императорскаго Величества манифестъ, свидѣ-
тельствующій особливое Ея Величества благоволеніе и милость,
который вамъ, какъ имѣвшему участіе въ полезныхъ опредѣ-
леніяхъ нашего общества, при семъ съ господиномъ подпол-
ковникомъ Григорьемъ Алексѣевичемъ Бутлеровымъ посы-
ляется, съ чѣмъ я васъ, государь мой, усерднѣйше поздравляю
и пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ

государь мой

вашъ вѣрный слуга

Иванъ Макаровъ.

Изъ первыхъ сношеній между Бибиковымъ и Держави-
нымъ мы уже видимъ, что они сошлись какъ нельзя лучше и
что между ними утвердилось полное уваженіе другъ къ другу.
Однакожь вскорѣ пришлось имъ разстаться: обстоятельства
побудили Бибикова расширить кругъ дѣйствія молодаго офи-
цера и дать ему въ другомъ мѣстѣ болѣе самостоятельное по-
ложеніе.

Поводомъ къ тому было прибытіе къ Бибикову въ Казань
экономическаго крестьянина Ивана Серебрякова изъ приволж-
скаго дворцоваго села Малыковки. Такъ какъ это село будетъ
съ этихъ поръ часто упоминаться въ нашемъ разсказѣ, то мы
и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о немъ. Оно, или вѣрнѣе ны-
нѣшній городъ Волгскъ (Саратовской губерніи), лежитъ на нагор-
номъ берегу Волги противъ устья рѣки Иргиза. При Петрѣ Ве-
ликомъ село это было пожаловано князю Меншикову; когда же
у него всѣ имѣнія были отобраны, то оно поступило въ двор-
цовое вѣдомство. Главными промыслами Малыковки были ры-
боловство и хлѣбная торговля. При открытіи Саратовскаго
намѣстничества, въ 1780 г., она переименована городомъ

---

1) Тетрадь частной переписки, № 3. Упоминаемый въ этомъ письмѣ манифестъ,
о которомъ мы уже выше говорили, находится также въ бумагахъ Державина.

Волгскомъ и вскорѣ это мѣсто обращено въ уѣздный городъ, гдѣ нынѣ по календарю до 21,500 жителей; во время Пугачевщины населеніе его состояло главнымъ образомъ изъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ; но сверхъ того тамъ жили Татары, колонисты и особенно раскольники. Отъ Саратова Малыковка лежитъ въ 138 верстахъ.

Обстоятельство, что это было одно изъ раскольническихъ жительство, объясняетъ, почему Пугачевъ, въ первую эпоху своего бродяжничества, бѣжавъ изъ Яицка и побывавъ на Иргизѣ ²⁾, посѣтилъ Малыковку. Здѣсь былъ онъ пойманъ и схваченъ передъ заключеніемъ въ Казани. Въ Малыковкѣ провѣдали о немъ тогда Серебряковъ и пріятель его, дворцовый крестьянинъ Трофимъ Герасимовъ. Но они сперва думали, что бродяга еще на Иргизѣ въ слободѣ Мечетной, гдѣ его видѣлъ землякъ ихъ, почему Герасимовъ и ѣздилъ туда для поимки Пугачева; услышавъ же въ Мечетной, что онъ поѣхалъ въ Малыковку на базаръ, Герасимовъ бросился назадъ въ свое село, открылъ мѣстопребываніе пришлеца и донесъ о немъ: Пугачевъ былъ допрошенъ и отправленъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань ³⁾.

Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1767 г. Державинъ, живя у своего двоюроднаго брата Николая Яковлевича Блудова, имѣлъ случай узнать Серебрякова, которій содержался тамъ въ

---

2) Когда Пугачевъ былъ уже въ рукахъ правительства, Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину говорила объ Иргизѣ: «Хотя и усматриваю, что по рѣкѣ Иргизу нынѣ малая часть поселенцевъ осталась, но не менѣе подлежитъ сіе мѣсто бдѣнью, ибо оно уже давно укрывательствомъ служить ворами и бѣглымъ, коими раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище, и для того почитаютъ за нужно въ тамошнемъ мѣстѣ завести, гдѣ удобно, подъ видомъ населенія, каковаго ни есть рода начальство, дабы сіе гнѣздо держать въ уздѣ». (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1838, кн. II, стр. 36).

3) Имя Трофима Герасимова было извѣстно и Пушкину: во 2-мъ прим. къ гл. II Ист. Пугачевского бунта онъ упоминаетъ о немъ въ числѣ трехъ лицъ, подавшихъ письменное объявленіе о показаніяхъ крестьянина Семена Филипова, бывшаго вмѣстѣ съ Пугачевымъ на Яикѣ. Пушкинъ называетъ Герасимова земскимъ Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ. При допросѣ въ отдѣльной Секретной Коммисіи Пугачевъ показалъ: «Какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ и потомъ спрашивалъ» и далѣе: «считая меня подозрительнымъ человекомъ, мучилъ подъ пристрастнымъ допросомъ». Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1838, кн. II, стр. 7; Ср. тамъ же ниже, во 2-мъ допросѣ, стр. 40.

сыскомъ приказѣ. Все, что Державинъ при этомъ случаѣ сообщаетъ о немъ и о причинѣ его заключенія, показываетъ намъ въ Серебряковѣ челоуѣка, прошедшаго чрезъ огонь и воду, готоваго на все для пріобрѣтенія выгоды. (Онъ подавалъ Петру III проектъ о дозволеніи выходящимъ изъ Польши раскольникамъ селиться по рѣкѣ Иргизу; когда же это было разрѣшено, то Серебряковъ, назначенный вмѣстѣ съ другими къ приведенію въ исполненіе этого проекта, сталъ, вмѣсто Польскихъ выходцевъ, допускать всякаго рода людей, въ томъ числѣ и господскихъ, на поселеніе по Иргизу; другая затѣя Серебрякова, во время его содержанія въ сыскомъ приказѣ, бросаетъ на него еще болѣе мрачную тѣнь)⁴⁾. Въ Москвѣ, въ одномъ домѣ съ Державиннымъ жилъ и другой родственникъ Блудова, Сергѣй Тимоѣевичъ Максимовъ, который, имѣя помѣстья около Малыковки, зналъ Серебрякова и принималъ его къ себѣ. Въ этомъ домѣ видѣлъ его и Державинъ. Серебряковъ былъ освобожденъ подъ поручительство Максимова. Видя энергическія мѣры, принимаемыя противъ Пугачева, и считая его гибель вѣрною, Серебряковъ вздумалъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы загладить свои вины передъ правительствомъ. Онъ явился въ Казань къ Державину и просилъ употребить его вмѣстѣ съ Герасимовымъ къ поимкѣ Пугачева, такъ какъ они разъ уже доказали усердіе свое и ловкость въ этомъ дѣлѣ; Пугачевъ же, когда будетъ разбитъ собравшимися войсками, конечно опять придетъ укрываться у своихъ друзей, раскольниковъ, на Иргизъ или Узени⁵⁾, обыкновенное убѣжище преступниковъ. Для исполненія этого плана Серебряковъ требовалъ, чтобъ ему даны были средства и между прочимъ, чтобы завѣдываніе всѣми распоряженіями ввѣрили подпоручику Максимову, какъ офицеру, знающему край и населеніе его.

Бибиковъ, прінявъ Серебрякова ночью наединѣ въ своемъ кабинетѣ, сказалъ Державину: «Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты его представилъ, то и долженъ

---

4) См. Зап. Держ., стр. 41, 42, 73 и 76.

5) Большой и Малый Узень, двѣ степныя рѣки, которыя текутъ почти параллельно верстахъ въ 20 одна отъ другой по Самарской губерніи и Землѣ Уральскаго войска.

съ нимъ возитъся, а Максиму его я не повѣрю». На другой день, 6 марта, Державинъ получилъ отъ главнокомандующаго «тайное наставленіе» (№ VII), котораго содержаніе передадимъ сокращенно, отчасти на нынѣшнемъ языкѣ:

Отправляйтесь въ Саратовъ, а оттуда въ Малыковку, объявляя, что вы посланы отъ меня для встрѣчи и препровожденія идущихъ сюда казаковъ и гусаръ и для закупки провіанта. Въ самомъ же дѣлѣ цѣль ваша должна состоять въ слѣдующемъ:

Стерегите Пугачева на Иргизѣ и Узеняхъ, гдѣ у него конечно есть друзья и гдѣ онъ въ случаѣ пораженія вѣроятно будетъ искать убѣжища: принимайте втайнѣ мѣры къ поимкѣ его, стараясь заранѣе узнать тѣхъ, къ кому онъ можетъ прибѣгнуть; обѣщайте награды, прискивая и подготавливая себѣ помощниковъ.

Между тѣмъ развѣдывайте о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Пугачева и его скопищъ, о ихъ состояніи и силахъ, о взаимной между ними связи, и собираемыя вами свѣдѣнія доставляйте какъ мнѣ, такъ и дѣйствующимъ по Самарской линіи генераламъ: князю Голицыну и Мансурову, употребляя при этой перепискѣ ключъ, который и ввѣрю вамъ ⁶⁾.

Подсылайте въ толпы самозванца надежныхъ людей, чтобы знать обо всемъ, что у него дѣлается, и при этомъ не щадите ни трудовъ ни денегъ, для чего и отпускается съ вами 400 р. А чтобъ вы находили содѣйствіе со стороны мѣстныхъ властей, вотъ вамъ письма. «Для снисканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности, ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ».

Наблюдайте неусыпно расположеніе мѣстныхъ жителей, образъ мыслей и понятія ихъ о самозванцѣ и употребляйте все способы къ вразумленію обманутыхъ и колеблющихся. «Проповѣдайте милосердіе Монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отступятъ и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщенія и обманы Пугачева и его сообщниковъ».

---

6) Ключъ этотъ сохранился въ тетради ордеровъ, которые Державинъ получалъ во время Пугачевщины (№ IX).

«Наконецъ для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человекъ съ разумомъ и довольно тамошнія обстоятельства знающій: но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководителемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представитъ вамъ такіе способы, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно, ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются».

«Впрочемъ я, полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей».

Изъ этой инструкціи видно, что сущность порученія, даннаго Державину, состояла въ томъ, чтобы онъ, находясь въ Малыковкѣ, на Иргизѣ и Узеняхъ, «яко въ гнѣздѣ раскольниковъ сволочи», старался съ помощью Серебрякова и Герасимова разставить сѣти Пугачеву; чтобы онъ дѣйствовалъ на расположеніе умовъ, сносился съ мѣстными властями, извѣщалъ обо всемъ военачальниковъ, вообще же поступалъ бы по своему собственному усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами. Последняя часть инструкціи показываетъ, какъ много Бибиковъ полагался на способности, усердіе, ловкость и расторопность Державина; но слова, рекомендующія ему ласковое и скромное обхожденіе съ жителями, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ знать, что проницательный начальникъ успѣлъ уже замѣтить недостатки новаго своего подчиненнаго и нѣсколько опасался излишней его *рьяности и назойливости*.

На другой же день по полученіи этой бумаги Державинъ выѣхалъ изъ Казани вмѣстѣ съ Серебряковымъ, но въ Сямбирскѣ онъ отправилъ его впередъ въ Малыковку, «дабы совокупнымъ съ нимъ пріѣздомъ не сдѣлать молвы въ народѣ» (№ 79).

10 марта Державинъ прибылъ въ главное мѣсто своего назначенія — Малыковку. Но прежде нежели опишемъ сдѣ-

ланныя имъ здѣсь распоряженія, посмотримъ въ какомъ положеніи находились тогда дѣла Пугачева.

Еще въ сентябрѣ предъидущаго года онъ овладѣлъ 7-ю крѣпостями на Яикѣ, и въ началѣ октября двинулся на Оренбургъ. Изъ Петербурга велѣно было разнымъ отрядамъ слѣдовать въ Казань и начальство надъ ними сперва ввѣрено генераль-маіору Кару, который и выступилъ къ Оренбургу, но послѣ первыхъ же неудачъ сталъ отступать и въ срединѣ ноября, услышавъ о гибели полковника Чернышева, шедшаго на подкрѣпленіе Оренбурга, самовольно отказался отъ команды подъ предлогомъ болѣзни и уѣхалъ въ Москву, за что и исключенъ изъ службы. Еще до этого Бибиковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Между тѣмъ Пугачевъ дѣйствовалъ все около Оренбурга, комендантъ котораго Рейнсдорпъ, растерявшись, безпрестанно дѣлалъ ошибки. Въ городѣ начиналъ обнаруживаться голодъ. Яицкіи городокъ, это первое гнѣздо бунта, по выраженію Пушкина, — гдѣ Пугачева приняли бы съ распростертыми объятіями, былъ еще въ большей опасности. 31 Декабря мятежники чуть было не взяли его; онъ былъ спасенъ только распорядительностію коменданта Симонова и офицера Крылова. По распоряженію Бибикова войска стали стягиваться къ Оренбургу. Сподвижникъ его еще въ Польшѣ, кн. Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя между Казанью и Оренбургомъ. Мансуровъ съ правымъ крыломъ имѣлъ порученіе прикрывать Самарскую линію и доставлять провіантъ Оренбургу и Яицку съ Волги.

Эти два города, не смотря на ихъ тяжкое положеніе, не сдавались. Но вблизи ихъ одна крѣпость падала за другою. Сообщникъ Пугачева, Хлопуша, овладѣлъ Илецкою защитой; самъ онъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую; потомъ засѣлъ въ Татищеву и сталъ тамъ укрѣпляться. Около этого времени Голицынъ соединился съ Мансуровымъ. Таковы были обстоятельства въ началѣ марта, когда мы оставили Державина въ Малыковкѣ. Но къ дополненію этого очерка надо прибавить, что весь нашъ юговостокъ былъ взволнованъ; Калмыки и Башкиры бунтовали, мѣшая сообщеніямъ; Киргизы свободно врывались черезъ открытую границу; мятежъ грозилъ разлиться

и далѣ на сѣверъ; въ Перми и Екатеринбургѣ начинались уже безпорядки. Зима стояла жестокая; отъ снѣговъ не было проѣзда въ степяхъ; выступая въ походъ, нужно было запасаться не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами. Биби-ковъ, жалуясь въ каждомъ письмѣ на трудность своего положенія, которое не давало ему уснуть спокойно, сокрушался между прочимъ и о недостаткѣ войска, особливо конницы, и пламенно желалъ, чтобы война съ Турціей скорѣе прекратилась и миръ развязалъ бы Россіи руки. Но всего важнѣе былъ духъ буйства и своеволія въ народъ, — 7) «почти всеобщее волненіе черни», какъ говорилъ Биби-ковъ. «Вѣдь не Пугачевъ важенъ, продолжалъ онъ: да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе козаки играютъ» 8).

Теперь возвратимся къ Державину.

Малыковка съ этихъ поръ сдѣлалась на нѣсколько мѣсяцевъ главнымъ мѣстопробываніемъ его. Нелишнимъ считаемъ дать здѣсь читателю нѣкоторое понятіе и о виѣшнемъ видѣ этого селенія. Прѣжняя Малыковка лежитъ живописно на нагорномъ берегу Волги, который въ томъ мѣстѣ напоминаетъ южный берегъ Крыма. Съ трехъ сторонъ огибають ее горы дугою, сѣвернымъ концемъ своимъ упирающеюся въ Волгу. «Величественная зеркальная поверхность Волги, говоритъ Н. Н. Костомаровъ, окаймленная на противоположномъ берегу синезеленою лентою лѣсовъ, не прерываемая ни островами, ни откосами, горы съ бѣлизною мѣла, золотистостью извѣстняка и разнообразными отливами зелени садовъ и травы, сверканіе воды родниковъ, текущихъ въ изобиліи въ разныя стороны, словомъ, возвышенности, земля и вода, главныя условія красоты мѣстностей, сложены такъ удачно, что производять самое пріятное впечатлѣніе на нервы, способныя задрожать отъ красоты природы. Волгскъ и его окрестности чрезвычайно богаты родни-

---

7) «Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Внутри и виѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей». Письмо Биби-кова къ гр. З. Г. Чернышеву; см. Ист. Пуг. б. Приложенія.

8) Письмо Биби-кова къ Д. И. Фон-Визину. Тамъ же.

ками, такъ что мѣстные жители справедливо выражаются, что ихъ городъ построенъ на водѣ»⁹⁾.

Въ нынѣшнее время городъ Волгскъ поражаетъ еще обиліемъ своихъ садовъ и множествомъ каменныхъ, но опустѣвшихъ зданій, построенныхъ здѣшнимъ гражданиномъ Злобинымъ. Но при Державинѣ Малыковка конечно не имѣла еще ни того, ни другаго преимущества.

По прїѣздѣ въ Малыковку первой заботой его было пріискать надежныхъ лазутчиковъ. Серебряковъ и Герасимовъ привели къ нему дворцоваго Красноярскаго крестьянина Дюпина, который взялся съѣздить на Иргизъ за раскольничьимъ старцемъ Іовомъ. Этотъ, какъ удостовѣрили всѣ трое, былъ по усердію своему особенно годенъ для подсылки къ бунтовщикамъ, тѣмъ болѣе что зналъ Пугачева въ лицо: онъ познакомился съ бродягой, когда тотъ укрывался на Иргизѣ. Черезъ два дня Дюпинъ воротился съ Іовомъ. Державинъ рѣшился употребить обоихъ, такъ какъ за нихъ ручались Серебряковъ и Герасимовъ, у Дюпина же была «на Иргизѣ семья и цѣлая изба дѣтей»¹⁰⁾. Они взялись ѣхать на Яикъ съ тайными порученіями Державина; Іовъ долженъ былъ постоянно оставаться въ толпѣ Пугачева и по возможности присылать извѣстія обо всемъ, что тамъ будетъ происходить; Державинъ далъ имъ какъ на дорогу, такъ и на разныя другія издержки 100 р., обнадежилъ ихъ милостью правительства и обѣщалъ Дюпину освободить сына его отъ рекрутства, по которому тотъ стоялъ на очереди. Іовъ и Дюпинъ получили отъ Державина «наставленіе», котораго черновой подлинникъ сохранился въ его бумагахъ¹⁾. Въ этой инструкціи Іову поручалось сперва доставить Яицкому коменданту Симонову письмо²⁾, въ которомъ Державинъ просилъ у него свѣдѣній и ободрялъ его; потомъ идти въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ и развѣдать тамъ подробно обо всѣхъ касающихся до него обстоятельствахъ. А чтобы прибытіе Іова

---

9) См. статью г. Костомарова: «Поездка въ г. Волгскъ» въ Памятной книжкѣ Саратовской губерніи на 1839 годъ.

10) Рапортъ Державина къ Бибикову отъ 13 марта № 1.

1) Тетрадь рапортовъ, № 2.

2) Тамъ же № 57.

къ мятежникамъ не показалось подозрительнымъ, Державинъ придумалъ-было для него тотъ предлогъ, что онъ присланъ Филаретомъ, известнымъ игумномъ Мечетной слободы, который, по словамъ Державина, благословилъ Пугачева на его предприятие³⁾. Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани и отвезенъ въ Казань. Іовъ долженъ былъ сказать, что видѣлся съ нимъ въ Казани и что слышалъ отъ него слѣдующее: Филаретъ склонилъ въ пользу Пугачева очень многихъ, но они требовали, для своей безопасности, чтобъ Филаретъ побывалъ у Императора и возвратился къ нимъ съ увѣреніемъ въ его милости, а такъ какъ это теперь за неволю Филарета невозможно, то вмѣсто его отправился Іовъ, съ тѣмъ, чтобы Пугачевъ выслалъ его къ нимъ съ ожидаемымъ удостовѣреніемъ; Филаретъ же, взятый въ секретную комиссію, готовъ скорѣе вытерпѣть всевозможныя истязанія и даже быть замученнымъ до смерти, нежели открыть что нибудь. Кажется однакожь, что самъ Державинъ потомъ нашелъ эту сказку неудобною и замѣнилъ ее другою: по крайней мѣрѣ въ Запискахъ своихъ онъ рассказываетъ, что научилъ посланныхъ говорить Пугачеву, что они бѣжали къ нему съ Иргица отъ страха скорой казни за то, что принимали его въ своихъ жилищахъ.

Предполагая, между тѣмъ, и возможность измѣны со стороны своихъ повѣренныхъ, Державинъ, согласно съ инструкціей Бибикова, старался увѣрить ихъ, что онъ пріѣхалъ въ Малыковку для встрѣчи гусарскихъ полковъ, идущихъ изъ Астрахани, и для закушки имъ провіанта. Разглашая это и вообще, Державинъ, какъ самъ онъ сознается, имѣлъ тайную цѣль: въ случаѣ, если скопища Пугачева устроятся по Иргизу къ Волгѣ, гдѣ никакихъ войскъ не было — «нѣсколько ихъ отъ того удержать, что, какъ ниже будетъ видно, и имѣло свой успѣхъ». Такъ выражается Державинъ въ подлинномъ журналѣ, веденномъ имъ во время Пугачевщины; къ сожалѣнію онъ въ старости, когда писалъ свои Записки, слишкомъ усилилъ эти довольно умѣренные выраженія, сказавъ, что намѣревался удержать впаденіе мятежниковъ во внутренность имперіи или прио-

---

3) Записки, стр. 103.

стаповить ихъ до прибытія на Яикъ генерала Мансурова и что «это была истинная его цѣль, которая ему и удалась». Такой планъ показывалъ бы слишкомъ неумѣренное честолюбіе въ подпоручикѣ, при которомъ не было никакого войска, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе далеко выходило изъ границъ даннаго ему порученія. Мы увидимъ, въ какой мѣрѣ слова его въ послѣдствіи оправдались.

Въ то же время онъ приказалъ Серебрякову и Герасимову находиться на Иргизѣ и Узеняхъ, чтобы наблюдать за образомъ мыслей населенія, предупреждать сообщеніе съ Пугачевымъ, ловить подсылаемыхъ имъ лазутчиковъ, выставивъ для этого особыхъ надсмотрщиковъ на дорогахъ и перевозахъ; въ случаѣ же ожидаемаго вскорѣ пораженія Пугачева примѣчать, не появится ли онъ между жителями, и если онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ укрываться у нихъ, то немедленно увѣдомить о томъ Державина, который, какъ видно, въ началѣ всего болѣе занятъ былъ заботой и надеждой поймать самозванца, что и было согласно съ инструкціей Бибикова. Капитанъ Вильгельмъ, одинъ изъ крейсъ-коммисаровъ въ Саратовскихъ колоніяхъ, съ которымъ Державинъ переписывался изъ Малыковки, — писалъ ему на Святой недѣлѣ (23 апрѣля): «Дай вамъ Богъ счастье положить къ ногамъ великой нашей Монархини Пугачева вмѣсто краснаго яичка»⁴).

Въ отвѣтъ на рапортъ Серебрякова и Герасимова, присланный уже съ Иргиза, Державинъ отправилъ имъ 22 марта приказъ, въ которомъ между прочимъ писалъ (№ 26): «словомъ сказать, чтобъ уши наши и глаза были вездѣ, дабы чрезъ нерадѣвіе не упустить того, чего смотрѣть должно. Исполняя же сіе, какъ можно хранить вамъ себя отъ того, чтобъ никакихъ на васъ жалобъ не было, нигдѣ ничего силою не брать, ибо должность ваша оказать свое усердіе состоитъ токмо въ пронырливыхъ съ ласкою поступкахъ, и то весьма скрытнымъ, а не явнымъ образомъ. Нигдѣ жителей никакъ не страшать, но еще послаблять имъ ихъ языкъ, дабы извѣдать ихъ сокровен-

---

4) Ihnen aber sey das Glück bestimmt, den Pugatscheff unserer grossen Monarchin zum Osterey zu Füßen zu legen». Тетр. частныхъ писемъ, № 114.

ныя мысли, уговаривать, чтобъ они ничего не боялись и оставались бы въ своихъ мѣстахъ, а ежели можно, то подавать еще искуснымъ образомъ и поводъ, чтобъ они привлекли къ себѣ желанное нами. Поступайте такъ, чтобъ вамъ кажется ни до чего дѣла не было, въ противномъ же случаѣ вы принудите о себѣ мыслить и догадываться, что вы не просто разбѣжаете».

О первыхъ своихъ распоряженіяхъ въ Малыковкѣ Державинъ на другой же день, 13 марта, донесъ Бибикову, и въ концѣ своего рапорта (№ 1) помѣстилъ еще слѣдующее. «Г. Лодыгинъ, сказывають, жителей устрашаетъ казнями и висѣльницами, что мнѣ кажется бесполезно, дабы народъ, а особливо сволочь на Иргизъ не разбѣжалась, и тѣмъ бы мы не лишились надежды, что у друзей своихъ раскольниковъ будетъ имѣть прибѣжище Пугачевъ; не прикажете ли ему остаться въ своемъ домѣ и помолчать; а если онъ здѣсь надобенъ, то, по крайней мѣрѣ, сообщалъ бы мнѣ, что онъ намѣренъ дѣлать. Къ господину маіору Елагину, находящемуся въ Казани для набора улановъ, писалъ я, чтобъ онъ прислалъ поскорѣе сюда дворцоваго управителя ⁵⁾, котораго я здѣсь не нашель, дабы онъ исполнялъ мои требованія, а ежели прислать его не можетъ, то чтобъ онъ поручилъ должность свою до прибытія его хотя экономическому казначею ⁶⁾, здѣсь находящемуся, а не мужику, который раскольникъ и на котораго мнѣ положиться сумнительно».

Бибиковъ отвѣчалъ 26 марта (№ XXVII): «Все принятыя вами на первый случай распоряженія производятъ во мнѣ особенное удовольствіе. Я на благоразуміе ваше полагаюсь», прибавляетъ онъ, употребляя отчасти условленный ключъ, «что не упустите вы неуспынно стараться развѣдать, не уйдетъ ли злодѣй, по разореніи его гнѣзда, въ сказанное вамъ въ первомъ ордерѣ моемъ мѣсто. Капитана Лодыгина не терпите. Я къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Если же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань. — Къ господину Елагину о отпускѣ отъ себя управителя ордеръ посланъ».

---

5) Федора Кузьмича Шиховскаго. 6) Тишину.

Это начало переписки Бибикова съ Державинымъ еще яснѣе показываетъ намъ утвердившееся между ними взаимное довѣріе; оно продолжалось до самой кончины Бибикова.

Сдѣлавъ все нужное въ Мальковкѣ, Державинъ поспѣшилъ въ Саратовъ, чтобы вручить письмо Бибикова Астраханскому губернатору, Кречетникову, который въ то время жилъ въ этомъ городѣ⁷⁾; главнокомандующій просилъ его оказывать подателю содѣйствіе. Предъ отъѣздомъ Державинъ получилъ отъ Серебрякова, съ Иргиза, увѣдомленіе, что тамъ носится слухъ, будто Пугачевъ съ Яика написалъ воззваніе къ Киргизамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему и обѣщая за то всю степь отъ Яика до Волги; почему Киргизы уже и расположились около Узеней. Отдавая Кречетникову письмо своего начальника, Державинъ упомянулъ объ этомъ извѣстїи и старался вывѣдать, какъ смотритъ Астраханскій губернаторъ на возможную со стороны Киргизовъ опасность и не считаетъ ли нужнымъ принять какія нибудь предосторожности. Такъ рассказываетъ самъ Державинъ въ первой, измѣненной имъ впоследствии редакціи своего журнала. Но Кречетниковъ обратилъ мало вниманія на опасенія молодаго человѣка, на котораго смотрѣлъ презрительно. Кажется, уже съ перваго свиданія его съ Кречетниковымъ произошло между ними столкновеніе, которымъ начинается цѣлый рядъ непріязненныхъ сношеній прїѣзжаго офицера не только съ этимъ лицомъ, но и съ разными другими мѣстными властями: обстоятельство обыкновенное, по которому въ этомъ случаѣ конечно много способствовало заносчивый и неуступчивый характеръ Державина. Нашедши въ Саратовѣ порядочное войско, онъ по видимому надѣялся, что губернаторъ отдастъ часть своихъ людей въ его распоряженіе; ошибшись въ расчетѣ, онъ теперь жаловался Бибикову, что губернаторъ, имѣя самъ войско, требуетъ себѣ помощи отъ главнокомандующаго⁸⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ, не добившись войска отъ Кречетникова, просилъ у Бибикова позволенія, въ случаѣ надобности, брать изъ Саратова

7) Саратовъ принадлежалъ тогда къ Астраханской губерніи. «Именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненія своей губерніи» писалъ Лодыжинскій Державицу. (Част. письма, № 102).

8) Рапортъ Бибикову, № 73.

роты, находившіяся при конторѣ управленія колонистами и которыя, какъ и самая контора, не были въ вѣдѣніи губернатора⁹⁾.

Отправивъ съ нарочными какъ это письмо къ Бибикову, такъ и рапорты къ князю Голицыну и къ Маусурову, Державинъ воротился въ Малыковку и здѣсь получилъ съ Иргиза извѣстіе, что за крайними селеніями по этой рѣкѣ явилось на хуторахъ нѣсколько человекъ изъ шайки Пугачева. Державинъ тотчасъ сталъ хлопотать о средствахъ для поимки этихъ людей. Но пусть онъ самъ разскажетъ намъ, какъ о принятыхъ имъ по этому случаю мѣрахъ, такъ и о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ.

Для этого мы воспользуемся рапортомъ его къ Бибикову (отъ 27 марта, № 52), набросаннымъ начерно, какъ очевидно въ сильномъ волненіи. Поблагодаривъ Бибикова за одобрительное его письмо (см. выше стр. 22) и увѣривъ его въ своей готовности дѣйствовать еще съ большимъ усердіемъ, онъ продолжаетъ: «Но при всемъ томъ, возложенное на меня дѣло при самомъ его началѣ начинаетъ останавливаться. Ни повелѣнія вашего высокопревосходительства, сами по себѣ важныя и сильныя, ни упоминаніе въ нихъ Высочайшаго именнаго указа, съ трепетомъ исполняться долженствуемаго, здѣсь ничто не важно. Ваше высокопревосходительство прочетши сіе изволите удивиться и съ ужасомъ сказать, что я измѣняю. Однако итъ!».

За этимъ слѣдуетъ приведенное извѣстіе. По полученіи его «велѣлъ я», продолжаетъ Державинъ, «Серебрякову и Герасимову, тотчасъ взять по выбору ихъ людей надежныхъ 20 человекъ, ѣхать туда и если можно переловить ихъ. Я сдѣлалъ было приказы какъ къ экономическимъ, такъ и къ дворцовымъ дѣламъ¹⁰⁾, предписавъ имъ, чтобы каждыя отъ себя отпустили по 10-ти человекъ. Дворцовый управитель по приказанію сдѣлалъ, а экономическій

---

9) Въ 1763 году отведены были земли между Саратовомъ и Астраханью, по луговой сторонѣ Волги, для поселенія иностранныхъ хлѣбопашцевъ. Для ближайшаго же управленія надъ колонистами, въ 1766 г. учреждена въ Саратовѣ особая контора, которая имѣла права, равныя съ другими коллегіальными мѣстами. Памятная книжка Саратовской губерніи за 1838 годъ. Очеркъ исторіи Саратовскаго края, Н. И. Костомарова.

10) Экономическими и дворцовыми дѣлами назывались тогда самыя управленія, завѣдывавшія этими дѣлами.

нѣтъ, не только людей не далъ, но ниже велить лошадей давать къ посылкѣ по дѣлу сему надобныхъ. Этого мало, что не уважаетъ онъ самъ ввѣренную мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ комиссію, но влагаетъ въ подчиненныхъ и въ дворцовыхъ крестьянъ самую худую мнѣ надежду отъ нихъ имѣть при случаѣ помощь. Съ огорченіемъ моимъ долженъ я о томъ извѣстить ваше высокопревосходительство».

Прилагая отвѣтъ казначея въ подлинникѣ, Державинъ прибавляетъ: «Г. казначей предписываетъ мнѣ, чтобъ я о томъ давалъ ему знать, чего ему знать не должно». За этимъ слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ строкъ, въ которыхъ можно только разобрать, что Тишинъ требовалъ у Державина отчета въ его дѣйствіяхъ и что послѣдній жалуется на неприятели, дѣлаемые ему первымъ. «Я приказывалъ ему для всякаго случая, еслибъ толпа злодѣевъ прорвалась, приготовить нѣсколько людей, что бъ онъ сдѣлать долженъ былъ самъ, но онъ не движеть никуда».

Казначей, на котораго Державинъ здѣсь жалуется, былъ Василій Ермолаевичъ Тишинъ, который въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, погибъ отъ Пугачева ужасною смертью со всеѣмъ своимъ семействомъ.

Въ то же время Державинъ отправилъ уже извѣстную намъ инструкцію Серебрякову и Герасимову (стр. 21), одобряя ихъ дѣйствія на Иргизѣ и поручая дѣйствовать такимъ же образомъ на Узеняхъ.

Тогда же (31 марта) Державинъ учтивымъ письмомъ просилъ Кречетникова дать ему челоуѣкъ 20 или 30 казаковъ. «Если же вашему пре-ву пожаловать оныхъ отъ себя некого, то покорнѣйше прошу приказать стоящимъ на форпостахъ около Шафгаузена (крайней колоніи) толикому числу быть въ полномъ моемъ вѣдѣніи» (№ 37).

Между тѣмъ Державинъ получилъ 6 апрѣля письмо отъ Бибикова, который опять изъявляетъ ему «признаніе и удовольствіе за усердное стараніе о исполненіи возложеннаго на него дѣла» (№ XI), и соглашаясь на просьбу Державина о разрѣшеніи ему брать вооруженныхъ людей изъ Саратова, прилагаетъ ордеръ о томъ въ *контору опекуства иностранныхъ*, съ предпи-

саніемъ, чтобы начальникъ команды, которая будетъ отпущена, «непремѣнно и дѣйствительно исполнялъ» указанія Державина. Тутъ же Бибииковъ сообщалъ радостную вѣсть, что Пугачевъ былъ совершенно разбитъ княземъ Голицынымъ подъ крѣпостью Тагищевою.

Кречетниковъ еще днемъ ранѣе получилъ отъ главнокомандующаго то же извѣстіе и въ слѣдствіе этого отправилъ всѣхъ казаковъ, какіе у него оставались, въ степь къ городу Яицку, на Узени, для поимки разбѣжавшихся мятежниковъ. Отвѣчая Державину, онъ опирается на это обстоятельство, какъ на причину, почему не можетъ исполнить его просьбы, и совѣтуетъ ему присоединиться къ премьеръ-маіору Шевичу, который командовалъ Сербскими гусарами и которому теперь велѣно было также сдѣлать разѣздъ къ Яику, «а притомъ», заключаетъ губернаторъ, «сѣхъавшись съ вами поступить и по вашимъ наставленіямъ, и потому можете въ нужномъ употребленіи пользоваться уже не малѣйшимъ числомъ казаковъ, а цѣлыми эскадронами» (№ XII).

Позволеніемъ Бибиикова требовать помощи отъ опекунской конторы Державинъ воспользовался на другой же день, и написалъ ей, чтобъ она велѣла своимъ фузелернымъ ротамъ выступить, взявъ провіанта на полмѣсяца, и расположиться въ верхней колоніи Шафгаузенъ, гдѣ и крейсѣ-коммисары будутъ оказывать этому отряду содѣйствіе.

Тогда же Державинъ снова писалъ Кречетникову. Не упоминая вовсе о полученномъ отъ него отказѣ, онъ ссылается на прибывшее отъ Бибиикова извѣстіе о пораженіи Пугачева подъ Тагищевою и увѣдомляетъ, что «просилъ опекунскую контору приказать своимъ ротамъ выступить и расположиться ближе къ Иргизу, гдѣ были ваши форпосты въ колоніи Шафгаузенъ. Ваше превосходительство еще прежде сего проникли и надобность сію предусматривая изволили послать туда казаковъ, но какъ ихъ противъ тысячи челоуѣкъ злодѣевъ мало, то опекунскія роты и могутъ подкрѣплять ихъ. Я имѣю тамъ лазутчиковъ, которые тайно провѣдывая, могутъ давать знать, гдѣ потребны силы. Въ такомъ случаѣ всенижайше прошу ваше пре-во приказать посланнымъ вашимъ казакамъ содѣйствовать имъ какъ по пред-

ложеиіямъ моимъ, такъ по извѣстіямъ находящихся тамо моихъ лазутчиковъ» (№ 13).

Контора уже черезъ три дня отвѣчала, что она отправила въ назначенное мѣсто 60 фузелеровъ съ офицерами и двумя пушками и въ то же время приказала состоящимъ по луговой сторонѣ комиссарамъ, капитанамъ Шилю и Вильгельму и поручику Иванову, также польскому подполковнику Гогелю отослать имѣющихся при нихъ фузелеровъ ¹⁾ и казаковъ къ Державину, съ тѣмъ чтобы они присоединились къ Саратовской командѣ. Контора прибавила, что она изъ Саратова не можетъ дать казаковъ, потому что ихъ 56 человекъ взято уже Астраханскимъ губернаторомъ и отправлено въ колонію Шафгаузенъ.

Такимъ образомъ Державинъ, при самомъ приступѣ къ исполненію своего плана принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, встрѣтилъ препятствіе съ двухъ сторонъ: отъ казначея Тишина и отъ Астраханскаго губернатора. Съ первымъ ему легко было сладить. На жалобу свою онъ получилъ 15 апрѣля изъ Казани очень удовлетворительный отвѣтъ. Бибииковъ былъ уже безнадежно боленъ. По порученію его, 9 апрѣля, слѣдовательно въ самый день кончины военачальника, писалъ его родственникъ, избранный командиромъ Казанскаго ополченія, генерал-маіоръ Ларіоновъ, вскорѣ убѣдившій всѣхъ, что онъ недостойнъ быть этого выбора. На это-то мѣсто поступилъ въ послѣдствіи славный Михельсонъ. «Его высокопревосходительство», такъ начиналось письмо Ларіонова, «съ крайнимъ огорченіемъ внималъ поступокъ экономическаго казначея поручика Тишина. По крайіней слабости, приключившейся ему отъ болѣзни, не можетъ онъ самъ ничего подписывать, а приказалъ мнѣ отъ себя сему казначею послать ордеръ, чтобъ онъ немедленно приказаніе ваше исполнилъ и никогда не смѣлъ отговариваться. Сіе снисхожденіе показывается ему для того, чтобъ онъ особливимъ радѣніемъ и стараніемъ о исполненіи вами ему предписываемаго вину свою загладилъ. И чтобъ никакой надежды на экономическое правленіе не полагалъ и волѣ вашей пови-

---

1) Всего Державинъ получилъ 120 фузелеровъ. № 28.

новался, о томъ и въ оное правленіе предложеніе послано» (№ XVIII).

Тишинъ, то дерзкій, то подобострастный, смотря по обстоятельствамъ, долженъ былъ смириться и дать Державину людей, но тотъ все еще не былъ доволенъ, и вскорѣ писалъ Тишину: «Рапортъ вашъ получилъ и о назначенныхъ вами сотникѣ и десятскихъ теперъ свѣдѣніе имѣю; но только нельзя стать тому, чтобъ толь малое число у васъ людей было; изъ вашего рапорта я только вижу готовыхъ 180 человекъ. Волость ваша съ уѣздными деревнями велика. Постарайтесь, чтобъ количество людей было больше. Пушки, ежели таковы, какъ у дворцоваго вѣдомства я видѣлъ, то не годятся и сіе отставить» (№ 38).

Труднѣе было Державину бороться съ упрямымъ Кречетниковымъ. Получивъ въ томъ же письмѣ Даріонова извѣстіе, что Пугачевъ, вторично разбитый княземъ Голицынымъ, пробрался въ Башкирію и намѣренъ оттуда непременно проникнуть на Яикъ, Державинъ рѣшился во что бы ни стало идти на спасеніе Яицкаго городка, о чемъ и писалъ князю Голицыну: «Отъ 12 числа сего мѣсяца получилъ я отъ посланнаго нарочно на Яицкіе злодѣйскіе хутора, также и бѣжавшихъ оттуда крестьянъ, извѣстіе, что Яицкій г. комендантъ уже въ крайнемъ изнеможеніи; а его превосходительство П. Д. Мансуровъ хотя идетъ освободить его, однакожь онъ за разлитіемъ водъ достигнуть онаго не можетъ, то чтобъ не упустить время и подать крайне утѣсненному гарнизону помощь, я по предложенію его высокопревосходительства изъ Мальковскихъ крестьянъ съ 800 человекъ и съ нужною присланною артиллеріею на освобожденіе города команду сію спѣшу (?) повесть (?)» (№ 34). Но для этого Державину необходимо было напередъ преклонить Кречетникова къ содѣйствію себѣ. Вотъ почему онъ и писалъ губернатору: «Высокородный и превосходительный г. генераль-маіоръ, кавалеръ и Астраханской губерніи губернаторъ, милостивый государь! Сейчасъ получилъ я отъ развѣдывальщиковъ моихъ достовѣрное извѣстіе, что осажденный городъ Яикъ въ крайнемъ утѣсненіи и комендантъ за усилившимся голодомъ намѣренъ уже сдать; и такъ я разсудилъ съ прибывшею изъ Са-

ратова командою его сикурсовать и изъ Малыковки доставить ему провіанту; того ради ваше превосходительство еще симъ всенижайше прошу о посланіи вашего приказа казакамъ посланнымъ на Иргизъ, чтобъ были у меня въ повелѣніи, и также съ посланными отъ васъ нарочно благоволите откуда надлежитъ истребовать и прислать пороху и прочихъ артиллерійскихъ снарядовъ для коменданта Яицкаго, ежели онъ освобождается. Теперь же тѣмъ паче надлежитъ ускорить сею экспедиціею, что злодѣи по недавно полученному мною ордеру отъ его высокопревосходительства еще разбитъ, — осаждающихъ силы слабы и за разлитіемъ водъ подкрѣпиться имъ не откуда. Время очень дорого и я ничуть не мѣшкавъ съ Божіею помощію предприятие свое въ дѣйство производить буду; благоволите ваше превосходительство наискорѣе пожаловать мнѣ желанную отъ васъ помощь, безъ которой ничего начать нельзя» (№ 8).

Въ то же время Державинъ (№ 28, 18 апр.) требовалъ еще людей отъ опекунской конторы, увѣдомляя и ее о своемъ намѣреніи и прося «собрать еще сколько можно, какъ фузелеръ, такъ и казаковъ, и ничуть не мѣшкавъ приказать выступить въ полный маршъ въ команду г. Елчина», капитана артиллеріи, подъ начальствомъ котораго находились прежде высланные люди; «а онъ, прибавляя Державинъ, уже въ путь своей маршируетъ и будетъ дожидаться оной команды 22 числа сего мѣсяца на р. Иргизѣ въ селѣ Красномъ Ярѣ»²⁾). Бригадиръ Лодыжинскій, начальникъ опекунской конторы, который отъ имени ея переписывался съ Державинымъ, испугался замысловъ его для своей команды, и отвѣчая ему, что болѣе людей нѣтъ, писалъ въ то же время: «Контора за нужное находитъ вамъ напомнать, что она при случаѣ перваго требованія вашего не уповала, что отправленная предъ симъ команда на Яикъ отдалена будетъ, а чаяла, что она останется въ колоніяхъ, или по близости оныхъ, откуда можно бѣ было въ случаѣ нужды и сюда ихъ возвратить. *Почему и требуетъ нынѣ скорѣйшаго встѣхъ сихъ людей возвращенія въ Саратовъ*, дая вамъ знать, что отпущенное къ вамъ малое

2) Этого Краснаго Яра не должно смѣшивать съ тѣмъ, о которомъ выше говорили и который на р. Соку. Есть еще третій Красный Яръ — одна изъ Саратовскихъ колоній.

число военныхъ людей дано единственно въ салвогвардію поселившимся кругъ Саратова колонистамъ и для содержанія ихъ въ послушаніи, почему и во все бѣ нынѣшнее военное время шкуда отлучаемы онѣ не бывали» (№ XXII).

На это Державинъ отозвался конторѣ уклончиво, что ея люди «конечно задержаны болѣе мѣсяца не будутъ и опять къ конторѣ опекунства иностранныхъ возвратиться имѣютъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно успокоить контору, онъ обѣщаль ей донести Бибикову о усердіи, съ какимъ она оказывала ему помощь (87). Онъ еще не зналъ, что Бибиковъ скончался болѣе недѣли предъ тѣмъ, въ тотъ самый день, 9 апрѣля, когда Ларіоновъ писалъ къ нему по порученію умиравшаго уже главнокомандующаго.

Между тѣмъ Кречетниковъ на первую просьбу Державина о подкрѣпленіи казаками его команды, посланной на Иргизъ, прислалъ рѣшительный отказъ (XX), доказывая, что это не только не удобно, но и не возможно, такъ какъ взятые губернаторомъ казаки посланы имъ, для наблюденія надъ мятежниками, на Узени и далѣе къ Яицкому городку, слѣдовательно могутъ быть въ верстахъ въ 300 отъ Иргиза. вмѣсто того Кречетниковъ опять совѣтоваль ему обратиться къ майору Шевичу, который имѣлъ порученіе дѣйствовать партіями своихъ гусаръ изъ Самары, «откуда, писалъ Кречетниковъ, рѣка Иргизъ разстояніе имѣеть верстъ на 60, о чемъ отъ меня вамъ персонально и сказано». Но соединиться съ Шевичемъ Державинъ не имѣлъ никакой охоты, потому вѣроятно, что будучи моложе чиномъ, не хотѣлъ подвергаться зависимости или неизбѣжнымъ столкновеніямъ, хотя Кречетниковъ и прибавлялъ, что Шевичу велѣно, «если гдѣ съѣдется съ вами, то поступать по вашимъ наставленіямъ».

Оскорбленный Державинъ, все еще не подозрѣвая, что Бибикова нѣтъ уже на свѣтѣ и совсѣмъ собравшись въ походъ, написалъ 21 апрѣля длинный рапортъ къ своему начальнику съ похвалами опекунской конторѣ и съ жалобами на Кречетникова. Письма послѣдняго онъ даже приложилъ къ этому рапорту. Будучи обязанъ стеречь Пугачева на опредѣленныхъ мѣстахъ, Державинъ по настоящему не имѣлъ права предпри-

нимать похода въ другую сторону. Онъ самъ это чувствовалъ, и потому, увѣдомляя начальника о своемъ предпріятіи, счелъ нужнымъ въ оправданіе свое упомянуть, что до времени нельзя ожидать прибытія Пугачева на Волгу для укрывательства. Объяснивъ въ началѣ рапорта положеніе дѣлъ, онъ потомъ продолжаетъ: «Предложеніемъ въ опекунскую контору имѣя способы, имѣя время доколь злодѣй не покусятся укрываться сюда, предпріялъ я геродъ Яикъ отъ осады освободить, доставить ему на первый случай какъ провіанту, такъ и снарядовъ. Не можно вашему высокопревосходительству довольно изобразить, сколько показала опекунская контора раченія исполнить предложеніе ваше. Сколь скоро сначала я потребовалъ нѣкоторой команды, чтобъ на крайнихъ вѣдомства ея колоніяхъ, лежащихъ къ Иргизу и къ Узецямъ, ей расположась бытъ готовою стражею, какъ на отрѣзаніе злодѣя отъ степей Киргизъ-Кайсацкихъ, такъ и на воспященіе, ежели бъ онъ еще возникъ, еще былъ силенъ и хотѣлъ вмѣсто Башкиріи чрезъ селенія Иргиза съ толпою пролиться въ здѣшнюю сторону, тотчасъ она сіе и исполнила. Потомъ, по предпріятіи теперь идти на Яикъ, просилъ я отъ нея порошу и снарядовъ, чтобъ снабдить тѣмъ Яицкаго коменданта, которое все чрезъ 24 часа и получилъ. Команды теперь ея у меня, идущей уже въ Яикъ, фузелеровъ съ тремя пушками подъ предводительствомъ отъ артиллеріи г. капитана Елчина, 200 человекъ. Напротивъ того, отъ его превосходительства г. Астраханскаго губернатора я никакой себѣ помощи не имѣю, и ежели бъ ваше высокопревосходительство о томъ не изволили къ нему писать, то бъ это было все равно. Опекунская контора о требованныхъ мною казакахъ отозвалась, что она ихъ всѣхъ до предложенія еще вашего высокопревосходительства отдала г. губернатору. По тремъ моимъ всеижайшимъ его превосходительства (sic) просьбамъ и по четвертой, что я хочу освободить Яикъ, я ни одного человека казаковъ имѣть не могъ. Его превосходительство, не имѣя никакого о свободѣ Яика извѣстія, послалъ туда для развѣду тѣхъ казаковъ, которые однако ничего не дѣлаютъ, и въ степь безъ провіанту и фуражу ѣхать не могутъ, а стоятъ на Иргизѣ въ селѣ Мечетномъ и озорничаютъ по жителямъ. Все сіе съ

наставленіемъ, даннымъ мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, чтобъ на Иргизѣ и въ Узеняхъ никакъ людей не устраивать, уже не сходно. Потребно вашего высокопревосходительства въ семъ случаѣ разсмотрѣніе и воля. Но чтобъ возвратиться къ моему предпріятію, корпусъ нашъ, движимый подъ Янкъ, состоятъ будегъ, какъ выше я вашему высокопревосходительству доносилъ, изъ двухъ сотъ человекъ пѣхоты, да конницы Мальковскихъ обывателей, людей проворныхъ, сто пятьдесятъ, да Донскихъ казаковъ, находящихся на Иргизѣ по повелѣнію его превосходительства г. губернатора, которые яко опекунскіе, то я, по предложенію вашего высокопревосходительства, доѣхавъ туда ихъ и возьму и препоручу въ команду господину капитану Елчину, яко офицеру достойному³⁾ и старшему и всѣмъ корпусомъ командовать имѣющему. Но чтобъ усердію въ службѣ нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ ни что иное, кромѣ самой моей жизни, въ предѣлъ не полагать, то я при сей экспедиціи буду и самъ. Я кажется буду имѣть время выиграть и сіе предпріятіе и паки возвратясь успѣть стеречь тайно въ сѣти мятежника. Лазутчики мои оставлены и на прежнемъ есть основаніи. По удаленіи злодѣя въ Башкирію, если ему быть сюда, то уже будетъ не скоро. Ежели предварить меня въ свободѣ Янка его превосходительство Павелъ Дмитріевичъ⁴⁾, то я, кажется, ваше высокопревосходительство, никакой иной проступки не сдѣлаю, кромѣ, что дамъ людямъ напрасный маршъ. Хотя я еще имѣю пожалованной вашимъ высокопревосходительствомъ экстраординарной суммы; но какъ она не на то, въ требованіи также, чтобъ не пропустить время, то и взялъ я провіантъ для отвоза въ Янкъ сто четвертей отъ извѣстнаго уже вашему высокопревосходительству г. подпоручика Максимова изъ его деревни, которымъ провіантомъ онъ меня, желая чрезъ сіе своей Самодержицѣ показать услугу, съ радостію и снабдилъ. Сего 21 числа провіантъ и съ людьми изъ Малыковки чрезъ Волгу отправляю и велю, догнавъ марширующую команду, съ ней соединиться. Г. казначею, въ заслугу преступленія его, въ сходствіе вашего высокопревосходи-

---

3) Елчинъ впоследствии не оправдалъ этого отзыва и былъ смѣвевъ.

4) Мансуровъ.

тельства мнѣ ордера, доставилъ я случай показать его усердіе препровожденіемъ провіанта чрезъ сорокъ верстъ до марширующей команды. Посланнаго нарочно на Яикъ сказку, а бѣжавшихъ оттуда допросъ вашему высокопревосходительству при семъ прилагаю» (№ 54).

И такъ 21 апрѣля Державинъ выступилъ въ походъ ⁵⁾. Но уже на другой день онъ на пути встрѣтилъ посланнаго имъ въ Яикъ старца Юва съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ генерала Мансурова: «Государь мой Гаврило Романовичъ! Извѣстный мнѣ Мальковскій старецъ Ювъ, претерпя здѣсь важныя истязанія, вырванъ, прибытіемъ моимъ на сикурсъ бѣднаго здѣшняго гарнизона, изъ челюстей смерти. Онъ подлинно, какъ вамъ доносить будетъ, откупалъ время жизни своей деньгами, занимая здѣсь. Я завладѣлъ Яикомъ, побивъ два раза сихъ изверговъ, и вступилъ въ него вчера. Впрочемъ съ моимъ прямымъ почтеніемъ государя моего покорный и вѣрный слуга П. Мансуровъ» (№ XXI, 17 апр.).

Такимъ образомъ походъ Державина былъ остановленъ въ самомъ началѣ. Однакожъ, поздравляя Мансурова съ занятіемъ Яицка и сообщая ему о своемъ прерванномъ предпріятіи, Державинъ спрашивалъ: «Не остаться ли командѣ въ маршѣ, чтобъ сюда бѣгущихъ злодѣевъ перехватывать, или они уже по разбитіи вашимъ превосходительствомъ всѣ истреблены или въ плѣнъ захвачены? а команду я взялъ изъ Саратова на время. Также не надобенъ ли для г. коменданта приготовленный мною для него провіантъ, сто четвертей оржаной муки, и снаряды, которые я было для него взялъ»? Обстоятельство, что Ювъ попался въ руки Пугачева, тогда какъ онъ долженъ былъ играть роль его приверженца, возбудило въ Державинѣ подозрѣніе на счетъ этого человѣка, и потому въ письмѣ своемъ къ Мансурову онъ еще спрашивалъ: «Захваченные вашимъ превосходительствомъ въ Яикѣ злодѣи по строгомъ ихъ разпросѣ не докажутъ ли, что они имѣли съ здѣшними раскольниками, а особливо въ бытность мою здѣсь, переписку, ибо мнѣ чудно, что ни одинъ шпіонъ, посланный мною на Яикъ, ко мнѣ не

5) Въ первой редакціи рапорта Бибикову положительно сказано: «Сего же 21 числа въ путь выступаю» (№ 72).

возвращался, даже и сей самый Ювъ, имѣя важныя наставленія въ разсужденіи Пугачева, попался къ нимъ въ руки. Неужто былъ онъ столь не расторопенъ, что самъ себя открыть могъ?» (№ 24).

Сомнѣнія Державина относительно Юва выражены имъ еще полнѣе и положительнѣе въ позднѣйшемъ письмѣ къ Мансурову же, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: «По смятности его разсказовъ для меня его похожденія непонятная загадка. Какъ онъ раскольникъ, а они все подозрѣваются въ доброжелательствѣ къ злодѣю, то не было ли отъ него вмѣсто услуги какихъ пакостей?» (№ 19, въ маѣ).

Послѣ послѣя слухъ, прибавляетъ Державинъ въ Запискахъ своихъ: что Ювъ и товарищъ его Дюпинъ, по словамъ его убитый, сами пришли къ женѣ Пугачева Устинѣ, объявили о своемъ порученіи и открыли письмо къ Симонову. По это, какъ думаетъ Державинъ, также было полезно, потому будто что Пугачевъ, узнавъ такимъ образомъ о мѣрахъ взятыхъ на Волгѣ, не рѣшился вторгнуться внутрь имперіи. Въ одно время съ письмомъ къ Мансурову Державинъ отправилъ и къ Бибикову послѣдній свой рапортъ (№ 61), въ которомъ уведомляетъ его о новыхъ обстоятельствахъ и отдаетъ отчетъ въ израсходованіи 400 руб., полученныхъ имъ въ Казани. Въ тотъ же день (24 апрѣля) Державинъ получилъ два весьма непріятныя письма отъ Кречетникова. Одно было отвѣтомъ на извѣщеніе о предпринятомъ имъ походѣ. Губернаторъ въ саркастическомъ тонѣ доказываетъ неосновательность доставленныхъ Державину свѣдѣній о Яицкѣ и выставляетъ противорѣчіе между тѣмъ, что мятежники около этого города въ слабыхъ силахъ, и тѣмъ, что однакоже комендантъ его уже намѣренъ сдаться. Пугачевъ, пишетъ онъ, разбить и гонимъ не къ Яицку, а въ другую сторону, и притомъ на освобожденіе этой крѣпости посланъ генералъ Мансуровъ: слабому непріятелю теперь ужъ не до насилія, онъ долженъ думать только о своемъ спасеніи. «То и кому жъ бы оставалось Яицкой городокъ стѣснять? И кому жъ бы коменданту сдѣлать сдачу, со всемъ мнѣ непонятно, и получаемя вами чрезъ своихъ шпионовъ простаковъ-крестьянъ извѣстія противъ сего ни мало не

сообразительны». Поэтому, такъ какъ къ Яицку командированъ уже генераль-маіоръ, который въ настоящую пору можетъ быть успѣлъ ужь и дойти туда и освободить городъ, отъ васъ же разстояніе до него неблизкое, притомъ и тѣ казаки на Узеняхъ не стоятъ въ бездѣйствіи, «то объ освобожденіи Яицка и заботиться вамъ, мнитсѣ мнѣ, большія нужды не настоятъ. Вы полученное отъ меня письмо отправили къ его высокопревосходительству Александру Ильичу (Бибикову); оное вами учинено весьма благопристойно, которое получа его высокопревосходительство, какъ мнѣ въ службѣ современникъ, всемѣрно распоряженія мои изволить въ тонкость знать, что я въ нихъ ошибиться не могу, въ препровожденіе чего желательно мнѣ, чтобъ вы и сіе мое письмо постарались къ нему жъ доставить, а самому вамъ совѣтую»... Здѣсь Кречетниковъ опять повторяетъ, съ обстоятельнымъ объясненіемъ, свой прежній совѣтъ Державину дѣйствовать совокупно съ маіоромъ Шевичемъ; «а въ семь мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, знатнаго не только дѣлать, ниже извѣстія быть можетъ; а инако, если вамъ желательно истину о состояніи Яика вѣдать, то не разсудите ль пріѣхать ко мнѣ въ Саратовъ, гдѣ все подробно отъ меня и получите, да и въ посылаемыхъ письмахъ вашихъ о пребываніи мѣста изъяснить, чтобъ я видѣть могъ, куда мнѣ письма свои къ вамъ отправлять» (№ XXIII).

Другое письмо отъ Кречетникова, полученное вслѣдъ за этимъ, но писанное днемъ позже, должно было подѣйствовать на Державина еще сильнѣе. «Къ крайнему всѣхъ сожалѣнію сего числа получилъ я чрезъ нарочнаго курьера сообщеніе изъ Казани отъ князя Ѳ. Ѳ. Щербатова и къ нему по дошедшему репорту отъ генераль-маіора Ларіонова, что А. И. Бибиковъ, нѣсколько дней болѣвъ въ Бугульмѣ, 9-го числа сего мѣсяца скончался, и по немъ главную команду надъ ввѣренными ему войсками и поисками злодѣевъ принялъ его сіятельство и отправился уже изъ Казани въ Бугульму, о чемъ вамъ для свѣдѣнія и дается знать» (№ XXIV).

Легко представить себѣ, какъ огорчило Державина извѣстіе объ утратѣ любимаго имъ начальника, которому онъ былъ уже такъ много обязанъ и отъ котораго могъ еще болѣе ожидать

въ будущемъ. Не могло ему быть пріятнымъ и то, что онъ получилъ это извѣстіе отъ лица, которое до сихъ поръ не показало ему никакого благорасположенія. Державинъ въ своихъ Запискахъ не упоминаетъ вовсе объ этомъ письмѣ Кречетникова, а говоритъ только о письмѣ князя Щербатова, которое гораздо позже, отъ 2 мая, сообщало ему то же печальное извѣстіе. Въ отвѣтѣ Кречетникову онъ выражается такъ о своемъ горѣ: «Сколь должно о лишеніи сожалѣть всѣхъ честныхъ, добродѣтельныхъ, Богу, Монархамъ и отечеству своему вѣрныхъ и заслугу оказавшихъ людяхъ, столь сѣтованіе мое велико и о семъ не только по имени заслуженномъ мужѣ» (№ 86, 25 апр.).

Но прежде этого Державинъ отвѣчалъ Кречетникову на первое изъ двухъ приведенныхъ писемъ и доказывая, что о состояніи Янца имѣлъ вѣрныя извѣстія, въ оправданіе свое между прочимъ говорилъ: «Должно ли же, имѣючи способы, въ ордерахъ его высокопревосходительства на волю мою довѣренность мнѣ порученную употребить въ безпечность и быть чрезъ то своей Самодержицѣ рабу нерадивому? Какое бы я сдѣлалъ важное преступленіе, ежели бы я учинилъ и тщетный маршъ? Пускай кто хочетъ мечтательные страхи въ предлогъ себѣ беретъ, а я, ежели бы ускорило предложеніе его высокопревосходительства въ контору опекуинства иностранныхъ, то бы еще зимою, прося ея команды и жертвуя жизнію своею, Янкъ освободить постарался». Что же касается до предложенія присоединиться къ Шевичу, Державинъ объяснялъ, что на это онъ не имѣлъ приказанія и давалъ разумѣть, что дѣйствовалъ по тайнымъ предписаніямъ, которыхъ не могъ открыть и самому губернатору. «Г. Шевича мнѣ вѣрно было, какъ я доносилъ словесно вашему превосходительству, ждать; то простите мнѣ, тутъ были сокровенныя причины въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ. Кому я могу тайну возвѣстити? Ежели бы мнѣ не предписано было требовать отъ вашего превосходительства себѣ помощи, то бы я никакъ безпокоить васъ не отважился. На Узеняхъ вашего превосходительства казаки будутъ поступать по вашимъ наставленіямъ; всякой долженъ быть увѣренъ, что сіи наставленія соотвѣтствуютъ важности, разуму

и силѣ особы вашего превосходительства; но чтожъ мнѣ дѣлать, ежели повѣрено мнѣ съ мѣста высшаго особливое и моей тайности токмо надлежащее сдѣлать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ распоряженіе? И такъ по двумъ приказаніямъ и двумя подначальствующими тамъ будутъ происходить двоякія дѣйствія. Кто вѣдаетъ, что другъ другу не противныя, и это дѣйствительно статья можетъ. Развѣдывальщиковъ же моихъ мужиковъ—простаковъ его высокопревосходительство самъ избралъ и мнѣ поручилъ». Наконецъ на приглашеніе пріѣхать въ Саратовъ за вѣрными извѣстіями Державинъ очень учтиво отвѣчалъ: «Теперь я жду отъ его превосходительства Павла Дмитріевича на мои прошенія извѣстія, и ежели получу и не буду имѣть надобности быть въ здѣшнихъ мѣстахъ, то и не укусно быть къ вашему превосходительству съ моимъ нижайшимъ почтеніемъ, какъ и навсегда съ неизреченною преданностію есмь» и пр. (М^с 27).

Кречетниковъ не оставилъ и этого письма безъ отвѣта. Поблагодаривъ Державина за первую вѣсть объ успѣхахъ Мансурова, онъ продолжаетъ: «Выраженная жъ въ томъ письмѣ ваша ревность и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ всему отечеству и что вы всѣми силами тщились спомощи городу Яику, она столь достохвальна, что всякъ, видя толь сильное ваше движеніе, съ нѣкоторымъ восхищеніемъ васъ похвалилъ бы, но, государь мой, было то гораздо поздно; еслибъ это было въ исходѣ декабря, а по крайней мѣрѣ въ началѣ генваря, то бъ весьма г. Симоновъ, какъ доказано самымъ дѣломъ, почтенной комендантъ, воспользовался, и потому-то я безъ сумнѣнія былъ, что Павелъ Дмитріевичъ прежде въ Яикѣ будетъ, нежели вы еще съ мѣста тронуться можете, что теперь самымъ дѣломъ и вы видите сами, и потому и мое провидѣніе опорочить не можете; да и военное ремесло того требуетъ, чтобъ предупреждать зло, а не во время зла его отвращать, почему я вамъ и совѣтовалъ, чтобъ не оставить ли сію заботу, ибо отъ Оренбурга до Яика жиломъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, а отъ васъ дикою степью до пяти сотъ верстъ, то и натурально тому быть нельзя, чтобъ отъ той стороны не прежде сдѣлано было». Въ концѣ этого письма была собственноручная приписка

Кречетникова: «Сейчасъ возвратился тотъ самый курьеръ, кой при васъ отправленъ былъ, и привезъ къ вамъ въ моемъ пакетѣ письмо, кое при семъ посылаю, между тѣмъ по надписи вижу васъ поручикомъ, то ежели вы перемѣнены, то всеусердно имѣю честь поздравить, желая, чтобъ безъ замедленія и высшими преимуществами воспользоваться» (№ XXV).

Это извѣстiе о своемъ производствѣ Державинъ получилъ 30 апрѣля. Въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1774 г. (Прибавленiе къ № 29, 11 апрѣля) имя Державина напечатано въ числѣ 14 подпоручиковъ Преображенскаго полка, произведенныхъ въ слѣдующiй чинъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Въ главѣ же этихъ производствъ стоитъ имя генераль-поручика Григорiя Александровича Потемкина, который *особливымъ указомъ* 15 марта пожалованъ былъ въ подполковники Преображенскаго полка и такимъ образомъ сдѣлался сослуживцемъ Державина. Было ли производство послѣдняго въ связи съ его дѣйствiями въ Казани, сказать не можемъ за неимѣниемъ положительнаго о томъ свидѣтельства.

II. По смерти Бибикова до поѣздки Державина въ Саратовъ.

Послѣ кончины Бибикова начинается для Державина новый періодъ дѣятельности по участию въ мѣрахъ противъ Пугачева. Такъ какъ теперь уже нельзя было ожидать, что Пугачевъ скоро будетъ искать убѣжища около Волги, то и назначенiе Державина на время измѣняется: сами генералы, съ которыми онъ находится постоянно въ непосредственныхъ сношенiяхъ, предписываютъ ему дѣйствовать вооруженною силой. Разсмотрѣнiе любопытнѣйшаго изъ этой переписки ознакомитъ насъ съ подробностями новаго его положенiя. Князь Щербатовъ, принявъ дѣла послѣ Бибикова, писалъ Державину 2 мая: «Изъ всѣхъ рапортовъ вашихъ къ покойному усматриваю я похвальныя распоряженiя ваши по силѣ возложеннаго на васъ дѣла⁶⁾; но и тепереш-

6) Щербатовъ имѣлъ о Державинѣ очень хорошее мнѣнiе, какъ видно изъ письма Кологривова къ послѣднему отъ 9 мая: «Чтожь касается до комисiи ва-

нія, а особливо предпріятіе ваше къ освобожденію тѣснаго въ Яицкомъ городкѣ съ гарнизономъ полковника Симонова, не менѣе хвалы достойны». За тѣмъ увѣдомляя, что по занятіи Яицка Мансуровымъ, мятежники побѣжали въ степь, и полагая, что они, отправляясь къ Гурьеву городку, не оставятъ въ покоѣ и тѣхъ мѣсть, гдѣ находился Державинъ, генералъ предписывалъ ему употребить собранный имъ отрядъ на истребленіе этой шайки. Въ заключеніе прибавлялъ: «Наконецъ не сумнѣваюсь я, чтобъ смертію покойнаго генералъ-аншефа Бибикова ослабѣть могло теченіе дѣлъ возложенной на васъ экспедиціи, или чтобъ ревностныя старанія ваши къ достиженію желаемой отъ нея пользы умалились. Оставшись по немъ предводителемъ дѣлъ къ пользѣ общественной, пріятно мнѣ столько же будетъ о пріобрѣтеніи вамъ особливои чести стараться, сколько полагаюсь я на искусство и благоразуміе ваше. И буду о успѣхахъ ожидать частыхъ вашихъ увѣдомленій» (№ XXXI).

Съ такимъ же уваженіемъ одновременно писалъ къ Державину и Мансуровъ изъ Яицка; одобряя его распоряженія, и онъ совѣтовалъ ему употребить воинскую команду на поискъ отъ самой Мальковки вверхъ по Иргизу. Предложеніе же Державина доставить въ Яицкъ приготовленные имъ съѣстные припасы и снаряды Мансуровъ принялъ съ благодарностью и отвѣчалъ, что вышлетъ на встрѣчу имъ конвой до мостовъ Иргиза (№ XXX).

Отвѣтъ Державина Щербатову начинается такъ называемыми протестаціями, въ которыхъ, разумѣется, отразился характеръ того времени. Вспомнимъ, что судьба долго была особенно сурова къ Державину и мы поймемъ, что всякая улыбка счастья должна была льстить ему. «Ваше сіятельство изволите милостиво повелѣвать мнѣ, чтобъ я не ослабѣвалъ въ должности моей лишеніемъ командира великодушнаго, милостиваго и мнѣ особливые знаки довѣренности поручившаго, но какъ бы я отъ сего удержаться могъ, ежелибъ ваше сіятельство не были равныхъ ему добродѣтелей? Начальника есть дѣло даровать душу подчиненному. При

ней, она уже здѣсь извѣстна и вчерась объ васъ очень хорошо отзываяся Щербатовъ и писалъ объ васъ въ военную коллегію съ великой похвалою, за что я его благодарилъ, сказавъ ему, что вы мнѣ хорошій пріятель» (№ 27).

первомъ возрѣніи вашего сіятельства на мою экспедицію, изволите ли мнѣ обѣщать стараться о особливои чести, то какъ бы я не положилъ всеи возможности моеи заслуживать также удовольствіе вашего сіятельства, какъ покойнаго его высокопревосходительства? Хотя ничто не изъемятъ насъ отъ усердія къ отечеству нашему и къ нашей Всемялостивѣйшей Императрицѣ, однако предводители насъ дѣлають таковыми, каковыми они хотять. Будучи поощренъ одобреніемъ вашего сіятельства, буду я стараться все то сдѣлать, что только разумѣть могу». Доносъ потомъ, что команда его уже производитъ поискъ по Иргизу, по монастырямъ, хуторамъ и мурчужнымъ жилищамъ раскольниковъ и прося себѣ въ помощь еще человекъ 100 казаковъ, онъ отдаеть отчетъ въ одномъ новомъ распоряженіи своемъ, которое доказываетъ всю его бдительность. «По Волгѣ и по Воложкѣ здѣсь учредилъ я въ лодкахъ изъ жителей пикеты, чтобъ нногда рыбацїи ботикъ не унесъ язву, заразившую наше отечество. Будучи восхищенъ вашего сіятельства снисхожденіемъ, осмѣлюсь я доложить, что когдабъ по Камѣ и вездѣ по Волгѣ сіе сдѣлано было, которое ничего не стоитъ, тобъ какъ земля, такъ и вода стерегли Пугачева. Можетъ быть онъ самъ другъ уйдетъ, то водянымъ путемъ скорѣе и скрытнѣе проберетъ на желаемое ему мѣсто и оттуда, какъ носится молва, на рѣку Ямбу» (sic) (№ 10).

Письмо оканчивается новыми жалобами на казначея Тишина, который послѣ выговора отъ имени главнокомандующаго «пришелъ было въ себя, но нынѣ пакн, якобы отъ гнѣва вашего сіятельства ему ничего быть не могло, весьма худо отправляетъ свою должность». Сколько можно разобрать изъ послѣдующихъ строкъ, Державинъ требовалъ даже удаленія Тишина, въ противоположность же ему онъ очень хвалилъ усердіе дворцоваго управителя Шишковскаго (Федора Кузьмича).

Отъ того же числа, какъ Щербатовъ и Мансуровъ (2 мая), писалъ Державину и князь Голицынъ изъ Оренбурга. Къ нему, а не къ Щербатову попали послѣдніе рапорты Державина Бибикову, и Голицынъ отвѣчалъ ему теперь «одобряя весьма похвальное предпріятіе его» идти на помощь Яицку и также предписывая ему наблюдать за бѣглецами и ловить ихъ (№ XXXIII). Къ

письму приложено было 10 экземпляровъ какого-то манифеста Императрицы (вѣроятно о наградѣ за поимку Пугачева) для распространенія въ народѣ по селеніямъ.

Между тѣмъ въ Малыковку прибылъ, по требованію Державина, съ 500 Донскихъ казаковъ полковникъ Денисовъ, которому отъ князя Голицына было приказано оставить у него 100 человекъ, а съ остальными 400 идти въ Оренбургъ. Денисовъ, прибывъ въ Малыковку, сталъ требовать у Державина провіанта для своего отряда. Державинъ только что отпраздновалъ приготовленные имъ для Яицка запасы къ Мансурову, эти же запасы не стоили ему денегъ, потому что были пожертвованы пріятелемъ его, Малыковскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Державинъ обратился къ Кречетникову съ запросомъ, нельзя ли получить провіанту изъ Саратовскихъ магазиновъ и въ то же время изъявить надежду, что Астраханскій губернаторъ обратитъ и своихъ казаковъ къ верховьямъ Иргиза, гдѣ бродили партіи Калмыковъ и куда Державинъ намѣренъ былъ направить свои отряды (№ 22).

Кречетниковъ на этотъ разъ отвѣчалъ довольно любезно. Хотя въ началѣ и объявилъ Державину безцеремонно, что о Калмыцкихъ партіяхъ зналъ гораздо прежде его увѣдомленія и въ провіантѣ изъ Саратовскихъ магазиновъ отказалъ, отзываясь недостаткомъ его и обращая Державина къ опекунской конторѣ, однакожъ по прочимъ пунктамъ онъ далъ удовлетворительные отвѣты и въ концѣ приписалъ своей рукой: «А за тѣмъ имѣю вамъ подать мой совѣтъ къ продовольствію казаковъ: какъ онѣ обыкновенно во всѣ военныя службы продовольство имѣли, то фуража имъ не потребно: оной подъ ногами, а провіантъ можно дать имъ деньгами по той цѣнѣ, какъ оной на базарѣ покупается; то вы и мицуете перевозокъ и требованій» (№ XXXIX).

Вѣроятно въ слѣдствіе этого-то совѣта Державинъ на другой день, 16 мая, написалъ ордеръ «Малыковскимъ дѣламъ» (№ 29), требуя 1 т. р. на основаніи инструкціи покойнаго Бибикова.

Съ Денисовымъ онъ, кажется, долго не могъ согласиться. Въ слѣдствіе новаго ордера, полученнаго отъ князя Щербатова, онъ требовалъ уже (№ 11 и 42), чтобъ Денисовъ отрядилъ

для дѣйствій на Иргизѣ не 100, а 200 человекъ, съ остальными же шелъ бы къ Сызрани. «Если жъ вамъ кажется опаснымъ раздѣлять свой полкъ, писалъ ему Державинъ, то гдѣ Высочайшая Ея Императорскаго Величества требуетъ служба, тамъ не опасности и не смѣлости нѣтъ и я отвѣчаю вамъ за 200 вашихъ человекъ, которыхъ только отправленія дожидаясь, и самъ ѣду съ ними. Въ силѣ сего сообщенія прикажите исполнить непременно, въ противномъ случаѣ будете отвѣчать за всѣ несчастливья приключенія, которыя здѣсь могутъ воспослѣдовать».

Что Денисовъ не слишкомъ спѣшилъ слушаться Державина, видно изъ дальнѣйшихъ писемъ послѣдняго какъ къ самому этому полковнику, такъ и къ Щербатову. Напоминая Денисову приказаніе генерала, онъ говоритъ (№ 70): «Какъ ревностнѣйшей Ея Величества рабъ и въ воинскихъ опытахъ съ похвалою довольно искусившійся, вы можете располагать сами, какъ лучше исполнять вамъ повелѣнія его сіятельства, а моя диспозиція та, какъ я вамъ и сообщалъ, а впрочемъ вы изволите имѣть свои резоны, которыхъ знать мнѣ не можно». Однакожъ за тѣмъ Державинъ подтверждалъ Денисову прежнее распоряженіе. Когда наконецъ казацкій полкъ дѣйствительно выступилъ на Иргизъ, Державинъ писалъ Щербатову: «Созвольте ваше сіятельство подтвердить сему полку ордеромъ своимъ, чтобъ онъ поспѣшише дѣлать свои марши, ибо онъ слишкомъ много растаговъ дѣлаетъ, что весьма бесполезно. Двѣсти же человекъ я присоединю къ фузелерной командѣ г. Елчина и содѣйствуя самъ съ нимъ буду по Иргизу дѣлать надъ приумножающимися тамъ злодѣйскими Калмыцкими кучами поиски, которыя здѣсь появились со всемъ своимъ багажемъ, женами ихъ и дѣтьми ⁷⁾ (№ 51).

Изъ письма Щербатова, полученнаго около этого самаго времени, видно, что Державинъ послѣ перваго извѣстія о смерти Бибикова просилъ уволить его отъ настоящаго назначенія ⁸⁾.

7) Въ одномъ письмѣ къ Кречетникову Державинъ выражалъ опасеніе, чтобъ эти Калмыки не соединились съ Волжскими, живущими на нагорной сторонѣ рѣки, и не взбунтовали послѣднихъ.

8) Бывшій адъютантъ Бибикова, Бушуевъ, будучи недоволенъ своимъ переводомъ въ Оренбургъ, писалъ Державину отъ 12 іюня (№ 47): «Григ. Алекс. Потемкинъ, который наверхъ благополучія возносится, писалъ къ нему (Щерба-

Благосклонность, оказанная ему новыми начальниками, кажется, переѣлила его намѣреніе еще прежде нежели Щербатовъ отвѣчалъ ему, что Императрица повелѣвала вести дѣла совершенно на прежнемъ основаніи, отнюдь не измѣняя ихъ «связи и теченія», почему онъ и выражалъ надежду, что Державинъ «не поскуচিতъ нимало продолжать съ такимъ же усердіемъ возложенное на него дѣло, которое по настоящимъ въ краю его обстоятельствамъ теперь нужно. А потому и рекомендую вамъ, говорилъ Щербатовъ, сдѣлать отъ Мальковки до Иргиза, а отъ онаго до Яика цѣпь тѣми фузелерными ротами, кои у себя имѣете, прибавя къ нимъ часть Донскихъ, и стараться не только истреблять вкравшихся на Иргизъ злодѣевъ, но и закрывать теченіе рѣки Волги, а симъ самымъ уже прикроется и Самара»... «Пріѣхавъ въ Оренбургъ, буду я имѣть съ вами переписку чрезъ Яикъ, и не оставлю прислать къ вамъ ассигнаціями денегъ на экстраординарные расходы» (№ XXXVI).

Въ этомъ же письмѣ Щербатовъ благодаритъ Державина за доставленіе въ секретную комиссію одного важнаго преступника: этимъ «оправдали вы то неусынное стараніе и похвальныя распоряженія, кои къ особенной вамъ чести вездѣ въ портахъ вашихъ вижу».

Въ то время, какъ Щербатовъ такимъ образомъ поощрялъ Державина изъ Оренбурга, куда только что переѣхалъ, — къ воинской его предпримчивости обращались также Мансуровъ изъ Яицка и самъ Кречетниковъ изъ Саратова; оба увѣдомляли его объ опасности, которою Калмыки угрожали Сызрани и Самарѣ, и просили принять участіе въ поискахъ надъ этими шаиками. Кречетниковъ, который недавно издѣвался надъ смѣлостью Державина, теперь посылалъ къ нему одно письмо за другимъ⁹⁾, вызывая его къ содѣйствию другимъ начальникамъ отрядовъ противъ Калмыцкихъ шаекъ. Въ одномъ изъ этихъ

тову) о отпускѣ всего штаба покойникова. Изъ рапортовъ вашихъ угадываю я и вашу мысль, но не думаю, чтобы безъ указа военной коллегіи васъ онъ уволилъ, почитая важнымъ ваше дѣло, что изъ ордера усмотрите, и потому что коллегіи далъ онъ о вашей экспедиціи знать, описывая съ похвалою ваши распоряженія и предпримчивость. Между тѣмъ вы только одинъ подобно мнѣ мучитесь здѣсь останись, а прочіе гвардейскіе всѣ отпущены».

9) № XL отъ 12 мая, № XXXIX отъ 13 и № XXXVIII отъ 14 мая.

писемъ есть его собственноручная приписка: «Я не уповаю, чтобъ такое большое ихъ число было, какъ пишутъ изъ Сызраня, но сколько имѣется, то нужно истребить, о чемъ благоволите постараться» (№ XXXVIII).

Между тѣмъ однакожь начальникъ конторскихъ ротъ, капитанъ Елчинъ (который, какъ старшій, командовалъ всѣмъ отрядомъ) дѣйствовалъ такъ медленно и не искусно, что посланный отъ Яика подполковникъ Муфель успѣлъ безъ помощи его ковчить дѣло, т. е. разсѣять и прогнать Калмыковъ. Теперь рѣчь шла уже только о прикрытіи колоній отъ остатковъ партій, шатавшихся около Волги: это опять поручалось Державину. Но такъ какъ опекунская контора, смѣнивъ Елчина и на мѣсто его назначивъ Хотяинцева, настоятельно требовала обратно своей команды, которая нужна была въ Саратовѣ, то Державинъ принужденъ былъ отпратить ее, оставивъ у себя для охраненія колоній только около 30 человекъ съ унтеръ-офицеромъ. вмѣстѣ съ тѣмъ однакожь онъ просилъ контору (№ 12): «Ежели по непредвидимому случаю паки востребуется команда, то присылкою ея не уمدлить: ибо контора изъ прошедшаго благоволитъ сама видѣть, что не для чего инаго она требованіемъ симъ утруждалась какъ для отвращенія отечеству общаго вреда. О бранихъ же подвигахъ г. капитана Елчина, я думаю, контора меня донести уволитъ. Яко не бывшій въ сраженіи и яко младшій его, съ удивленіемъ молчу».

Въ концѣ мая, когда писано это письмо, и въ началѣ іюня, Державинъ могъ наконецъ нѣсколько отдохнуть послѣ напряженной дѣятельности, продолжавшейся уже почти полгода. Ему казалось, что теперь, послѣ пораженія и самого Пугачева и скопищъ его, на Волгѣ болѣе нечего дѣлать, что здѣсь не нужно покуда ни военныхъ дѣйствій, ни тайнаго наблюденія. Объ этомъ онъ писалъ какъ Щербатову, такъ и Казанскому губернатору Якову Ларіоновичу фонъ-Бранту, который недавно увѣдомилъ его, что за отъѣздомъ князя Щербатова онъ, Брантъ, принялъ въ свое вѣдѣніе Казанскую секретную комиссію, а потому Державинъ, донося о всѣхъ обстоятельствахъ Щербатову, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ бы знать о нихъ и Казанскому губернатору. Это-то и заставило Державина, въ Запискахъ его,

сказать, что онъ въ то время не зналъ, кто былъ его настоящій начальникъ, и рѣшился выполнять всякое предписаніе, лишь бы оно было на пользу службы ¹⁰⁾).

Первое письмо Державина къ Бранту стоило ему много труда: онъ начиналъ его нѣсколько разъ, пока остановился на чемъ нибудь. Какъ тонкій дипломатъ, онъ перевелъ это посланіе на нѣмецкій языкъ (хотя Брантъ писалъ ему по-Русски); конечно Державинъ, по пребыванію своему въ Казани, былъ лично знакомъ съ Брантомъ и зналъ, чѣмъ можно угодить ему. Это любопытное собственноручное письмо Державина остается единственнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени онъ владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ ¹⁾. Замѣчательно, что на просьбу Бранта сообщать ему *обо всемъ*, онъ отвѣчаетъ: «Въ разсужденіи на меня положеннаго дѣла, *что будетъ надлежать до вашего высокопревосходительства*, конечно доносить буду». Выразивъ потомъ свое высокое мнѣніе о великодушіи и челоуѣколюбіи Бранта ²⁾, онъ вызывается теперь обратить вниманіе на особій предметъ.

Къ возстановленію спокойствія въ здѣшнемъ краю теперь ничего не нужно, пишетъ Державинъ въ своемъ Нѣмецкомъ письмѣ. Слава Богу, здѣсь, сколько я могъ замѣтить, все тихо, но (если смѣю доложить вашему высокопревосходительству) надобно остановить грабительство или, чтобъ сказать яснѣе, безпрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощаетъ людей. Въ секретной инструкціи, данной мнѣ покойнымъ Александромъ Ильичемъ, между прочимъ, было мнѣ предписано разузнавать образъ мыслей населенія. Сколько я могъ примѣтить, это лихоимство производятъ наиболѣе ропота въ жителяхъ, потому-что всякій, кто имѣетъ

10) Кологривовъ писалъ ему 17 мая (№ 33) изъ Казани: «Думаю, и ты по своей комисіи долженъ быть подчиненъ здѣшнему губернатору, или какъ у тебя есть воинская команда, то по оному будешь болѣе принадлежать въ команду князь Ѳ. Ѳ. Щербатова, чего бъ я лучше желалъ, ибо онъ челоуѣкъ очень честной и тебя заочно полюбилъ, впрочемъ самъ разсудишь, тебѣ больше всѣхъ по твоей комисіи извѣстно гдѣ лучше быть».

1) № 106. Ср. 99, 100 и 101.

2) Брантъ былъ вовсе не на мѣстѣ при столь трудныхъ обстоятельствахъ. Большой старикъ, который, по словамъ Бибикова въ одномъ письмѣ, насилу таскалъ ноги, онъ умеръ вскорѣ послѣ разоренія Казани Пугачевымъ. Поведеніе его во время заключенія Пугачева въ этомъ городѣ является сомнительнымъ. См. Москвит. 1845, ч. V, № 9, стр. 26.

съ ними малѣйшее дѣло, грабятъ ихъ. Это дѣлаетъ легковѣрную и перазумную чернь недовольною и, если смѣю говорить откровенно, это всего болѣе поддерживаетъ язву, которая теперь свирѣпствуетъ въ нашемъ отечествѣ³⁾. Не буду теперь распространяться объ этомъ, но если вы прикажете, то я по возложенному на меня порученію, войду куда слѣдуетъ съ почти тельнѣйшимъ рапортомъ» (№ 106).

Такимъ образомъ Державинъ вполнѣ понималъ, какое важное значеніе въ народной жизни имѣетъ то злоупотребленіе, которое такъ проникло въ наши нравы, что и до сихъ поръ еще мы съ нимъ боремся. Но минута была неблагопріятна для примѣненія къ дѣлу замѣчательнаго взгляда Державина на тогдашнія обстоятельства, и изъ дальнѣйшей переписки его не видно, чтобы Брантъ отвѣчалъ на это письмо. Дѣйствительно, тогда некогда было думать объ улучшеніи нравовъ: напрасно военачальники и правительство ласкали себя мечтою, что Пугачевъ, послѣ побѣдъ князя Голицына и Михельсона, уже не опасенъ. Со смертію Бибикова исчезло единство дѣйствій противъ возмущенія, и вскорѣ, какъ сказалъ Державинъ же:

Разстроилось побѣдъ начало,
Сильнѣе разлилася язва.⁴⁾

Впрочемъ князь Щербатовъ не ожидалъ, чтобы Пугачевъ долгое время оставался смиренъ въ Исетской провинціи или Банкиринъ, куда онъ бѣжалъ послѣ пораженія при Троицкой крѣпости: Щербатовъ предвидѣлъ возможность скорого появленія самозванца на Волгѣ, и въ серединѣ іюня писалъ Державину, чтобъ онъ возстановилъ все распоряженія, принятія имъ около Малыковки. Степень довѣрія, какое Державинъ внушалъ этому генералу, видна изъ словъ, которыми начиналось одно изъ предъидущихъ писемъ послѣдняго: «Я всегда съ особливимъ удо-

---

3) Въ Русской черновой редакціи такъ: «Только доложить вашему высокопревосходительству смѣю: падлежитъ искоренить взятки. Говорить о истребленіи заразы сей потому я за должное себя поставляю, что разлитіе оной наиболѣе всего по моимъ мыслямъ пособляетъ злу, терзающему наше отечество». Въ другомъ проектѣ того же письма можно прочесть въ этомъ мѣстѣ посреди неразборчиво набросанныхъ строкъ, слова: лихоимство и народное неудовольствіе.

4) Въ одѣ на смерть Бибикова.

вольствиемъ рапорты ваши получаю, усматривая изъ нихъ особое попеченіе и труды ваши, съ которыми исполняете вы возлагаемое на васъ дѣло. Все рапорты ваши, мною полученные, дѣлаютъ вамъ честь и во мнѣ производятъ къ вамъ признаніе (XLVII) ⁵⁾.

Предостереженія эти Державинъ принялъ въ томъ смыслѣ, что Пугачевъ могъ притти на Иргизъ для тайнаго укрывательства, и потому въ началѣ іюля (№ 69) писалъ Мансурову, что надо бы удалить съ этой рѣки всякія войска, которыя могутъ помѣшать Пугачеву искать тамъ убѣжища; вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ просилъ прислать ему изъ Яицка Серебрякова и Герасимова, какъ людей нужныхъ для предпринимаемыхъ вновь развѣдываній. Брантъ изъ Казани также предписывалъ Державину принять мѣры для задержанія Пугачева въ случаѣ его появленія и увѣдомлялъ, что «учредилъ преграды» по берегамъ Камы и въ Симбирскѣ.

Какъ много начальники надѣялись на Державина, забывалъ, что онъ не располагалъ собственно никакою военной силой, видно изъ письма Щербатова къ Мансурову отъ 2-го іюля, гдѣ въ числѣ предосторожностей, принимаемыхъ Брантомъ, приводится намѣреніе его писать къ поручику Державину «о такомъ же учрежденіи на берегу командъ», а въ концѣ письма Щербатовъ проситъ Мансурова, «увѣдомить также о томъ г. Державина, чтобъ онъ, по требованію губернатора и по своему собственному расположенію, взялъ нужныя къ тому предосторожности.» (№ LXII). Въ слѣдствіе полученныхъ приказаній Державинъ опять усилилъ свою дѣятельность, и въ самый тотъ день, когда Пугачевъ злодѣйствовалъ въ Казани, 12-го іюля, Державинъ такъ писалъ къ Мансурову (№ 17): «Окромя тайныхъ моихъ распоряженій, касающихся до поимки злодѣевъ, о чемъ уже я вашему превосходительству донести честь имѣлъ, предосторожности на Волгѣ на первыи случай взяты такія, что поставлены, по 35 человекъ, на каждой сторонѣ пикеты, которые имѣютъ и день и ночь безпрестанные разъѣзды вверхъ по Волгѣ, чтобъ ловить иногда могущихъ быть передовщиковъ отъ Пугачева

⁵⁾ Ср. выше мѣсто изъ письма Кологривова о мнѣніи Щербатова насчетъ Державина.

для возмущенія народа. По деревнямъ подтверждено для сихъ же обстоятельствъ имѣть крѣпкіе караулы. Для большаго же ополченія изготовлены суда: я кой часъ услышу надобность, истребую изъ Саратова команду, куда ужъ секретно и писалъ, чтобъ была готова съ двумя пушками. Притомъ стоявшихъ на Иргизѣ казаковъ и жителей сколько можно употребляю тогда въ дѣло и вамъ не оставлю донести, ежели паче чалнія злодѣйи приблизиться будетъ». Въ тотъ же день онъ написалъ любопытный ордеръ Малыковскимъ экономическимъ и управительскимъ дѣламъ (№ 14), откуда выписываемъ начало и конецъ: «Изъ самаго дѣла усмотрѣно мною, что въ вѣдѣніяхъ вашихъ выборные, сотники, пятидесятники, старосты и десятники, ежели не все, то большая половина — пьяницы, плуты, грабители и ворами потатчики; того ради выбрать вамъ другихъ на сіе время, хотя самыхъ первостатейныхъ мужиковъ, людей надежныхъ, чтобъ не токмо сами подъ видомъ осмотра грабить (не) могли какъ прежніе сотники или бы воровъ, ослабѣвая имъ или бы поноравливая имъ, упускали, какъ-то сего дня сдѣлалось, называютъ, что вора оплошностію упустили. Но чтобъ прилагали все усердіе и, не щадя жизни своей, злодѣевъ хотящихъ укрыться ловили и искореняли, также ежели услышатъ отъ кого вредные къ разврату народа отъ бунтовщика Пугачева плевелы, то чтобъ не медливъ ни мало доносили».... «Ежели впредь сотники и прочіе начальныя явятся въ не исправленіи своей прямой должности, то причтется сіе вамъ въ слабость, а вы можете на сей случай ихъ выбрать не народомъ, ищущимъ ему потатчиковъ, но сами собою, на кого вы положиться можете.»

Но на другой же день неожиданное несчастіе разстроило все эти распоряженія: 13-го числа пожаръ истребилъ Малыковку; Державинъ не получилъ сверхъ того команды изъ Саратова (ему въ ней отказали, потому-что она и тамъ нужна была). Онъ успѣвши донести объ этихъ обстоятельствахъ (№ 94) Щербатову, который, по извѣстію о появленіи Пугачева на Камѣ, переѣхалъ недавно изъ Оренбурга въ Бугульму, и опять побуждалъ Державина къ усиленію предосторожностей. «Изъ приложеннаго письма г. бригадира Лодыжинскаго», отвѣчалъ ему Державинъ (№ 14), «ваше сіятельство изволите усмотрѣть,

что я, не имѣя надежды получить изъ Саратова пушки, не могу въ случаѣ злодѣйскаго сюда стремленія явно ополчиться противъ онаго, тѣмъ болѣе, что жителей здѣшнихъ къ тому приготовить теперь не можно, ибо вчерашняго числа село Мальковка до основанія все сгорѣло. Люди не токмо лишились какое могло найтись при нихъ оружіе, но даже крайняго своего пропитанія. Черезъ сіе, предпріятіе мое въ изготовленіи хорошимъ порядкомъ судовъ, какъ-то нѣсколькихъ дощаниковъ съ имѣвшимися у крестьянъ фалконетами, также уничтожено. Словомъ, что принадлежитъ хотя до малаго знака военнаго дѣла, я теперь ничего не имѣю. Его высокопревосходительству губернатору и его превосходительству Павлу Дмитріевичу Мансурову доносилъ, чтобъ они на меня надежды никакой полагать не изволили». Однакожь вскорѣ послѣ того Державицъ получилъ отъ Мансурова изъ Яицка письмо съ увѣдомленіемъ (№ LXXI), что стоявшему на Иргизѣ есаулу Бѣлякову съ 200 Донскихъ казаковъ приказано придвинуться къ Волгѣ и состоять въ полной командѣ Державина, «а вы извольте располагать ихъ по вашему усмотрѣнію и знанію тамошнихъ мѣстъ, какъ лучше усмотрѣть изволите.» Въ собственноручной же припискѣ Мансуровъ между прочимъ прибавлялъ: «При запечатываніи сего получилъ я письмо ваше о пожарѣ Мальковскомъ. Совѣтую вамъ мужественно противъ сего ополчиться.... Я персонами не откажуся никогда васъ въ нужномъ случаѣ подкрѣпить и прошу меня неукоснительно о семъ увѣдомить, что вы предпримете по сему и гдѣ пребываніе ваше будетъ» (LXXI). Между тѣмъ однакожь распространился уже слухъ о нападеніи Пугачева на Казань и о сожженіи этого города: въ тотъ же день Державинъ получилъ отъ Мансурова другое письмо, которымъ онъ извѣщался, что есаулу Бѣлякову съ казаками велѣно идти въ Сызрань. «Ежели, прибавлялъ Мансуровъ, паче чаянія я буду удостовѣренъ о склоненіи злодѣевъ къ сей сторонѣ: то въ тотъ самый часъ со всею бригадою и сильною артиллеріею самъ отправлюсь на пораженіе тѣхъ изверговъ въ Сызрань» (№ LXXI).

Первое извѣстіе о бѣдствіи родной для Державина Казани застало его уже не въ Мальковкѣ, а въ Саратовѣ, куда онъ поѣхалъ въ срединѣ іюля чрезъ два дня послѣ упомянутаго по-

жара, находя, что ему уже болѣе нечего дѣлать на прежнемъ мѣстѣ и «зная, какъ онъ писалъ Щербатову, что ни въ какомъ несчастіи ослабѣвать не должно». При поѣздкѣ въ Саратовъ у него была и положительная цѣль: онъ хотѣлъ лично похлопотать еще о томъ, чтобы опекунская контора вторично отпустила ему часть своей артиллерійской команды, сверхъ оставшихся у него 27 человекъ изъ нея, и вмѣстѣ изслѣдовать обстоятельство, которое контора приводила какъ главную причину своего отказа, т. е. будто и въ колоніяхъ, на луговой сторонѣ Волги, становилось неспокойно. Сверхъ того въ концѣ іюня дворцовый крестьянинъ Василій Ивановъ Поповъ⁶⁾ донесъ Державину, что Саратовскіе Покровскіе малороссіяне тайнѣ замыслили обратиться на Узени, а оттуда въ Башкирію для соединенія съ Пугачевымъ: Державинъ хотѣлъ на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости такого обвиненія.

Передъ выѣздомъ изъ Малыковки онъ сдѣлалъ однакожъ нужныя распоряженія, чтобы и тамъ все было въ готовности на случай какойнибудь внезапной тревоги. На время своего отсутствія онъ оставилъ казначею Тишину и управителю Шишковскому слѣдующій любопытный ордеръ (№ 25).

«Я отъѣзжаю за нужнымъ дѣломъ на нѣкоторое время въ г. Саратовъ, а безъ меня исполнять вамъ слѣдующее: 1) по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, какъ должно имѣть крайнюю предосторожность, то прикажите, чтобъ оставшаяся здѣсь команда, 26 человекъ фузелеръ, при унтеръ-офицерѣ, была при селѣ безотлучно и чтобъ ночью всѣ были въ одномъ мѣстѣ при моей квартирѣ. 2) Пикетъ изъ-за Волги снять и совокупить его въ одно мѣсто на сторонѣ нагорной. 3) Имѣть готовыми при берегу дошаники и всякаго рода лодки, для отвоза казны изъ сего мѣста въ Саратовъ и нужныхъ государственныхъ дѣлъ. 4) Во время слышанія какого либо злодѣйскаго въ сію страну стремленія, тотчасъ меня (sic) о томъ наипоспѣшнѣйше рапортовать, а самимъ стараться народъ привести къ сопротивленію и оборонѣ; а чтобъ лучше его на сіе привлечь, то, въ крайней нуждѣ, объ-

---

6) Поповъ былъ извозчикомъ Пугачева, когда тотъ, схваченный въ Малыковкѣ, препровождался въ Сибирскъ. Допросы Пугачеву. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II, стр. 41.

явить ему данную вамъ при семъ публикацію. 5) Въ случаѣ необходимости, имѣющихся здѣсь колодниковъ, а паче по секретному дѣлу, забрать въ Саратовъ, также и первостатейныхъ мужиковъ, женъ и дѣтей подъ видомъ для сохраненія ихъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ мужа ихъ, будучи сами вѣрными, старались лучше уговаривать народъ и находили средство къ истребленію злодѣевъ. 6) Когда народъ окажется въ должной вамъ послушности и усерденъ къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни, то собравъ его, сколько можно будетъ, стараться истреблять злодѣевъ. 7) Ежели превосходная найдетъ на васъ шайка, такъ что никакимъ образомъ, ни народомъ вашимъ, ни малочисленными фузелерами, ни сотенною здѣсь стоящею Донскою командою, противиться будетъ вамъ не можно, то въ самомъ послѣднемъ случаѣ ретироваться вамъ въ Саратовъ водою или сухимъ путемъ, только соблюсти какъ можно команду и смотрѣть, чтобъ она напрасною жертвою злодѣевъ (не сдѣлалась). 8) Народъ, который усерденъ явится къ службѣ всемилостивѣйшей Государыни, то чтобъ тотъ также слѣдовалъ въ Саратовъ, гдѣ общими силами уже учиненъ будетъ надъ злодѣями поискъ. 9) Когда только заслышите какое либо приближеніе злодѣевъ, то стараться вамъ собрать изъ всѣхъ вѣдомствъ вашего жительства людей съ оружіемъ, но не прежде давать имъ, ежели имѣется у васъ, порохъ, пока они въ самомъ дѣлѣ окажутся усердными къ службѣ Ея Величества и, какъ выше сказано, ежели здѣсь обороняться и поражать злодѣя надежды вамъ не будетъ, то со всѣми собранными вашими людьми слѣдовать въ Саратовъ. 10) Ежели ужъ въ самомъ дѣлѣ злодѣи съ своею толпою сюда приблизятся, то всѣ суда, находящіяся отъ Сызрани до Саратова, послать и приказать отвезти на ту сторону, или какъ испортить, дабы чрезъ то удержать злодѣя на сей сторонѣ до слѣдующихъ за нимъ командъ. Лучшее всего наипоспѣшнѣйшее и обстоятельнѣйшее меня обо всемъ вамъ репортовать, и я въ нужномъ случаѣ конечно не оставлю или своимъ присутствіемъ, или скорѣйшимъ приказаніемъ дать по тогдашнему случаю вамъ должныя приказанія».

III. ПРЕБЫВАНІЕ Державина въ Саратовѣ.

Кречетникова въ то время въ Саратовѣ уже не было. Двумя главными лицами оставались здѣсь: управляющій опекунской конторою колоннствова, бригадиръ или статскій совѣтникъ *Михайло Михайловичъ Лодыжинскій*, «служившій прежде штабъ-офицеромъ при инженерномъ корпусѣ»; и, комендантъ, исправлявшій также и воеводскую должность, — полковникъ *Иванъ Константиновичъ Бошнякъ*. Послѣдній обязанъ своею извѣстностью особенно ссорѣ съ Державинымъ, — какъ противникъ его въ мнѣніи о способѣ обороны Саратова, но памятенъ и по храбрости, съ какою въ послѣдствіи защищалъ Саратовъ и Царицынъ при нападеніи Пугачева. Лодыжинскаго знаемъ мы уже по готовности, съ какою онъ въ началѣ отпустилъ Державину артиллерійскую команду.

По прибытіи въ Саратовъ 16 іюля, Державинъ получилъ изъ Сызранской канцеляріи сообщеніе о бѣдствіи, постигшемъ Казань, и о томъ, что Пугачевъ уже переправился на нагорную сторону Волги, вѣроятно съ цѣлію пробраться на Донъ. Въ тотъ же день Державинъ объявилъ это извѣстіе Саратовскимъ командирамъ и, какъ онъ выражается въ рапортѣ Щербатову, «подвигъ ихъ сдѣлать приуготовленія». 24 числа они, вмѣстѣ со многими офицерами, сошлись на совѣтъ въ опекунскую контору, пригласивъ туда и Державина. Состоявшееся тутъ опредѣленіе, подписанное всѣми присутствовавшими, онъ отправилъ въ копіи къ князю Щербатову. Положено было сдѣлать укрѣпленіе около опекунскаго провіантскаго магазина, какъ мѣста удобнаго и притомъ важнаго по множеству складенаго здѣсь хлѣба, и расположить тамъ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ Бошняка; остальному же бывшему въ Саратовѣ войску идти на встрѣчу Пугачеву, если онъ направится въ эту сторону. Судя по послѣдующимъ обстоятельствамъ, Бошнякъ уже на этомъ первомъ совѣщаніи былъ другаго мнѣнія, т. е. не считалъ нужнымъ укрѣпляться, но долженъ былъ уступить большинству голосовъ. Лодыжинскій, какъ инженеръ «принялъ на себя трудъ сдѣлать для нужды жителямъ полевое укрѣпленіе». Донося Щербатову о своей поѣздкѣ въ Саратовъ (*№* 64),

Державинъ упоминаетъ, впрочемъ только вскользъ, о несогласіи между тамошними командирами и просить прислать ордеръ, кому изъ нихъ, въ случаѣ мятежнаго нападенія, быть главнымъ начальникомъ. «Войскъ въ Саратовѣ, писалъ Державинъ, по крайней мѣрѣ полагаю: регулярной пѣхоты 800 человекъ, конницы казаковъ толикое же число, включая 200 человекъ, стоящихъ на Иргизѣ, которые по ордеру вашего сіятельства теперь въ Сызрань мною командированы. Артиллеріи въ Саратовѣ 4 пушки полевыхъ да городовыхъ чугунныхъ, къ справѣ годныхъ пушекъ 10. Сямъ количествомъ людей можно бы, кажется, въ случаѣ хорошее дѣло сдѣлать. Впрочемъ, прибавляетъ Державинъ въ томъ же письмѣ, смѣю донести, что народъ здѣсь отъ Казанскаго несчастія въ страшномъ колебаніи. Должно сказать, что если въ страну сію пойдетъ злодѣй, то нѣтъ надежды никакъ за вѣрность жителей поручиться. По народнымъ слухамъ вижу, что всякой... ждетъ уповаемаго имъ Петра Θεодоровича. Милосердіе всемилостивѣйшей нашей Государыни въ грубыхъ сихъ сердцахъ никакъ не дѣйствуетъ. Я наистрожайшія... беру мѣры, но врядъ что успѣть можно будетъ. Нужно кажется уже по ласкахъ и по снисхожденіяхъ, чтобъ присланы были немедленно сюда тѣ изъ винныхъ, надъ которыми была бы совершена здѣсь смертная казнь: авось либо ужаснутся нечаяннаго имъ страшнаго позорища». (Нѣсколькими точками мы означаемъ неразобранныя слова).

«Пребываніе мое съ сихъ поръ наѣдомъ будетъ и въ нужныхъ случаяхъ—въ Малыковкѣ, а впрочемъ въ Саратовѣ: ибо мнѣ хочется, чтобъ тамъ чрезъ досугу мою было всё въ порядкѣ и въ готовности. О начальникѣ Саратовскимъ командирамъ, о присылкѣ ежели можно сюда винныхъ для казни, о склоненіи злодѣя, въ которую сторону онъ стремится теперь, всенижайше прошу ваше сіятельство снабдить меня резолюціею чрезъ сего же посланнаго». Этотъ рапортъ былъ отправленъ Державинымъ съ нарочнымъ 27 іюля уже изъ Малыковки, куда онъ посѣщивъ, чтобъ и тамъ сдѣлать еще кое-какія распоряженія, особливо же приготовить вооруженныхъ крестьянъ для поимки Пугачева, на случай если онъ будетъ разбитъ подъ Саратовомъ и обратится въ ту сторону. Почти то же самое Державинъ одно-

временю писалъ и Бранту ⁷⁾. Что касается до тѣхъ дѣлъ, для которыхъ Державинъ собственно поѣхалъ въ Саратовъ, то по обвиненію тамошнихъ малороссіянъ въ измѣнѣ онъ узналъ, что извѣтъ Попова былъ ложенъ и что доноситель, получивъ въ свою команду отрядъ казаковъ, началъ вмѣстѣ съ ними грабить малороссіянъ; за что и былъ взятъ подъ стражу. Опекунская контора, и по личному настоянію Державина, не дала ему войска «якобы для замѣшательства колонистовъ», писалъ онъ Мансурову (№ 36), «однако и въ томъ ничего важнаго не вижу: это правда, что всемѣстно мысль народная дурна и особливо извѣстіе о несчастіи Казани возмутило сердца». Въ томъ же письмѣ онъ объяснялъ, что по ходу дѣлъ ему теперь кажется не нужнымъ посылать кого-нибудь на Узени стеречь Пугачева и что вообще всякія тайныя распоряженія покуда должны быть оставлены; въ настоящее время мысли Державина обращены на мѣры другаго рода. «Въ Саратовѣ, повторяетъ онъ и здѣсь, возбудилъ я начальниковъ имѣть предосторожности» и потомъ, исчисляя опять Саратовское войско, выражаетъ свои надежды на достаточность этихъ силъ для отраженія Пугачева. Вторая половина рапорта Мансурову приводится здѣсь вполнѣ: «Присланныхъ по повелѣнію вашего превосходительства съ Иргиза казаковъ 200 человекъ распорядилъ такимъ образомъ, что сту человекъ, подъ командою есаула Бѣлякова, велѣлъ стать на луговой сторонѣ рѣки Волги противъ Сызрани и дѣлать разъѣзды до Самары. А другой сотнѣ стоять въ Малыковкѣ и дѣлать разъѣзды, половиноѣ до Сызрани, а другой половиноѣ касаться Пензинской провинціи и тамъ сѣзжаться съ учрежденными въ объѣздъ отъ конторы опекунства иностранныхъ колоній казаками. Но сей часъ получилъ я отъ его сіятельства князя Феодора Феодоровича Щербатова изъ ордера его увѣдомленіе, что злодѣи,

---

7) Вотъ отрывокъ изъ этого письма (№ 90): «Хотя ничего не можно сказать о какомъ-либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху все ждутъ чаемаго ими Петра Феодоровича. Выдрившаяся въ сердца зва, начавшая утоляться, кажется оживляется и будто ждетъ только случаю открыть себя. Ни разумъ, ни истиная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей Государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившася грубаго и цѣвѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни, авось либо пезримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько новыхъ мыслей».

переправясь за Волгу, пробирается чрезъ Цывильскъ и что ваше превосходительство имѣете постъ свой взять въ Сызрани, то уже не остается миѣ впередъ дѣлать мои распоряженія, я теперь наки скачу въ Саратовъ, чтобъ тамъ разногласіе командировъ соединить и быть готовымъ, ежели злодѣи пролетятъ чрезъ Алатырь въ страну сію, на пораженіе онаго». Къ обстоятельствамъ, которыя, какъ видно изъ этихъ писемъ, предшествовали вторичному выѣзду Державина изъ Малыковки, прибавимъ любопытную черту, заимствуемую изъ одного зачеркнутаго мѣста въ упомянутомъ выше письмѣ къ Бранту⁸⁾. Народъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на мѣры предосторожности, которыя принималъ Державинъ: «послѣ пожара, говоритъ онъ, два раза моя квартира была нарочно зажжена».

Между тѣмъ онъ еще въ Малыковкѣ получилъ важное и лично для него извѣстіе. На сцену дѣйствія являлся новый человекъ и въ немъ — еще новый начальникъ для Державина. Это былъ генераль-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго временщика, избранный Императрицей для завѣдыванія обѣими секретными комиссіями: онъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8 іюля, слѣдовательно за нѣсколько дней до нашествія Пугачева, и принялъ команду надъ расположенными тамъ войсками⁹⁾, такъ что, по словамъ самого Михельсона¹⁰⁾, онъ былъ свидѣтелемъ пораженія самозванца подъ Казанью.

Письмо Щербатова, увѣдомляющее Державина о вступленіи Потемкина въ должность, содержитъ и нужныя для насъ свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и движеніяхъ, происходившихъ въ то время, какъ Державинъ неусыпно заботился о встрѣчѣ Пугачева подъ Саратовомъ. Вотъ почему приводимъ весь тотъ ордеръ Щербатова: «Рапорты ваши отъ 12 и 14 іюля до меня дошли исправно; не имѣю я по содержанію ихъ болѣе вамъ предписать, какъ только поблагодарить васъ за хорошія распоряженія ваши, но долженъ васъ увѣдомить, что всѣ обращенныя мною войска сколь ни спѣшили на защищеніе Казани, одна-

8) № 90.

9) Сообщеніе Бранта Щербатову, № LXVII.

10) Въ рапортѣ князю Щербатову № LXVI.

кожъ злодѣи самозванецъ Пугачевъ съ многочисленною толпою злодѣевъ успѣлъ окружить сей городокъ и причинить великой вредъ сожженіемъ большой половины жительствова; и уже совершенно погибель сему городу предстояла, но ревностный подполковникъ Михельсонъ отвратилъ оную, поразилъ злодѣя совершенно, причинилъ ему великій уронъ убитыми и плѣнными, и отогналъ отъ города съ такою удачею, что всѣ оставили злодѣя, кромѣ нѣсколькихъ лучшихъ его сообщниковъ, съ которыми онъ опрокинулся за рѣку Волгу на Кокшайскомъ перевозѣ и бѣжить теперь за Цивильскъ, къ сторонѣ Курмыша, преслѣдуемъ детаашаментами помянутаго подполковника и секунд-маіора графа Меллина; но сверхъ сего, чтобъ стѣснить его съ другой стороны или встрѣтить, еслибъ онъ въ вашъ край опрокинулся, спѣшить за Волгу подполковникъ Муфель, который у Симбирска переправится, и Пензинской уланской корпусъ, который также перейдетъ оную у устья рѣки Камы. Генералу же маіору Мансурову въ Сызрани постъ свой взять приказалъ.

«Полученные мною въ дорогѣ рапорты ваши съ приложениями препроводилъ я при сообщеніи моемъ къ генералъ-маіору Потемкину, прибывшему сюда и опредѣленному надъ секретными, Казанской и Оренбургской, комиссіями непосредственнымъ начальникомъ, а при томъ и возложенное на васъ дѣло покойнымъ еще генералъ-аншефомъ Бибиковымъ предоставилъ я въ полное его вѣдѣніе, поелику всѣ попеченіемъ вашимъ открываемыя дѣла касаются наиболѣе до дѣлъ секретныхъ комиссій. А чтобъ имѣлъ онъ совершенное понятіе, на какомъ основаніи вы туда отправлены и какимъ образомъ производство дѣла совершать должны, то отдалъ ему и данное вамъ отъ покойнаго наставленіе. Почему отъ сего времени имѣете уже вы доставлять прямо къ нему обо всемъ рапорты ваши, равнымъ образомъ и требовать его повелѣній. Объ одномъ только васъ прошу, что еслибъ что нибудь открылось вамъ нужное къ предосторожности команды моей войскъ, то или тѣмъ командамъ воинскимъ, которымъ бы ближе и скорѣе предупредить въ отвращеніе того можно было, или прямо ко мнѣ доставлять о томъ извѣстіе. Впрочемъ не оставилъ я по долгу моему отдалъ вамъ предъ симъ генераломъ

справедливость въ похвальномъ исправленіи порученной вамъ должности» (№ LXXIV).

Въ тотъ же день Державинъ получилъ ордеръ и отъ самого Потемкина, который, увѣдомляя его о своемъ назначеніи, писалъ въ заключеніи: «почему я вамъ рекомендую, чтобъ вы о сей препорученной вамъ комисіи, на какомъ она основаніи вамъ ввѣрена и какіе вы по оной сдѣлали успѣхи, дали мнѣ знать какъ наискорѣе (№ LXXV). ¹⁾

Кажется, Державинъ получилъ это приказаніе тогда, когда уже былъ совершенно готовъ къ вторичному отъѣзду въ Саратовъ, и потому онъ отложилъ свой отвѣтъ. Теперь Державинъ ѣхалъ въ Саратовъ для того, какъ самъ онъ писалъ Мансурову, чтобъ «согласить тамошнихъ начальниковъ», т. е. чтобы личнымъ присутствіемъ вѣрнѣе достигнуть исполненія того опредѣленія, о которомъ писалъ князю Щербатову, Бранту и Мансурову, какъ о результатѣ своихъ стараній. Онъ предполагалъ, что оно приводится уже въ дѣйствіе, но полученные имъ изъ Саратова письма открыли ему глаза ²⁾. Каково же было негодованіе настойчиваго офицера, когда онъ, по пріѣздѣ въ Саратовъ, 30-го іюля, удостовѣрился, что Бошнякъ рѣшительно отказался отъ исполненія того, что принято было на совѣтѣ 24-го числа. Въ пылу гнѣва и досады Державинъ въ тотъ же день написалъ къ Бошняку рѣзкое письмо, уже извѣстное изъ приложений къ «Исторіи Пугачевского бунта», составленной Пушкинымъ. Изъ этого письма видно, что послѣ отъѣзда Державина изъ Саратова Бошнякъ написалъ въ контору опекунства колонистовъ, что онъ на постройку предполагаемаго укрѣпленія не согласенъ, потому что мѣсто, для этого назначенное, лежитъ внѣ города, онъ же комендантъ не считаетъ себя вправѣ покинуть ввѣренную ему крѣпость; вмѣсто того

---

1) Въ своихъ Запискахъ (стр. 78) Державинъ говоритъ, что этотъ ордеръ былъ полученъ имъ еще въ Саратовѣ и что онъ поспѣшилъ назадъ въ Малыковку, гдѣ были всѣ его бумаги, именно для того, чтобы скорѣе исполнить приказаніе новаго начальника; но тутъ, кажется, память измѣнила Державину, потому что на ордерѣ Потемкина надпись: получено 28 іюля; изъ писемъ же Державина къ Щербатову и Бранту, писанныхъ 27-го, видно, что онъ уже тогда былъ въ Малыковкѣ.

2) Письма Новосильцова и Свербѣева отъ 26 іюля, № 60 (Части. переп.).

Бошнякъ предполагалъ сдѣлать валъ въ другомъ мѣстѣ. Державицъ въ письмѣ къ Бошняку старается поразить своего противниками всевозможными доводами. Сначала онъ приводитъ данное ему полномочіе, по которому всѣ требованія его должны исполняться, потомъ напоминаетъ состоявшееся опредѣленіе, подписанное всѣми участвовавшими въ совѣщаніи, и выставляетъ при этомъ съ одной стороны авторитетъ Лодыжинскаго, какъ инженернаго штабъ-офицера, а съ другой незнакомство Бошняка съ военною архитектурой; далѣе онъ осуждаетъ мѣсто, избранное Бошнякомъ для вала, и доказываетъ, что мысль объ обязанности коменданта не покидать своего города справедлива только тогда, когда это городъ укрѣпленный и имѣющій все нужное, а не тогда, когда дѣло идетъ о развалинахъ или пустырьѣ (Саратовъ въ маѣ мѣсяцѣ выгорѣлъ). Наконецъ Державицъ хочетъ устрашить Бошняка угрозою, что онъ обо всемъ этомъ напишетъ новому начальнику своему П. С. Потемкину. Для полноты нашего обозрѣнія приводимъ цѣликомъ и самое письмо Державина:

«Высокоблагородный и высокопочтенный г. города Саратова комендантъ и правящій въ ономъ городѣ воеводскую должность, милостивый государь мой! Когда вамъ его превосходительство, г. Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то чрезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія по секретной комисіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16-го числа пріѣхалъ я въ Саратовъ и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24-го числа, при общемъ собраніи нашемъ въ конторѣ опекунства иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ найденномъ за способное его высококородіемъ г. статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ, яко служащимъ штабъ-офицеромъ въ инженер-

номъ корпусъ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значить, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чайтъ должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30-го числа, прибывъ я паки въ Саратовъ, не токмо по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего конторѣ опекунства иностранныхъ вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились, и ретраншаментъ, прожектированнаго его высокородіемъ статскимъ совѣтникомъ М. М. Лодыжинскимъ, дѣлать не хотите, но желаете, пропусая столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности, лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3,000 регулярнаго войска и сильною артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы яко комендантъ—города и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ вѣрвонной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленную и довольную людьми и потребностями къ защищенію оной; а ежели всего опаго она не имѣетъ, такъ-какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ онъ непремѣнно находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ военной архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятели оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншаментѣ, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣю; то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искусства, лучше сдѣлать укрѣпленіе хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защититъ конеч-

но должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, утвори же церковныя въ томъ ретраншаментѣ помѣстить можно. На сіе все прошу вашего высокоблагородія скорѣе мнѣ дать отвѣтъ для донесенія его превосходительству г. генераль-маіору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику высочайшей Ея Величества власти, присланному нынѣ по комисіи бунтовщика Пугачева имяннымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ. Мы же находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостію Саратовской и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вашему народу дѣлать проектированное г. статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились» (№ 81).

Отвѣта Бошняка, къ сожалѣнію, нѣтъ въ разсматриваемыхъ нами бумагахъ; но изъ послѣдующаго письма Державина видно, что Бошнякъ прислалъ къ нему ордеръ, въ свое время полученный отъ Кречетникова относительно посылки Державина на Иргизъ и изъ котораго-де не видно, чтобъ вліяніе послѣдняго могло сколько бы ни было распространяться на другія мѣстности. На это Державинъ отвѣчалъ, что Кречетниковъ упустилъ изъ виду особое письмо, которымъ Бибиковъ просилъ оказывать всякое содѣйствіе Державину. «Сего августа 3-го, писалъ онъ, сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру его превосходительства П. Н. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе вашему высокоблагородію сказать имѣю, что его превосходительство г. генераль-маіоръ и кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему его высокопревосходительство покойный г. генераль-аншефъ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія я посланъ въ сію область и ему предписано было во всѣхъ моихъ прось-

бахъ вспомоцствовать. Но какъ его превосходительству о существѣ всей моей комисіи и ея потребностяхъ знать не даю, но рѣка Ирғизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность его превосходительства въ Саратовѣ отъ конторы опекунства иностранныхъ команду, то апробовано отъ вышнихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, его превосходительству поднести можете» (№ 20) ³⁾.

Но не упреждая событій, мы должны еще рассказать, что происходило до 3-го августа, когда было написано это письмо. Державинъ не разъ напоминалъ Бошняку и словесно, въ присутствіи, о необходимости исполнить извѣстное опредѣленіе. Не видя успѣха, онъ обо всемъ этомъ написалъ Потемкину, отъ котораго между тѣмъ получилъ 1-го августа собственноручное лестное письмо (№ 98), предвѣщавшее ему самыя пріятныя отношенія и съ этимъ новымъ начальникомъ ⁴⁾. Вотъ оно: «Я уже предварялъ васъ предъ симъ, что по высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію присланъ я для секретныхъ дѣлъ съ непосредственною властію и довѣренностію, въ слѣдствіе чего получилъ я отъ генераль-поручика и кавалера князя Щербатова всѣ дѣла, вами произведенныя. Разсматривая ихъ, съ особливимъ удовольствіемъ находилъ я порядокъ оныхъ, образъ вашего намѣренія и связь его съ дѣлами, а потому вамъ не лестно скажу, что таковой помощникъ много облегчитъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ Казань. И такъ во первыхъ начну я писать къ вамъ, что всего нужнѣе. Вы безъ сомнѣнія извѣстны о жалостномъ происшествіи съ Казанью, но по счастью потомъ злодѣи и врагъ общій Пугачевъ двоекратно разбить, но послѣдній разъ разбить совершенно, такъ что съ самымъ малымъ числомъ ушелъ. Видно, однакожь, что провидѣніе терпитъ еще злодѣйству сего варвара, ибо онъ могъ спастись, перебраться за Волгу; въ слѣдъ за злодѣемъ посланы два деташамента: первый подъ командою майора графа Меллина, второй подъ командою подполковника Михельсона. Послѣднему

---

3) И это письмо уже было напечатано Пушкинымъ въ приложенияхъ къ «Исторіи Пуг. бунта».

4) Потемкинъ писалъ собственной рукой всѣ письма къ Державину.

приказано отрѣзать злодѣя отъ Московской стороны, а первому въ слѣдъ настигать его, поражать. Между тѣмъ есть извѣстіе, что подполковникъ Муфель идетъ отъ Симбирска съ третьей стороны. Все сіе даетъ надежду, что злодѣя они конечно не допустятъ дѣлать новыя варварства. Мы не знаемъ прямо, куда стремится мысль злодѣя, но если ревностное усердіе къ пользѣ отечества будетъ всѣхъ трехъ единодушно, то уновательно, что конецъ будетъ благъ: а какъ по такимъ обстоятельствамъ можетъ быть принужденъ будетъ злодѣи обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой Монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣи устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемая. Не щадите ни трудовъ, ни денегъ: 20 т. и болѣе готовы наградить того, кто можетъ сего варвара, разорителя государственнаго представить. Увѣдомляйте меня чаще какъ возможно, какіе объ немъ слухи есть въ вашей сторонѣ. Здѣсь многіе думаютъ, что онъ пробирается на Донъ, но я не думаю; а думаю, что если не усилить онъ своей толпы, то поидетъ или на Янкъ, или къ вамъ. За лишнее почитаю подтверждать вамъ, что трудъ вашъ будетъ имѣть должное воздаяніе: вы извѣстны, что Ея Императорское Величество прозорлива и милостива, а по мѣрѣ и важности дѣлъ вашихъ, будучи посредникъ дѣлъ, не упушу я ничего представлять Ея Величеству съ достойной справедливостью, и могу удостовѣрить васъ, что хотя не имѣлъ случая васъ знать, но видя дѣла ваши, съ совершеннымъ признаніемъ пребываю вашего высокоблагородія государя моего искренній слуга». Къ письму этому была приписка: «При нападеніи на Казань отъ злодѣя и самозванца выпущены были всѣ колодники секретной экспедиціи, а въ томъ числѣ и Филаретъ⁵⁾, который вамъ столь извѣстенъ; постарайтесь развѣдать, не прибудетъ ли онъ въ свое жилище, и его доставить сюда».

Между тѣмъ и Щербатовъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ на

---

5) О Филаретѣ см. выше.

посланное съ парочнымъ увѣдомленіе Державина о рѣшеніи укрѣпить Саратовъ и о необходимости поставить надъ тамошними командирами одного начальника. Вотъ что писалъ Щербатовъ (№ 76): «Репортъ вашъ отъ 27-го сего мѣсяца (т. е. іюля) доставленъ до меня исправно; всѣ ваши хвальныя распоряженія усугубляютъ мое къ вамъ почтеніе. Спѣшу къ вамъ возвратить посланнаго отъ васъ, ссылаясь на отправленное послѣднее мое извѣщеніе (sic), будучи увѣренъ, что не только вы при теперешнихъ обстоятельствахъ возьмете всѣ предосторожности, но и поощрите господъ командующихъ въ Саратовѣ на всякое усердное къ отечеству дѣло, а къ сему не оставите употребить всѣ возможности и прибывшіи думаю уже въ сіе время въ Сызрань г. генераль-маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, къ которому, яко старшему въ томъ краю военноподполковнику, вы и господа Саратовскіе начальники адресоваться можете, о чемъ имъ отъ себя и сообщите, съ тѣмъ, чтобъ по его требованіямъ содѣйствовали.»

Бошнякъ оставался непреклоненъ. «Наконецъ, пишетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, по сильномъ убѣжденіи бригадиромъ Лодыжинскимъ и прочими, рѣшился онъ на пожарищѣ г. Саратова, хотя на мѣстѣ неудобномъ, которымъ командовали горы, сдѣлать укрѣпленіе. Сіе было сегодня, а завтра онъ другія взялъ мысли и объявилъ, что онъ для экспланады никакъ нѣкоторыхъ начавшихся послѣ пожара строеній ломать и слѣдовательно укрѣпленія дѣлать не будетъ, ибо де жители ропщутъ». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ *сегодня* должно здѣсь разумѣть 2-е августа: ибо на другой день Державинъ писалъ въ Саратовскій магистратъ: «Сверхъ присяжной своей къ всемилостивѣйшей Государынѣ должности, Саратовскій магистратъ, по нынѣшнимъ мятежнымъ обстоятельствамъ отъ разбойника Пугачева, подписался, подъ смертною казнію, быть поспѣшнымъ къ ревностной Ея Императорскаго Величества службѣ, почему подпискою уже своею и обязался съ 1-го августа давать на дѣланіе ретраншамента употреблять всѣ свои силы, довольное число работниковъ, и работать оный день и ночь, а сего августа 3 дня, какъ то явно оказалось, что по многимъ посылкамъ работниковъ не было и производство ретраншамента остановилось, то для чего и по какой причинѣ

воспослѣдовало оное, Саратовскій магистратъ да пришлетъ отвѣтъ» (№ 21). «Чтобъ узнать дѣйствительный образъ мыслей гражданъ, прибавляеть Державинъ въ своемъ первоначальномъ журналѣ, вошелъ я въ магистратъ и велѣлъ записать въ журналъ, что ежели кто покажетъ недоброхотство на то, что для пользы пріемлется общества, тотъ въ обстоятельствахъ толь критическихъ будетъ признанъ за подозрительнаго и скованный отошлется въ секретную комиссію. Граждане на сіе тотчасъ собралися и день одинъ производилася работа назначеннаго около провіантскихъ магазиновъ ретраншаментъ. Однакожь на другой день комендантъ, по непреклонности своей на согласіе, призвавъ полиціймейстера, приказалъ объявить жителямъ, что они на работу не наряжаются, а ежели кто хочетъ, тотъ изъ своей собственной воли шель бы. Народъ легкомысленный радъ былъ таковой поноровкѣ, а изъ сего произошла колебленность мыслей и прочія дуриныя разгласки и работа совѣмъ остановилась. Зачинщиковъ изъ подлаго народа, показующихъ недоброхотство къ высокой службѣ всемилостивѣйшей Государынѣ, требовалъ я отъ воеводской канцеляріи по силѣ секретной комиссіи, однако они не были присланы. Ежели сообщеніе мое воеводской канцеляріи цѣло, то и имена ихъ извѣстны»⁶⁾.

Описанное здѣсь прекращеніе работъ и подало Державину поводъ 3 августа послать въ Саратовскій магистратъ приведенную уже бумагу.

Между тѣмъ Пугачевъ, разбитый подъ Казанью и преслѣдуемый Михельсономъ, шель на югъ опустошительнымъ ураганомъ. Никогда еще его злодѣйства не были такъ многочисленны и ужасны. Города сдавались ему одинъ за другимъ и утраченные жители встрѣчали его съ покорностью. Въ Саратовѣ распространился слухъ, что изъ Алатыря онъ пошелъ на Пензу и также занялъ ее, и что онъ уже около Петровска, отъ котораго до Саратова только 140 верстъ. Державинъ, желая помѣшать Пугачеву овладѣть Петровскомъ и усилиться бывшими тамъ пушками и порохомъ, рѣшился идти на встрѣчу ему съ

---

6) Последняя фраза вполнѣдствіи зачеркнута Державинымъ. Ср. его Записки, стр. 82.

сотнею Донскихъ казаковъ. Это было 4 августа. Въ ночь передъ выступленіемъ написалъ онъ слѣдующій приказъ одному изъ своихъ повѣренныхъ, Герасимову (№ 60): «Наиприлежитѣе стараться согласить къ единодушію усердныхъ охотниковъ⁷⁾, какъ быть въ толгѣ злодѣйской для искорененія его, такъ для присмотру въ тайныхъ мѣстахъ на Иргизѣ разставить лазутчиковъ и прочему народу внушать, чтобъ были готовы на пораженіе злодѣя, а онъ уже въ Пензѣ. Деньги, ежели надобны, возьми у Серебрякова, а тѣхъ не станетъ, требуй у управителя Шишковскаго, въ которыхъ дамъ ему ордеръ и росписку; теперь отправляюсь въ Петровскъ».

Тогда же, собираясь въ походъ, Державинъ отправилъ такой рапортъ П. С. Потемкину (№ 65): «Злодѣй 1 числа августа вступилъ въ Пензу, но въ коликомъ числѣ, неизвѣстно. Ежели слухамъ вѣрить, то ихъ паки огромное скопище. Сейчасъ со стомя человеками казаковъ отправляюсь я самъ въ Петровскъ, какъ для забранія пушекъ, пороху, чтобъ не достались въ руки злодѣямъ, такъ для поданія образа Саратовскимъ войскамъ, но паче для усмиренія взбунтовавшихся жителей. Я и въ Саратовѣ тогожъ боюсь, хотя мои подписки, публикаціи и прочія учрежденія принимаютъ успѣхи и жители съ радостію принимаютъ за оружіе. Но комендантъ явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство, говоря, чтобъ не наряжалъ ихъ полиціимейстеръ на работу ретрашаментъ; а какъ хотятъ де они сами; чрезъ то чернь ропщеть и указываетъ, что имъ комендантъ не велить. Потому ретрашаментъ худо успѣваетъ; а для сего врядъ ли скоро выжить команды отсель на отраженіе злодѣя, чтобъ не прелазилъ Волгу. Его превосходительство Павелъ Дмитріевичъ Мансуровъ отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца изволилъ писать ко мнѣ, что онъ изъ Яика не выступалъ. О г. фонъ-Дицѣ достовѣрное извѣстіе есть, что онъ изъ Царицына не выступилъ же. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ и въ своемъ маршѣ имѣлъ въ примѣчаніи рѣку Медвѣдицу, яко начало Донскихъ

---

7) Здѣсь разумѣется преимущественно Былякянъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

станции, чтобъ иногда злодѣй не прокрадся на Донъ; о г. Мюфелѣ извѣстія нѣтъ. Прочіе также наши дегашаменты гдѣ, не знаю. Подъ смертною казнію приказалъ я суда съ нагорной стороны свестъ и затопить ихъ въ водѣ отъ Саратова до Сызрани. Кажется, всѣ беру мѣры, но не стаетъ моихъ силъ по желанію и усердію моему все исполнять за препятствіемъ разныхъ мѣштинъ. Снимите съ меня, ваше превосходительство, бремя сіе, которое назвать изволили вы пространнымъ полемъ, либо дайте силъ къ удобоношенію его. Прикажете подтвердить въ округу сію, чрезъ непосредственное могущество свое, чтобъ меня еще лучше внимали. О, когда бы при соотвѣтствованіи усердію моему Божіей помощи, былъ я вами довольно силенъ, то кажется, на что бъ я не пустился, къ службѣ моему отечеству и моеи всемиловитѣйшей Императрицѣ. Злодѣй въ Пензѣ, какъ слышно, взялъ довольно пороху и пушекъ, да болѣе 200 т. казенныхъ денегъ. Вотъ ему помощь еще производить злодѣянія его. Мы его покупаемъ за 20 т., а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ всѣхъ 200 т. Я къ тому докладываю сіе, что деньги нужны». Изъ послѣдующаго зачеркнутаго мѣста можно только разобрать, что Державинъ собирался просить у Потемкина денегъ на расходы, которыхъ должность его безирестанно требовала, и что онъ встрѣчалъ затрудненія въ полученіи средствъ отъ мѣстныхъ властей.

Въ Петровскѣ не было принято никакихъ мѣръ для отраженія Пугачева: успѣли только вывезти казну въ Сызрань. Малочисленные жители не смѣли и думать о сопротивленіи.

Пушкинъ въ «Исторіи Пугачевского бунта» уже познакомилъ насъ съ нѣкоторыми подробностями экспедиціи Державина подъ Петровскѣ. Вѣрность разсказа Пушкина въ главныхъ чертахъ подтверждается словами самого Державина въ его Запискахъ. Но теперъ мы имѣемъ еще гораздо подробнѣйшій отчетъ объ этой экспедиціи въ рапортѣ Державина Потемкину, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ на другой же день или, вѣрнѣе, въ ночь на 5 августа изъ слободы Покровской.

Припомнимъ напередъ то, что говоритъ Державинъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ походу. Къ нему присоединился жившій въ колоніяхъ, въ качествѣ крейсь-коммисара

ихъ, бывшій подполковникъ польской службы Осдоръ Гогель. Въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ, Державину явилось видѣніе, когда онъ, стоя среди комнаты въ квартирѣ своей, разговаривалъ съ Лодыжинскимъ и еще съ двумя другими лицами. «Взглянувъ печально въ маленькое боковое крестьянское окно, онъ увидѣлъ выставившуюся (въ него) голову остова, бѣлую, будто изъ тумана составленную, которая вытараща глаза, казалось, хлопала зубами». Хотя онъ и принялъ это за дурное предзнаменованіе, однако не отложилъ своей экспедиціи и никому не сказалъ о видѣніи, чтобъ не возбудить еще большихъ опасеній. Самый походъ онъ описываетъ такимъ образомъ въ упомянутомъ рапортѣ Потемкину (*№* 56): «Какъ я послѣднимъ рапортомъ моимъ вашему превосходительству доносилъ, что съ ста человѣками Донскими казаками предпріалъ достовѣрное взять о злодѣяхъ свѣдѣніе, такъ и окончить тѣмъ нерѣшимость господъ Саратовскихъ начальниковъ. 4 поѣхалъ я въ Петровскъ, около котораго злодѣи были; не доѣзжая 15 верстъ, встрѣтился мнѣ посыланной курьеръ отъ Саратовскаго коменданта, который везъ извѣстіе, что злодѣи въ 30 верстахъ отъ города, и что будутъ въ немъ ночевать. Услышавши сіе, хотѣлъ я ускорить» (т. е. упредить)» пришествіе злодѣйское, и находящіяся тамъ пушки, ежели нельзя будетъ увезти, то заковать и пороховъ затопить. Отъѣхавъ еще пять верстъ, встрѣтилъ мужика, который по разсиросамъ сказалъ, что злодѣи въ 5 верстахъ дѣйствительно отъ Петровска. Тутъ я остановился и хотѣлъ возвратити казаковъ, которые прикрывали мой путь, но бывшій со мною изъ доброй воли своей, Польской службы г. маіоръ Гогель, поотважился еще ѣхать и дѣйствительно развѣдать: въ коликомъ числѣ мятежниковъ полчище находится. Я ему сіе позволилъ, а самъ остановился. Онъ, поѣхавши къ казакамъ, о которыхъ, какъ я выше сказалъ, что они впереди насъ были, приказалъ четверемъ человѣкамъ ѣхать впередъ себя, которые поѣхавъ, не возвращались; наконецъ, нѣсколько спустя, возвратились двое; на вопросъ, гдѣ были? сказали они: у Пугачева, который уже въѣхалъ въ Петровскъ; что дѣлали? такъ. Тутъ и прочіе сказали есаулу своему, что де имъ все равно, кому ни служить и мы де туда поѣдемъ. На уговариваніе ихъ, есаула хотѣли зако-

лоть, а между тѣмъ г. маіоръ Гогель, примѣтя, что они хотятъ его схватить, отъ нихъ удалился. Есауль, чтобъ отъ нихъ вырваться, обольстя сказалъ имъ: ну ребята, когда не слушаетесь вы меня, то и я съ вами согласенъ; только дайте мнѣ офицеровъ попридержатъ или я ихъ заколю. Они его отпустили, а онъ, прискакавъ, сказалъ, чтобъ спасались. Скакавъ за нами 10 верстъ, не могли насъ догнать, только собственного моего гусара ухватили». Такимъ образомъ Державинъ, который такъ давно мечталъ о поимкѣ Пугачева и, вѣроятно, при этомъ походѣ втайнѣ питалъ ту же надежду, едва самъ не попался въ руки самозванца. Разсматривая поведеніе Державина въ этомъ случаѣ, нельзя отказать ему въ храбрости, похожей даже на безразсудную отвагу, если сравнить незначительный отрядъ его съ силами Пугачева, составлявшими нѣсколько тысячъ.

Державинъ и Гогель спаслись бѣгствомъ, но что же было имъ дѣлать, когда отрядъ ихъ передался неприятелю и они передъ огромной шайкой остались почти самъ-другъ? Державинъ былъ уже второй писатель Русскій, исторгнутый судьбою изъ рукъ Пугачева: первый былъ Крыловъ, отецъ котораго участвовалъ въ оборонѣ Яицкаго городка и который едва не сдѣлался со всѣмъ своимъ семействомъ жертвой неистоваго гнѣва самозванца. Несчастіе было академикъ Ловицъ, который нѣсколько времени послѣ встрѣчи Державина съ Пугачевымъ дѣйствительно попалъ въ руки самозванца и погибъ на висѣлицѣ⁸⁾. По возвращеніи въ Саратовъ, Державинъ не нашелъ тамъ никакихъ приготовленій для отпора Пугачеву и кончилъ тѣмъ, что оставилъ городъ, не дождавшись нападенія. Въ сво-

---

8) При распространеніи бунта путешествовашіе академики призывались назадъ въ Петербургъ. Другіе поспѣшили возвратиться; но Ловицъ и адъютантъ Иноходцевъ хотѣли напередъ кончить свое дѣло. При приближеніи Пугачева они зарыли въ землю свои бумаги; Иноходцевъ успѣлъ бѣжать и спастъ часть бумагъ. О смерти Ловица сохранилось письмо Иноходцева. Они были изъ числа астрономовъ, посланныхъ въ Оренбургъ, Орскъ, Якутскъ и др. мѣста, и занимались инвентаризаціею между Дономъ и Волгою. (Сарат. Губ. Вѣд. 1846, № 31). Присоединивъ къ этому свѣдѣніе еще о двухъ ученыхъ, испытавшихъ на себѣ дѣйствіе Пугачевского бунта. При разореніи Казани убитъ былъ директоръ гимназіи Каицъ, который съ учениками пошелъ на защиту города. Въ Оренбургѣ, во время осады его и происшедшаго отъ нея голода, находился академикъ Рычковъ: по его предложенію стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбъ (Ист. Пуг. бунта гл. IV).

ихъ Запискахъ онъ старается оправдать этотъ поступокъ преимущественно двумя обстоятельствами: въ 1-хъ тѣмъ, что еще за нѣсколько дней до похода подъ Петровскъ Бошнякъ сообщилъ ему ордеръ Астраханскаго губернатора, чтобъ Державинъ, если при немъ есть вооруженный отрядъ, не оставался въ Саратовѣ, а отправлялся бы на Иргизъ, и во 2-хъ полученнымъ отъ Герасимова письменнымъ увѣдомленіемъ, что собранные по повелѣнію Державина и подходившіе къ Саратову Мальковскіе крестьяне, услышавъ объ измѣнѣ казаковъ подъ Петровскомъ, не хотѣли идти далѣе и требовали, чтобъ Державинъ, если онъ еще живъ, самъ пріѣхалъ къ нимъ и повелѣ ихъ въ городъ. Хотя ни одного изъ упомянутыхъ здѣсь двухъ документовъ нѣтъ въ въ бумагахъ Державина, однакожъ мы не можемъ сомнѣваться, что они существовали, ибо въ оправдательномъ рапортѣ его къ графу П. И. Панину, который въ послѣдствіи требовалъ у него отчета въ оставленіи Саратова, они показаны въ числѣ приложенийъ подъ №№ 12 и 13. Противъ этихъ оправданій можно замѣтить только то, что мы не находимъ ихъ въ рапортѣ къ П. С. Потемкину, писанномъ вскорѣ послѣ событія; но надо принять въ соображеніе, что тогда Державинъ и не имѣлъ еще повода оправдываться: онъ проситъ только Потемкина не вмѣнить ему въ малодушіе, что онъ оставилъ Саратовъ. Слова, что онъ послалъ Мальковскимъ крестьянамъ приказаніе спѣшить къ городу, только подтверждаютъ сказанное въ Запискахъ о полученномъ насчетъ ихъ извѣстіи, хотя съ другой стороны открывается, что Державинъ не рѣшился самъ идти на встрѣчу имъ, о чемъ онъ подробнѣе говоритъ въ Запискахъ. Но объ этомъ послѣ, а теперь посмотримъ, какъ доноситъ онъ Потемкину о своемъ отъѣздѣ изъ Саратова въ томъ же рапортѣ, изъ котораго мы уже привели описаніе похода подъ Петровскъ (№ 56): «Пріѣхавъ въ Саратовъ», говоритъ онъ, «нашелъ паки нерѣшимыми господъ начальниковъ. Не токмо у нихъ начатое укрѣпленіе для казеннаго имущества и для жителей не было сдѣлано, но ниже никакой готовности не предвидѣлось. Съ самой зари по самой вечеръ, какіе пустые совѣты, какія разногласія были, что описать не можно, всѣ пришли въ робость, не знали что дѣлать. Комендантъ то то предпринималъ, то другое,

наконецъ, уже отдавшимся на его волю, поставилъ онъ свою и артиллерійскую команду въ такое мѣсто, что ежели бы вашему превосходительству сдѣлать описаніе, то бы вы и вселкой благо-разумной согласился, что явною всеѣмъ была бы жертвою. Наконецъ штабъ-офицеры и баталіонные сказали мнѣ, что въ городскихъ пушкахъ закачены ядры. На вопросъ нашъ комендантъ сказалъ, что это пушкари играли и не нарочно закатили такъ крѣпко, что вытащить ихъ не можно. Словомъ сказать вашему превосходительству, я не знаю, что заключить о сихъ приключеніяхъ. Все было отлагаемо, все перѣшимо, все въ безпорядкѣ, все вмѣнялось въ безопасность, и словомъ, ежелибъ я не поѣхалъ самъ развѣдывать, то уповаю, что мы и не свѣдали (бы) какъ насъ передушили. Я боюсь подумать о какомъ предательствѣ. Но такая странность принудила меня дать совѣтъ артиллерійскимъ, которыхъ 300 человекъ было, чтобъ они своими силами старались поражать злодѣевъ. Казаковъ у нихъ осталось только 40 человекъ. Они выступили въ походъ, а я, не злодѣевъ, но толь странныхъ безпорядковъ ужасаясь, переѣхалъ на другую сторону рѣки Волги, пославъ отъ себя, чтобъ поспѣшали отъ меня изготовленные Малыковскіе хотя вмѣсто конницы тысячи до полторы жителей, ибо Донскіе казаки послѣ эта человекъ еще дезертируютъ. Что будетъ, не умѣю вамъ допестъ. Истинно ваше превосходительство, не причтите мнѣ въ слабость духа, что я долженъ былъ оставить театръ неудобопонятнаго мнѣ зрѣлища. Всеѣмъ городомъ свидѣтельствуюсь, сколько было моего раченія. Дай Боже, чтобъ поражены были злодѣи, и я ожидаю непонятной судьбины⁹⁾. Ежели не удастся, то зло разсвирицествуетъ въ странѣ здѣшней, тѣмъ паче что ни объ одномъ человекѣ господь нашихъ надъ деташаментами командировъ слуху нѣтъ. Какъ вѣрный сынъ отечества, радуюсь съ Портою полезному миру, но паче желаю, чтобъ ваше превосходительство были счастливы и умирлили злобу внутренняго раздора и погибъ бы Пугачевъ». (8 августа. Слобода Покровская).

Какъ судить объ отъѣздѣ Державина изъ Саратова часовъ

---

9) Тутъ сверху приписано еще нѣсколько словъ, которыхъ нельзя разобрать.

за 15 до прихода непріятели? Мѣры, которыя онъ считалъ необходимыми для безопасности города, были отвергнуты комендантомъ, не смотря на всѣ настоянія Державина и на то, что высшіе начальники, Щербатовъ, Голицынъ и Потемкинъ, одобряли его предположенія (на одномъ изъ совѣщаній онъ прочиталъ коменданту бумагу [№ ХСVIII ?], полученную отъ Потемкина). Притомъ и Лодыжинскій, служившій прежде по инженерной части и, слѣдовательно, болѣе свѣдущій въ этомъ дѣлѣ нежели Бошнякъ, былъ одного мнѣнія съ Державинымъ. Храбрость свою послѣдній достаточно доказалъ, вызвавшись идти съ небольшимъ отрядомъ подъ Петровскъ на встрѣчу Пугачеву тогда, когда губернаторъ Кречетниковъ требовалъ его удаленія изъ Саратова. Теперь же, предвидя неминуемую гибель города вслѣдствіе упорства Бошняка, Державинъ и Лодыжинскій имѣли, кажется, полное право оставить заблаговременно Саратовъ. Они такъ и сдѣлали. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, по какимъ соображеніямъ дѣйствовалъ Бошнякъ: думалъ ли онъ, что въ укрѣпленіи труднѣе, нежели въ открытомъ полѣ отразить Пугачева, или надѣялся, какъ говоритъ Лодыжинскій, что Пугачевъ не пойдетъ на Саратовъ ⁽¹⁰⁾. Во всякомъ случаѣ событіе оправдало предвидѣніе Державина и едва ли его присутствіе въ этомъ городѣ послужило бы къ чему нибудь. Съ другой стороны онъ, который насилу ускользнулъ отъ Пугачева передъ Петровскомъ, имѣлъ особенную причину опасаться мщенія его. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что ни одна изъ бумагъ, писанныхъ Бошнякомъ къ Державину, не сохранилась, можетъ быть, оттого, что Державинъ въ подлинникъ отправлялъ ихъ къ своимъ начальникамъ, такъ же какъ онъ поступалъ прежде съ бумагами Кречетникова и Тишина. Изъ всего происшедшаго въ это время въ Саратовѣ можно заключить, что между двумя бывшими тамъ начальниками и прежде не было согласія, и что когда являлись новыя лица, то по необходимости образовывались партіи: такъ Кречетниковъ, находясь въ этомъ городѣ, былъ на сторонѣ Бошняка, а Державинъ примкнулъ къ Лодыжинскому. Поэтому не-

10) Это послѣднее предположеніе оправдывается частными письмами П. И. Новосильцова и Н. Я. Свербѣева къ Державину отъ 28 іюля (№ 60).

удивительно, что въ одномъ донесеніи Кречетникова, который и безъ того, какъ мы видѣли, не жаловалъ Державина, находимъ слѣдующее свидѣтельство: «Онъ губернаторъ изъ всѣхъ сношеніевъ, бывшихъ у стат. совѣтника Лодыжинскаго съ Саратовскимъ комендантомъ, видитъ, что Лодыжинскій и Державинъ не только съ нимъ въ наилучшей оборонѣ не согласовали и производили споръ; но и другихъ штабъ-офицеровъ и купцовъ отъ послушанія его отвратили, а Державинъ въ собраніи всячески его ругалъ и поносилъ безчестными словами, намѣреваясь яко осужденнаго арестовать (1)». Мы нисколько не оправдываемъ Державина въ тонѣ его сношеній съ Бошнякомъ; нѣтъ сомнѣній, что онъ въ спорѣ съ своимъ противникомъ слишкомъ далеко увлекался своею настойчивостью: лучшее доказательство тому — письмо его къ Бошняку, напечатанное Пушкинымъ и приведенное уже нами. Но справедливо и то, что онъ дѣйствовалъ по убѣжденію и что когда поступлено было наперекоръ ему, то онъ не обязанъ былъ оставаться въ Саратовѣ на вѣрную смерть. Другое было бы дѣло, еслибъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ и присланъ былъ въ этотъ городъ для участія въ оборонѣ его вооруженною рукою, но не таково было вообще назначеніе Державина во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Въ Саратовѣ же прибылъ онъ добровольно съ тѣмъ, чтобы способствовать къ приведенію въ дѣйствіе общаго опредѣленія мѣстныхъ властей о мѣрахъ къ защитѣ города. Поэтому едва ли правъ былъ въ послѣдствіи П. И. Панинъ, утверждая, что Державинъ за свои дѣйствія могъ бы опасаться военнаго суда. Впрочемъ ниже приведено будетъ въ цѣлости подробное оправданіе самого Державина передъ этимъ начальникомъ въ оставленіи Саратова.

Событія въ Саратовѣ 5 и 6-го августа убѣдительно доказали непредусмотрительность Бошняка. 5-го вечеромъ Пугачевъ въ

---

1) Выписка изъ актовъ, хранящихся въ кабинетѣ Е. И. В., которую мы обязаны профессору С. М. Соловьеву. Державинъ и самъ въ своихъ Запискахъ (стр. 99) рассказываетъ, какъ графъ Панинъ дѣлалъ ему выговоръ за то между прочимъ, «что онъ въ Саратовѣ съ комендантомъ Бошнякомъ, предъ нашествіемъ на сей городъ злодѣевъ, обходился неуважительно и даже въ одинъ разъ выгналъ его отъ себя».

значительныхъ силахъ подошелъ къ Саратову: по словамъ Пушкина, войско его состояло изъ 300 Яицкихъ казаковъ и 150 Донскихъ, приставшихъ къ нему накануне, и тысячъ до 10-ти калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ и всякой сволочи. Послѣ стычки, бывшей передъ самымъ городомъ и скоро прекратившейся съ наступленіемъ ночи, Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, съ которой невозможно было сбить непріятеля. Если вѣрить Лодыжинскому, Бошнякъ расположилъ свое войско самымъ невыгоднымъ образомъ, между двумя валами противъ Соколовой горы, и тѣмъ подвергъ его непріятельскому огню, такъ что оно не могло дѣйствовать: казаки, гарнизонъ, купечество начали въ глазахъ коменданта передаваться Пугачеву, а наконецъ и всѣ артиллеристы разбѣжались. Что касается самого Бошняка, то по разсказу Пушкина онъ рѣшился продраться сквозь мятежниковъ и, выступивъ изъ крѣпости съ 60 человекъ офицеровъ и солдатъ, шелъ цѣлые 6 часовъ сряду, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы. Въ официальной исторіи Пугачева (Пол. С. Зак. XIX, 14, 230) сказано: «Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ 50 человекъ офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и прибылъ въ Царицынъ». Но странно, что это извѣстіе не подтверждается мѣстными свидѣтельствами. Въ статьѣ г. Леопольдова о нашествіи Пугачева на Саратовскій край, напечатанной въ тамошнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1843 г. № 29, сказано только: «Бошнякъ, оставшійся вѣрнымъ съ горстью гарнизона, видѣлъ, что нельзя спасти города и отплылъ внизъ по Волгѣ, оставивъ городъ на произволь судьбы и увезши съ собою въ Царицынъ казну и канцелярскія дѣла²⁾. Городъ совершенно осиротѣлъ. Между тѣмъ мятежникъ съ горы стрѣлялъ въ городъ изъ пушекъ». Съ этимъ согласенъ и разсказъ Лодыжинскаго, съ тою только разницею, что по его словамъ часть казны и дѣла были увезены имъ, а не Бошнякомъ, который все 6-е число держался противъ Пугачева, къ ночи же отплылъ на лодкѣ внизъ по

---

2) Н. И. Костомаровъ въ Очеркѣ исторіи Саратовскаго края (Памятная книжка Сар. губ. на 1858 г., стр. 34) говоритъ также: «Бошнякъ, видя невозможность защищаться, убѣжалъ внизъ по Волгѣ, успѣвши увезти съ собою казну и дѣла».

Волгѣ и присоединился къ Лодыжинскому, отправившемуся еще съ утра. Мы приведемъ весь рассказъ Лодыжинскаго о нападеніи Пугачева на Саратовъ, какъ любопытный историческій документъ, подтверждающій всѣ показанія Державина. Это — письмо, писанное 11-го августа изъ Царицына, неизвѣстно къ кому «Я сей часъ прибылъ водою въ Царицынъ съ частію сохраненной мною денежной казны. И за скорымъ отправленіемъ сего курьера изъ Царицына и за неприбытіемъ еще судна съ конторскими письменными дѣлами, не могу васъ обстоятельно увѣдомить о томъ, что въ Саратовѣ по отправленіи вахмистра Тита Иванова происходило, а доношу только то, что злодѣй Пугачевъ сего августа 6-го числа Саратовомъ овладѣлъ, Донскіе и Волгскіе казаки, тако жъ и артиллерійскія три роты измѣнили и предались къ злодѣю. Комендантъ Бошнякъ, положи въ совѣтѣ сдѣлать кругъ нашихъ магазиновъ укрѣпленіе и подписавъ въ общемъ совѣтѣ приговоръ, отъ онаго отступилъ и, проволоча день ото дня, всячески не допускалъ купцовъ, кои меня сами о томъ просили, давать работниковъ; со всѣмъ тѣмъ въ два дни и половину ретраншаменты сдѣлалъ, въ которомъ можно бы, сохраняя все казенное имущество и держа всѣхъ возмущившихся нынѣ жителей въ уѣздѣ, до тѣхъ поръ отсиживаться пока подоспѣютъ идущія со всѣхъ сторонъ войска къ избавленію: напротивъ того комендантъ, дѣлая одиѣ шутки и увѣряя, что Пугачевъ къ Саратову не пойдетъ, всячески мнѣ препятствовалъ и, отъ своихъ приговоровъ отступая, приводилъ всю Саратовскую чернь на противную сторону и самъ ничего къ зашпицеванію не начиналъ, имѣя до двухъ тысячъ готовыхъ работниковъ, ибо я и на то уже напоследокъ былъ согласенъ, чтобъ и въ погорѣломъ городскомъ мѣстѣ небольшой уголокъ укрѣпить; сдѣлалъ ему чертежъ и далъ межевымъ офицерамъ, будучи и самъ всегда готовъ къ работѣ, но онъ и отъ сего своего мнѣнія отступилъ, сказывая, что онъ поставитъ пушки, которыхъ у него было только десять и очень мало зарядовъ, за негоднымъ и вамъ извѣстнымъ валомъ, да еще одну или двѣ пушки поставитъ у моста и тѣмъ непріятелей въ городъ не пуститъ; видя толь странныя разсужденія, положилъ было я его склонить выступить въ поле на встрѣчу злодѣю, зная навѣрное, что такимъ образомъ его ото-

гнать можно, на что и онъ былъ согласенъ, почему и отряжены были Донскіе казаки къ городу Петровску, какъ для развѣданія, такъ и для забранія тамъ пушекъ и пороху, вѣдая, что воевода оттуда уже выѣхалъ и Петровскіе жители взволновались. Сію коммисію взялъ на себя л. г. поручикъ Державинъ и коммисіонеръ по секретнымъ развѣдываніямъ о злодѣѣ, ибо одной Державинъ, находясь въ Саратовѣ, и во всѣхъ нашихъ совѣтахъ присутствовалъ. Подъ пятое число августа въ ночи Державинъ насилу могъ прискакать съ Гогелемъ и Донскимъ есауломъ Фоминымъ обратно, донеся, что казаки, по вступленіи 4-го дня въ Петровскъ, Пугачеву отдались и едва ихъ» (т. е. Державина, Гогеля и Фомина)» не изрубили. По сему извѣстію собралъ я до 300 человекъ фузелеръ и Волгскихъ казаковъ до 70, велѣлъ выступить до Московской дороги, давъ знать о семъ коменданту, который собралъ гарнизонныхъ солдатъ до 120 человекъ и 200 Саратовскихъ казаковъ, и къ вечеру 5-го дня поставлены были все у Московскихъ воротъ на весьма невыгодномъ мѣстѣ, что усмотря заѣхалъ я самъ съ штабъ-офицерами къ коменданту и сказалъ въ осторожность, что на семъ мѣстѣ всѣхъ людей потерять можете, ибо не токмо оное съ Соколовой горы все видимо, но еще и позади сдѣланной, невѣдомо для чего комендантомъ новой валъ былъ готовою для злодѣя батарею. И такъ уговорилъ его идти лучше въ поле и къ горѣ не допускать издалека, на что онъ казался и согласенъ и, поѣхавъ отъ него, велѣлъ я не мѣшкая укладывать на одно судно все конторскія дѣла, а на другое денежную казну, къ чему употребилъ конторскихъ служителей и человекъ до 50 вооруженныхъ колонистовъ, оставя нѣсколько фузелеръ для караула, дабы не убавить ни единого человека изъ фрунта. Ночь всю таскали денежную казну и дѣла, а шестаго дня до тѣхъ поръ, пока начали уже канонаду, въ которое время оба мои суда отвалили, я же, не имѣя въ семъ случаѣ ни единого помощника, кромѣ казначея и Якова Ивановича, который по несчастію крайне занемогъ, а Тилингъ уѣхалъ, подхватя лодку, насилу за плывущими моими судами могъ уйтить, желая усердно быть и при фрунтѣ, но уже былъ отхваченъ, и такъ сего дня съ половиною казны, которую могъ ухватить, прибылъ въ Царицынъ, а съ дѣлами судно

еще не бывало. Теперь обратимся назадъ, что въ Саратовѣ происходило. Комендантъ, вмѣсто выступленія въ поле, завелъ всю команду между валовъ противъ Соколовой горы и, подвергая ее злодѣйскому огню, видѣлъ какъ Волгскіе и Саратовскіе казаки перелавались къ Пугачеву, а на послѣдокъ попускалъ и жителей возстать, ибо передъ его глазами побѣхалъ отъ купечества купецъ Кобяковъ къ Пугачеву, стоящему у Полисова зимовья, и привезъ къ коменданту отъ него указъ, который онъ хотя передъ всѣми и изодралъ, но купцу Кобякову ничего не сдѣлалъ; потомъ маіоръ Семанжъ взялъ передъ его же глазами до 50 солдатъ гарнизонныхъ и, поклонясь г. коменданту, пошелъ къ Пугачеву, а на послѣдокъ всѣ фузелеры, видя себя въ худомъ мѣстѣ, побѣжали во всѣ стороны, и то уже было ввечеру, а при комендантѣ только маіоръ Семанжъ, капитанъ Елчинъ, два сержанта и человекъ 20 гарнизонныхъ офицеровъ и столько же казаковъ ретировались и, подхвата на Увекѣ³⁾ рыбацью лодку, со мною на Волгѣ соединились. Комендантъ, не доѣзжая Камышенки, отъ меня отсталъ и гдѣ дѣвался не знаю, а Семанжъ со мною пріѣхалъ въ Царицынъ. При ретирадѣ ихъ видѣли они, что злодѣи казармы и магазейны наши зажгли; теперь прошу повелѣть, что мнѣ дѣлать; Яковъ Ивановичъ и Батуринъ со мною; когда съ дѣлами судно пріѣдетъ и люди соберутся, тогда пришлю курьера съ обстоятельнымъ извѣстіемъ. Яковъ Ивановичъ очень жалокъ, а я не имѣю помощника. Вотъ, батюшка, какая слабость г. коменданта, а все изъ лакомства; прошу меня защитить, онъ спутаетъ меня въ свое оправданіе и съ губернаторомъ, которому можетъ быть съ нимъ же курьеромъ что нибудь неправильно писалъ» (№ LXXXVI).

Заключительныя строки вполнѣ подтверждаютъ сдѣланное нами выше замѣчаніе, т. е., что Астраханскій губернаторъ Кречетниковъ былъ рѣшительно на сторонѣ Бошняка противъ Лодыжинскаго и Державина. Послѣдніе два, кромѣ официальныхъ отношеній, пересылались дружескими письмами, въ одномъ изъ которыхъ (23 окт. Саратовъ, № 102) Лодыжинскій даетъ слѣдующую любопытную характеристику общаго врага ихъ, за

---

3) Увекъ — имя горы и Татарскаго городища на самомъ берегу Волги.

вѣрность которой однакожь нельзя ручаться, не имѣя покуда другихъ источниковъ для оцѣнки дѣйствій Кречетникова:

«Кречетниковъ васъ и меня ругаетъ немилосердо, и лжетъ во все правительства, въ которыя хотя малѣйшую имѣетъ причину увѣдомлять о разореніи Саратова, а о себѣ ничего не упоминаетъ, что онъ первый разоренія нашего причиною, ибо именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ: быть для охраненія своей губерніи; слѣдовательно, получа извѣстіе, что злодѣй приближается къ Саратову, не только не мѣшавъ самъ былъ долженъ скакать да и войска оттуда выслать, ибо имѣлъ онъ двѣ легкія полевыя команды и болѣе 1,500 казаковъ, кромѣ гарнизоновъ, о чемъ ему отъ Никиты Аванасьевича Бекетова ⁴⁾ письменное дано было предложеніе, но онъ упустия время ни самъ не поѣхалъ и Бекетова не допустилъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ самъ хотѣлъ ѣхать противу злодѣя. Вирочемъ доношу о немъ, что онъ поступаетъ какъ сумасшедшій, никѣмъ въ Астрахани не любимъ и только старается о набогащеніи себя, обираетъ всехъ кругомъ всякою всячиною, и только говорить, что рубли класть въ сундуки ничто не мѣшаетъ; отъ частаго повторенія сей рѣчи сдѣлалась она уже пословицею». Въ томъ же письмѣ Лодыжинскій далѣе говоритъ: «Мое одно письмо, писанное изъ Царицына, попало въ руки самой Императрицы». Вѣроятно онъ разумѣетъ именно то, которое мы здѣсь привели цѣликомъ.

Относительно біографіи Бошняка, играющаго такую важную роль въ этомъ эпизодѣ жизни Державина, мы нашли покуда только слѣдующія свѣдѣнія. Онъ былъ родомъ изъ Македоніи, въ Русскую службу вступилъ въ 1735 г. капраломъ Сербскаго гусарскаго полка; въ 1770-мъ онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году назначенъ комендантомъ Саратова, гдѣ мы и застаемъ его во время Пугачевщины. Въ Царицынѣ, куда онъ отправился изъ Саратова, онъ вмѣстѣ съ тамошнимъ комендантомъ Цыплетевымъ распорядился защитою этого хорошо укрѣпленнаго города и участвовалъ здѣсь въ отраженіи Пугачева. По усмиреніи бунта, Бошнякъ снова получилъ

---

⁴⁾ Н. А. Бекетовъ, генералъ-поручикъ, былъ Астраханскимъ губернаторомъ до 1773, а въ этомъ году пожалованъ въ сенаторы.

мѣсто Саратовскаго коменданта и занимать его до 1790 г. ⁽⁵⁾. Достигнувъ глубокой старости, онъ жилъ послѣ того не болѣе года. Онъ участвовалъ во многихъ походахъ и сражался за Россію въ Пруссіи, Польшѣ, Турціи и Швеціи.

Теперь посмотримъ, какъ П. С. Потемкинъ, въслѣдствіе донесеній Державина, смотрѣлъ на Саратовскія несогласія. Вотъ что писалъ онъ 9-го августа (№ СХХХ):

«Къ крайнему оскорбленію получилъ я вашъ рапортъ, что г. полковникъ и Саратовскій комендантъ Бошнякъ, забывая долгъ свой, не только не вспомоцствуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оной: того для объявите ему, что я именемъ Ея Императорскаго Величества объявляю, что ежели онъ что-либо упустилъ къ воспріятію мѣръ должныхъ какъ на пораженіе злодѣя, стремглавъ бѣгущаго отъ деташаментовъ маіора графа Меллина и подполковника Муфеля, такъ и на укрѣпленіе города Саратова по положенію условному, о коемъ вы мнѣ доносили: тогда я данною мнѣ властію отъ Ея Величества по всѣмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ. Впрочемъ я опасаюсь, чтобъ не опоздало мое къ вамъ сообщеніе: ибо сегодня имѣю рапортъ отъ графа Меллина, что злодѣи ушелъ изъ Пензы: теперь онъ не будетъ такъ нахальствовать. Совершившіися между Портою и Россією миръ свободилъ отъ войны войска къ искорененію сего врага нашему отечеству, и уже вся конница, гусарскія и легкія войска изъ арміи обращены на его пораженіе. Изъ Москвы выступили четыре пѣхотные полка, три конныхъ, полкъ гусаръ венгерскихъ, 4 эскадрона Бошняковъ, полкъ драгунской и два полка донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-маіо-

5) Въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1844, № 9, откуда мы заимствовали часть этихъ свѣдѣній, очевидно невѣрно указаніе, будто Бошнякъ вышелъ въ отставку уже въ 1778 г.: въ той же статьѣ говорится, что онъ передалъ комендантскія дѣла Нефедьеву не ранѣе 1790 г. Въ календарѣ 1788 г. Иванъ Константиновичъ Бошнякъ значится еще Саратовскимъ комендантомъ. Судя по имени Бошняка, онъ былъ родомъ Славянинъ, а не Грекъ, какъ сказано въ Саратовскихъ Вѣдомостяхъ. Слово Бошнякъ, какъ названіе народа, въ то время употреблялось у насъ вмѣсто нынѣшней менѣе правильной формы Боснякъ; въ двухъ приводимыхъ нами ордерахъ Потемкина и князя Голицына говорится о Бошнякахъ, какъ о составной части Русской арміи. Притомъ извѣстно, что Сербскіе гусарскіе полки, возникшіе у насъ въ 1727 году, пополнялись выходцами изъ Славянскихъ областей Турецкой имперіи.

ра Чорбы, а главная команда поручена графу Петру Ивановичу Панину ⁽⁶⁾ надо всеми войсками, слѣдующими на истребленіе сего бунтовщика Емельки Пугачева; теперь думаю, что деташаментъ *Муффели*, графа *Меллина* и полковника *Михельсона* весьма близко къ Саратову: а и князь Петръ Михайловичъ Голицынъ изъ Симбирска выступилъ сего 7-го числа на пораженіе злодѣя; подержитесь нѣсколько въ честь и къ пользѣ общей; а я уже о расторопности и усердіи вашемъ представлялъ высочайшему Двору. Увѣдомляйте, какъ возможно чаще, о дѣлахъ, съ вашей стороны происходящихъ.

Въ концѣ письма Французская приписка:

«Je crains que cela n'arrive pas trop tard. Si vous serez en état de rebuter ce coquin un seul jour, le comte Mellin vous donnera du secours».

На это письмо Державинъ отвѣчалъ изъ Сызрани, куда онъ между тѣмъ благополучно прибылъ. Вотъ какъ онъ доносилъ Потемкину о паденіи Саратова (*№* 95):

«Огъ 9 сего м. ордеръ вашего превосходительства получилъ, на который имѣю донести, что какъ уже Саратовъ неустройствомъ своимъ и измѣною погибъ, то всякое предпріятіе помочь ему поздно. Въ таковыхъ крутизнахъ несчастія, каковыя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ отечество наше имѣеть, должна только власть, собою все исполняющая, нужденіемъ производить что нибудь. Ежели бы вы быть изволили или кто нибудь другой, которой бы начальство имѣть могъ, то бы можно поручиться, что Саратовъ бы устоялъ. На вашего превосходительства пошлюсь я, вы изъ рапортовъ моихъ видѣть изволили, дѣлалъ я что мнѣ только можно было и что сами засвидѣтельствовать могутъ тѣ, на которыхъ я такъ часто рапортовалъ вамъ, ежели они только живы. Оставалось мнѣ только напрасно быть въ Саратовѣ и напередъ несчастія его предвидя безъ всякой пользы... 7). Выбѣжавшій изъ Саратова въ образѣ крестьянина г. капитанъ Мосоловъ объяснилъ, что будто комендантъ съ ма-

---

6) Указъ о назначеніи Панина подписанъ 29-го іюля.

7) Здѣсь пропущено нѣсколько словъ, которыхъ въ рукописи невозможно разобрать. Весь этотъ рапортъ написанъ до того блѣдными чернилами, что съ трудомъ можно было прочесть его.

лою частью своихъ людей на суднѣ спасся, но послѣ его отъ г. Муфеля присланный капраль увѣрялъ, что всѣ безъ остатку погибли. Какъ бы то ни было, но посмѣяніе намъ, что около тысячи человекъ воиновъ отъ разбойника не могли ни дня защитить городу. Артиллерійскій капитанъ Баратаевъ и баталонный командиръ маіоръ Салмановъ по вышеписанныхъ вѣстниковъ занятіямъ стали измѣнниками и пошли прямо къ присоединенію изверга. Казакъ Уфимцевъ и купецъ Кубиковъ⁽⁸⁾ встрѣтили злодѣя, и прочая чернь, при занятіи имъ мѣста къ атакѣ способнаго, вся выселилась къ нему. Сколько произвелось варварства надъ благородными, того изобразить нельзя! Чернь, выискивающая ихъ вездѣ, привозила изъ деревень и отовсюды предъ злодѣя, и сіе чудовище проливало кровь ихъ около становища своего, утоляя безъ всякаго ненасытнующую злобу свою милосердія. Приложенное при семъ посланныхъ моихъ объявленіе, какою цѣною платилъ онъ за жизнь нашу, покажетъ вашему превосходительству, коль устремлено его рвеніе на благородныхъ! Колонисты взбунтовались и многіе пошли въ его шайку; ихъ великія обѣщанія и деньги оболестили. Магазины, имѣющіе кормить всѣ иностранныя селенія, расхищены до основанія и Богъ знаетъ, какой чрезъ сіе высшему интересу ущербъ произойти долженъ, ибо иностранцы, не имѣя чего ѣсть, должны домой разбрестися. Имъ обѣщана вольность и ежели злодѣй прямо сіе произвелъ ухищреніе, то должно ему истребить въ опекунской конторѣ письменныя дѣла, въ которыхъ квитанціи и счета, то, какъ сказываютъ, чрезъ сіе должна казна будетъ потерять около 7 милліоновъ, задержанныхъ въ чаяніи возврата отъ колонистовъ.

«Вотъ какъ премудрой нашей Монархини труды и политику завидный рокъ испровергаетъ. Ежели это сдѣлалось, то Саратовъ.... болѣе всѣхъ. Прямаго извѣстія еще обо всемъ не получено. Малыковскіе жители, какъ скоро коснулась до нихъ язва, также изъ явнаго ихъ къ жестокости усердія сдѣлались злодѣи.

«Въ то время, какъ я за сильнымъ стремленіемъ посланныхъ за мною отъ злодѣя не могъ угодить въ Малыковку, а проѣхалъ прямо степью въ Сызрань, то пріѣхали въ сіе жительство»

---

(8) т. е. Кобяковъ.

(т. е. въ Малыковку) «12 человекъ злодѣевъ и въ состояніи были часть собравшихъ людей взбунтовать. Сто человекъ Донскихъ Денисовскихъ казаковъ, слѣдующіе въ Саратовъ, были злодѣйскими силами отъ него отрѣзаны и стоявшіе въ селѣ Воскресенскомъ услышали, что съ другой стороны прѣѣхали разбойники въ Малыковку, куда тотчасъ подлетѣли и, восемь человекъ изъ нихъ переловивши, выѣхали. Между тѣмъ какъ, казалось, уже опасность миновалась, одинъ изъ укрывшихся злодѣевъ въ силахъ былъ произвести страшное злодѣйство. Онъ изъ укрывательства своего вышелъ и тиранилъ.... помощію самихъ Малыковскихъ обывателей экономическаго казначея поручика Тишина и съ его женою, застрѣливъ ее прежде, повѣсилъ, дѣтей его малолѣтнихъ объ уголь разбилъ⁹⁾. Нѣкоторые изъ убитыхъ переловлены, прочіе ушли къ самозванцу, который, какъ по всеѣмъ слухамъ извѣстно, уклонился къ Царицыну. Но сколько должно сему вѣрить, столь должно опасаться, чтобъ онъ не поворотилъ вправо на Воронежскую губернію. Жительства всѣ здѣсь бунтомъ дышутъ и, какъ я не имѣю команды, а на меня паче злодѣйской направленъ былъ рыскъ, то я присоединился къ нашимъ войскамъ и теперь нахожусь при приходшемъ съ главнымъ detaшментомъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Извѣстно вашему превосходительству, что главный предметъ моей коммисіи былъ тотъ, чтобъ въ случаѣ тайнаго укрывательства злодѣя въ странѣ здѣшней поставить ему сѣти и поймать его; но какъ онъ.... удался, то что мнѣ теперь будетъ дѣлать, испрашиваю вашего превосходительства приказаніе»¹⁰⁾.

Судя по числу письма, на которое Державинъ отвѣчалъ въ

---

9) Вѣроятно это самое событіе въ статьѣ г. Костомарова «Поѣздка въ г. Волгскъ» разсказано иначе по мѣстному, не столь точному преданію, въ которомъ достоверно только имя главнаго зачинщика бунта, крестьянина Сапожникова (Нам. книжка Саратов. губ. на 1859 г., стр. 96).

10) Державинъ еще прежде собирався писать Потемкину о паденіи Саратова, но кажется, остановился на началѣ рапорта (Л^т 46), которое и сохранилось въ его тетради: «По толь смущеннымъ обстоятельствамъ, каковы здѣсь нынѣшнія, не могъ я прошедшимъ рапортомъ довести основательно, что Саратовъ по описанныхъ мною вашему превосходительству неустройствахъ, какъ и по справедливости чаять должно было, погибъ. Его же паденіе причиною въ округѣ здѣшней всеобщаго мятежа».

этомъ рапортѣ, онъ писанъ былъ 13 или 14 августа. Что же происходило съ Державинымъ въ 8 или 9 дней, которые прошли послѣ отъѣзда его изъ Саратова, объ этомъ мы узнаемъ изъ его Записокъ. Переѣхавъ для безопасности на луговую сторону Волги, онъ былъ задержанъ цѣлую ночь въ Покровской слободѣ (лежащей противъ Саратова), потому что тутъ не было лошадей, и писалъ приведенный выше рапортъ Потемкину о своемъ выѣздѣ изъ Саратова. Вотъ почему онъ не успѣлъ, какъ намѣревался прежде, присоединиться къ собраннымъ имъ Малыковскимъ крестьянамъ и, услышавъ вѣкорѣ, что Саратовъ взятъ Пугачевымъ, распустилъ этихъ крестьянъ изъ опасенія, чтобъ они не присоединились къ самозванцу. Послѣ этого онъ провелъ около двухъ дней въ ближайшихъ къ Саратову колоніяхъ, надѣясь черезъ обывателей узнать, куда направится Пугачевъ, на Яикъ или внизъ по Волгѣ: именно онъ жилъ въ Шафгаузенѣ у комиссара этой колоніи, капитана Вильгельма. Здѣсь-то онъ опять едва не попалъ въ руки бунтовщиковъ. Какой-то Пугачевскій полковникъ, переправясь черезъ Волгу, прибылъ въ колонію, возмутительною прокламаціей успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ колонистовъ и, обѣщая за Державина 10,000 руб., отправилъ нарочныхъ искать его. Въ толпѣ этого полковника находился и бывший служитель Державина, нанятый имъ въ Казани гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ, который подъ Петровскомъ былъ захваченъ бунтовщиками въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами. Теперь этотъ гусаръ взялся доставить Державина Пугачеву за условленную сумму. 8-го числа около полудня Державинъ услышалъ о пріѣздѣ воровскаго полковника въ колонію, но не зналъ куда бѣжать. Къ счастью, его спасъ егерь капитана Вильгельма, Иванъ. Посланный, чтобы развѣдать объ угрожающей опасности, онъ вдругъ прискакалъ назадъ съ извѣстіемъ, что пайка, ищущая Державина, завтракаетъ въ ближайшей колоніи, въ 5 верстахъ отъ него ¹⁾. Державинъ взялъ лошадь, примчавшую егеря, и поскакалъ въ Сызрань, куда было 90 верстъ, къ Мансурову. Дорога шла мимо караула въ 200 человекъ крестъ-

1) По рапорту къ гр. П. П. Панину (№ 111) Державинъ въ то время находился въ колоніи Панинской.

лпъ, прежде выставленнаго Державинымъ на Иргизъ. Перемѣняя здѣсь лошадь, онъ замѣтилъ въ этихъ крестьянахъ духъ буйства: зная уже объ участи Саратова, они, какъ онъ догадывался, хотѣли схватить и отвести его къ бунтовщикамъ. Поэтому Державинъ не спускалъ съ нихъ глазъ, держа руку на пистолетѣ; во время переезда черезъ Волгу онъ прислонился къ борту парома, поворота къ нимъ лицо, и не перемѣнялъ этого положенія: «а какъ всякой изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся». Только что пристали къ берегу, онъ проворно соскочилъ съ парома и благополучно достигъ Сызрани 15-го августа.

Между тѣмъ, какъ Державинъ былъ въ Саратовѣ и, вынужденный обстоятельствами, спѣшилъ въ мѣстопробываніе одного изъ военачальниковъ, — лица, переносившагося съ нимъ, продолжали посылать ему свои ордера въ Мальковку.

4-го августа, т. е. въ день похода Державина подъ Петровскъ, князь Голицынъ изъ Казани увѣдомлялъ его между прочимъ (№ LXXXII) о своемъ назначеніи на мѣсто Щербатова, отозваннаго въ Петербургъ «къ высочайшему двору», какъ сказано въ этомъ письмѣ. (Извѣстно, что Императрица находила слишкомъ большую медлительность въ дѣйствіяхъ Щербатова). Черезъ день, 6-го числа, Голицынъ опять писалъ Державину (№ LXXXII): «Изъ послѣдняго рапорту, присланнаго отъ вашего благородія къ г. генералъ-маіору Потемкину — такъ начинался ордеръ — я усматриваю всѣ достойныя учрежденія, которые берутся въ Саратовѣ къ оборонѣ храброй сего города. Я почитаю, что производство онаго больше поводами и хорошими вашими совѣтами предуспѣвается: старайтесь сколь можно подкрѣплять души слабыя и заслужите честь и славу предъ всемиловѣйшей нашей Государыней и отечествомъ». Описывая потомъ движенія войска и прося «обо всемъ почаще увѣдомлять» его, Голицынъ кончаетъ извѣстіемъ о мирѣ съ Турціею: «Ея Императорское Величество всемиловѣйшимъ своимъ письмомъ изволила меня увѣдомить, что съ Портою Оттоманскою наиполезнѣйшій и славный миръ заключенъ. Сіе извѣстіе доставлено въ Петербургъ отъ его сіятельства графа Петра Александровича сына» (Румянцова), «который всемиловѣйше пожалованъ генералъ-маіоромъ. Притомъ Ея Императорское Ве-

личество высочайше изволила назначить, чтобъ вся кавалерія 2-й арміи обратилась на покореніе здѣшнихъ бунтовщиковъ».

Отъ тѣхъ же самыхъ чиселъ Державину писалъ и Потемкинъ, изъ Казани же. Оба эти письма помѣщаются здѣсь цѣликомъ: (№ CIV) «Рапортъ вашъ отъ 31-го числа (юля) я получилъ. Все, что вами объяснено въ немъ, наводитъ совершенную жалость въ разсужденіи положенія дѣлъ, каковыя происходятъ въ Россіи, тогда какъ сіе государство, правимое премудрою Монархиней, славясь побѣдами, приобрѣло славный и торжественный съ Турками миръ. Нѣтъ и не можетъ быть, кто чувствуетъ важность дѣлъ, который бы безъ ужаса могъ видѣть всѣ звѣрскія дѣла изверга Емельки Пугачева, но должно не унывать только, а исполнять прямое дѣло; все, что вы учреждали для нападенія на злодѣя, достохвально. Что принадлежитъ до огражденія Саратова, я князю Петру Михайловичу Голицыну сообщилъ, какъ командующему всѣми войсками Ея Императорскаго Величества въ здѣшнемъ краю, и онъ уже послалъ строгій ордеръ къ Саратовскому коменданту, дабы они учредились къ тому условію, каковое прежде положили. За злодѣемъ вслѣдъ идетъ графъ Меллинъ съ деташаментомъ и подполковникъ Муфель; думаю, что уже имѣлъ съ нимъ дѣло; князь Петръ Михайловичъ и самъ скоро выступить. Отъ Москвы жъ съ пятью полками генераль-маіоръ Чорба идетъ и ежели догонять злодѣя, то кажется онъ довольно будетъ наказанъ за злодѣйства свои; между тѣмъ давайте знать кому надлежитъ: что всякой, кто его доставитъ въ руки живаго, получить награжденія двадцать пять тысячъ и болѣе. Впрочемъ возлагаю на васъ полную надежду, что вы ничего не упустите, что только можетъ служить къ пользѣ отечества и доказательству ревности въ службѣ Ея Императорскаго Величества. Впрочемъ я съ почтеніемъ пребываю» и пр.

(CVIII) «Рапортъ вашъ отъ 2-го августа²⁾ и приложенныя при

---

2) Черновой отпускъ этого рапорта сохранился (№ 78), но, къ сожалѣнію, онъ писанъ такъ поспѣшно, что въ немъ можно разобрать только отдѣльныя слова и фразы:

«Вчершняго числа получилъ я лестный для меня ордеръ. Такія обо мнѣ вашего превосходительства мысли заставляютъ меня болѣе себя чувствовать, слѣдовательно болѣе имѣть усердія къ службѣ нашей всемилоостивѣйшей Импе-

немъ подлински я получилъ. Учрежденія ваши достойныя похвалы не оставляю я представить со всеподданнѣйшей моей резолюціей ко двору Ея Величества. Что касается до учреждений тѣхъ, чтобы опредѣлить къ вамъ одного командира, то думаю на сіе рѣшительно послано повелѣніе отъ генераль-маіора князя Голицына; о движеніяхъ подполковника Муфеля, уповаю, вы извѣстны; а какъ я надѣюсь, что помянутый подполковникъ соединился около 30-го числа сего теченія съ детаментомъ маіора графа Мелнича, то уповаю, что оба соединенные детаменты облегчатъ вамъ подвигъ; сверхъ того князь Петръ Михайловичъ прибудетъ къ Симбирску 10-го числа; полковникъ Михельсонъ находится въ Арзамасѣ, а изъ Москвы слѣдуютъ съ генераль-маіоромъ Чорбою полкъ пѣхоты, два полка конныхъ и 700 Донскихъ казаковъ, да на Пензинскую дорогу выдутъ два полка пѣхоты; два гусарскихъ, 200 человекъ Бошняковъ и полкъ Донскихъ казаковъ, а отъ второй арміи вся кавалерія поворочена къ Дону; ибо славный миръ съ Оттоманскою Портою заключенъ и для удостовѣренія препровождаю къ вамъ копию съ реляціи генераль-фельмаршала къ Ея Императорскому Величеству: возвѣстите о семъ народу. Впрочемъ я съ особливымъ почтеніемъ пребываю и пр.³⁾

Наконецъ 8-го августа, т. е. уже наканунѣ выступленія Пугачева изъ разореннаго Саратова, Мансуровъ, только что перепра-

---

ратрицы и болѣе прилежать благоволенія вашего быть достойнымъ. Долгъ мой есть, чтобы попался въ разставленныя мною сѣти злодѣи, но та бѣда, что его должно теперь въ странѣ сей удерживать не сѣтми, но узами.... когда команды развѣютъ его скопища и заставятъ его одного укрываться. то у меня люди готовы развѣдывать его. Теперь же слухъ его толпы.... и всѣхъ приводитъ въ робость. Однакожъ приложенныя при семъ подписки представляютъ вашему превосходительству, что употребленъ мною человекъ. чтобы и посреди скопища его искоренить варвара. Думаю я, что ежели онъ и дойдетъ до Волги. то найдетъ суда всѣ отъ Сызрани до Саратова по нагорную сторону затопленныя, которыя я велѣлъ затопить.....
Сколько мнѣ труда стоило хлопотать съ комендантомъ и уже теперь привелъ въ порядокъ.....
Его превосходительство Петра Никитича Кречетникова должно благодарить, что онъ велѣлъ сводить легкія полевныя команды къ Царицыну.....
Филарета здѣсь не видно и врядъ ли онъ теперь здѣсь покажется.

3) Въ концѣ этого письма, въ подлинникѣ, французская приписка: «Au lieu de dix mille roubles que vous avez promis à qui attrapera le scélérat, promettez vingt mille et j'en répons». Потемкинъ забылъ, что въ предъидущемъ письмѣ онъ уже уполномочивалъ Державина обѣщать за поимку Пугачева 25 т. и болѣе.

вившійся через Волгу на пути въ Сызрань, слишкомъ поздно писалъ къ Державину (№ LXXXV): «Я вчерась, перешедъ 65 верстъ марша, прибылъ къ переправѣ Волги-рѣки ночью; къ великому моему оскорбленію, погода противная удержала меня до двухъ часовъ по полудни, а съ того времени началъ переправляться чрезъ рѣку, но и тутъ препятствіе: худой перевозъ и малыя суда дѣлають мнѣ замедленіе, однако завтра рано съ частію передовыхъ войскъ пойду въ Сызрань, о чемъ васъ и увѣдомляю. Сію же минуту присланъ ко мнѣ изъ Сызрани посланный вашъ фузелеръ съ пакетами, что будто бы бывшіе въ командѣ вашей Донскіе казаки или отхвачены злодѣемъ, или предались — обстоятельно мнѣ сказать не могъ, и что будто бы онъ самъ злодѣй 2 числа былъ въ Петровскомъ, напротивъ чего приводитъ меня въ недоумѣніе полученной мною сего числа отъ подполковника Муфеля рапортъ, что онъ, Муфель, 5 числа съ деташаментомъ своимъ прибылъ въ Пензу и точно увѣдомленъ отъ гражданъ, что Пугачевъ съ 2-го числа находился въ Пензѣ, а 3-го изъ Пензы бѣжалъ къ сторонѣ Саратова; за нимъ слѣдуютъ въ разстояніи не болѣе 24 часовъ майоръ графъ Меллинъ, потомъ Муфель и подполковникъ Михельсонъ съ надежными деташаментами; дайте о семъ увѣдомленіе Саратову! я же по переправѣ отправлю тотчасъ партію къ сторонѣ Мальковки, а васъ прошу не оставить меня вашими о семъ злодѣйствѣ увѣдомленіями, и сего посланнаго вашего съ нимъ къ вамъ обратно отправилъ, приказавъ ему какъ возможно ускорить своимъ къ вамъ пріѣздомъ».

По отправленіи этого письма, Мансуровъ продолжалъ свой маршъ въ Сызрань, куда и прибылъ за день до Державина. Послѣдній передалъ ему все, что зналъ о Саратовѣ и направленіи пути Пугачева; но такъ какъ при Мансуровѣ былъ только слабый отрядъ, состоявшій большею частію изъ ненадежныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сами участвовали въ бунтѣ, то этотъ генералъ не рѣшился идти на освобожденіе Саратова, а сталъ дожидаться прібытія князя Голицына. Съ этою цѣлью и Державинъ остался въ Сызрани.

При разсказѣ о дѣйствіяхъ его подъ Саратовомъ, мы, слѣдуя идти главныхъ происшествій, не упомянули еще о нѣкото-

рых распоряженіяхъ его, а потому и возвратимся къ нимъ теперь. Во время приближенія Пугачева къ Саратову, Державинъ отправилъ въ толпу его двороваго челоуѣка Карамышевой, смѣлаго и проворнаго Былинкина, который вызвался убить самозванца. Не успѣвъ въ этомъ до разоренія Саратова, онъ присоединился къ какой-то отдѣльной шайкѣ и услышавъ, будто все бывшіе въ Саратовѣ офицеры, а въ томъ числѣ и Державинъ, погибли, боялся, что если попадетъ въ руки нашихъ, то безъ Державина не будетъ въ состояніи оправдаться, а потому и задумалъ разсѣять ту шайку. Это ему въ самомъ дѣлѣ удалось: перевязавъ ея начальниковъ, онъ представилъ ихъ нашимъ войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исторгъ «изъ когтей смерти четверыхъ дворянъ и четверыхъ разнаго званія служивыхъ людей», приговоренныхъ разбойниками къ смерти. ⁴⁾

Тогда же, т. е. когда въ Саратовѣ ожидали Пугачева, Державинъ отправилъ своего повѣреннаго, Серебрякова, къ Мансурову съ просьбою идти поспѣшнѣе на помощь этому городу, но въ дорогѣ, на Иргизской степи, Серебряковъ попалъ въ руки другой шатавшейся шайки и былъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Это, по замѣчанію Державина, было очень кстати какъ для самого Серебрякова, такъ и для замѣшаннаго съ нимъ въ одно уголовное дѣло офицера Максимова и для многихъ сенатскихъ чиновниковъ.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть еще объ одной предосторожности Державина, которая, бывъ взята имъ въ самую опасную для него минуту, показываетъ все его присутствіе духа и неуспяную распорядительность. Когда онъ, находясь въ колоніи Шафгаузенъ, получилъ отъ егеря извѣстіе, что его ищутъ сообщники Пугачева, то онъ послалъ въ Малыковку, тамошнимъ должностнымъ лицамъ, приказаніе стараться спасти дворцовую экономическую казну и его секретныя бумаги, удалясь съ ними на какой-нибудь близлежащій островокъ на Волгѣ, гдѣ и окопать-

4) Такъ разсказанъ въ первоначальномъ журналѣ Державина случай, о которомъ упомянуто на 87 страницѣ печатнаго текста Записокъ, гдѣ, по неразборчивости рукописи, вкралась слѣдующія двѣ невѣриности: «Кариной» вмѣсто *Карамышевой* и «Былинка» вмѣсто *Былинкинъ*. Сверхъ того въ самой рукописи ИИБ. ошибочно написано «въ семь мѣстѣ» вмѣсто *въ семь мѣсяцѣ*, какъ видно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Въ семь же мѣсяцѣ».

ся, а въ случаѣ нападенія мятежниковъ, обороняться до прихода нашихъ войскъ. Избѣгла ли Малыковка предполагаемаго здѣсь посѣщенія, увидимъ далѣе.

IV. Распоряженія Державина для защиты заволжскихъ колоній отъ Киргизъ-Кайсаковъ.

Мы уже не разъ упоминали о заволжскихъ колоніяхъ, въ которыхъ Державинъ отчасти имѣлъ свое пребываніе во время бунта. Такъ какъ вскорѣ онъ сдѣлаются главной сценой его дѣятельности, то здѣсь кстати будетъ заранѣе познакомиться съ этой мѣстностью, которая пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе интереса, что имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи поэтической дѣятельности Державина: здѣсь, въ минуты досуга, писалъ онъ пьесы, изданныя имъ вскорѣ послѣ Пугачевщины подъ заглавіемъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». До сихъ поръ эта гора оставалась чѣмъ-то загадочнымъ; было даже высказано предположеніе, не придумалъ ли Державинъ это названіе просто для куріозу, ради заманчивости заглавія⁵⁾. Вслѣдствіе переписки съ мѣстными властями того края, мы имѣемъ возможность представить самыя точныя по этому предмету свѣдѣнія.

Приволжскія нѣмецкія колоніи возникли въ началѣ царствованія Екатерины II, лѣтъ за 10 до Пугачевщины, и расположены на луговой, т. е. лѣвой сторонѣ Волги⁶⁾. Хотя онѣ нынѣ находятся въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, однако главное управленіе ихъ и до сихъ поръ остается въ Саратовѣ, почему онѣ ивогда все еще называются Саратовскими колоніями. Начинаясь верстахъ въ 50 отъ этого города, на противоположномъ берегу, колонію Екатеринштадтъ, онѣ тянутся на такое же пространство вверхъ по Волгѣ почти до впаденія въ нее р. Иргиза; въ 6-ти верстахъ отъ Иргиза (въ 4-хъ отъ берега Волги) лежитъ колонія *Шафгаузенъ*, которую Державинъ потому называетъ совершенно вѣрно крайнею. (Зап., стр. 69).

5) Зап. Державина, стр. 103 въ примѣчаніи.

6) См. въ Памятной книжкѣ Саратовской губерніи статью г. Костомарова: «Очеркъ исторіи Саратовскаго края».

Въ 6-ти верстахъ за Шафгаузеномъ (слѣд. версть 9 — 10 отъ Волги) тянется въ степи, параллельно съ рѣкой, холмистая возвышенность, занимающая въ длину версть 10, въ ширину версты 3. Одинъ конецъ этой гряды приходится противъ Шафгаузена, а другой — противъ 6-й колоніи, Солотурнъ. На восточномъ концѣ, за Шафгаузеномъ, возвышенность постепенно растеть и предъ склономъ на сѣверовостокъ образуетъ овальную верхушку, которой разстояніе отъ подошвы составляетъ футовъ 300. Это и есть *Читалагай* (по нынѣшнему мѣстному произношенію Русскихъ—Чертолагай, у Нѣмцевъ—Шитлагай) (?). Въ гористой сторонѣ онъ считался бы землянымъ холмомъ, не болѣе, но здѣсь слыветъ горою, потому что среди плоской степи кажется порядочною возвышенностію, и съ вершины еге открывается во всѣ стороны обширный видъ, особенно на югъ является необозримая степь. Такъ же точно и съ другаго конца, противъ колоніи Солотурнъ, этотъ кряжъ образуетъ одинаковой высоты и формы вершину, называемую «Калмыцкой горой». Промежутокъ между обѣими горами составляетъ плоскогоріе (plateau); вся гора безлѣсна. Отъ подошвы Читалагая идутъ болота и пруды, поросшіе высокими тростникомъ; изъ нихъ вытекаетъ рѣчка Вертуба, впадающая въ Волгу.

Нынѣшнее населеніе колоніи Шафгаузенъ составляетъ болѣе 1,500 душъ обоого пола или около 175 дворовъ. Первые поселенцы были по большей части родомъ изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ владѣній. Впрочемъ здѣсь нѣтъ ни одной колоніи, въ которой бы поселились безъ примѣси жители той или другой страны Германіи. Всего болѣе было высельниковъ изъ Гессена и изъ Швабіи; менѣе изъ Саксоніи, Пруссіи, Мекленбурга, Помераніи и др. земель. Впослѣдствіи многіе переходили изъ одной колоніи въ другую. Изъ этой-то смѣси различныхъ Нѣмецкихъ

---

7) Для объясненія имени Читалагай я обращался къ П. П. Семенову, бывавшему въ Киргизской степи, и къ г. академику Дорну. По мнѣнію г. Семенова, это имя должно состоять изъ двухъ Татарскихъ словъ: чи есть названіе степной травы, въ родѣ камыша, изъ которой на востокъ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а *талагай* значитъ—голова, верхушка. Г. Дорнъ не отыскалъ въ Татарскомъ языкѣ этихъ словъ. Однакожъ мѣстные жители, пасторъ Пувдани и г. Шмальцель, находятъ приведенное объясненіе очень правдоподобнымъ, потому что въ окрестностяхъ горы, именно около Бичасова озера, растеть камышъ разнаго рода.

народовъ, поселившихся на Волгѣ, произошло нынѣшнее поколѣніе, въ которомъ діалектическія различія почти сгладились, такъ что теперь господствующій въ колоніяхъ языкъ есть литературный — верхненѣмецкій (hochdeutsch), однакожъ почти въ каждой колоніи съ особеннымъ оттѣнкомъ произношенія. Жители сохранили, почти во всей чистотѣ, свои національные нравы и обычаи, свой образъ жизни, свою одежду и архитектуру. Преданія о Пугачевщинѣ еще до сихъ поръ не изгладились между колонистами. «Когда я — пишетъ намъ г. Пундани, пасторъ колоніи Баратаевки — опредѣлился сюда 38 лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые старожилы Шафгаузена рассказывали мнѣ про Пугачевщину и говорили, что тамъ стояли двѣ пушки, которыя потомъ отправлены были на Иргизъ». Отъ первыхъ же поселенцевъ идетъ преданіе, что при холмѣ, въ чертѣ Баратаевки, когда-то стояло войско, и теперь еще тамъ видны остатки укрѣпленій.

Мы оставили Державина вмѣстѣ съ Мансуровымъ въ Сызрани. Было упомянуто, что во время пребыванія Державина въ колоніяхъ, послѣ разоренія Саратова, большая часть иностранныхъ поселенцевъ была вовлечена въ возмущеніе. Вслѣдствіе этого Державинъ, находясь при Мансуровѣ, отнесся къ нему между прочимъ съ такимъ рапортомъ (№ 63): «Во время злодѣйскаго вступленія въ г. Саратовъ посылаемые мною для развѣдыванія иностранцы письменно извѣстили, что бунтовщики въ колоніяхъ были и возмутили колонистовъ. Каковы же ихъ поданныя объявленія, при семъ точные переводы вашему превосходительству поднести смѣю, а оригиналы долженъ я отослать въ секретную комиссію. При семъ также подношу сочиненное отъ имени вашего превосходительства объявленіе и переведенное мною для восстановленія повиновенія въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ иностранныхъ. Когда, по разсмотрѣнію вашего превосходительства, оное объявленіе найдено будетъ таковымъ, каковымъ оно должно быть, то не изволите ли приказать распубликовать оное въ колоніяхъ, а чтобъ оно имѣло прямое свое дѣйствіе, то беретъ на себя всемилостивѣйшей Государынѣ оказать службу живущій въ колоніяхъ г. капитанъ и кавалеръ Вильгельмъ; только проситъ онъ, чтобъ дано ему бы-

ло отъ васъ или отъ находящихся въ колоніяхъ, 80 человекъ казаковъ, для безопасности отъ взбунтовавшихся калмыковъ». А вотъ и приложенный къ этому рапорту манифестъ отъ 13-го августа, въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ Нѣмецкаго подлинника (см. № 107). «Манифестъ отъ командующаго арміею Ея Императорскаго Величества при Волгѣ, генерала П. Д. Мансурова, всѣмъ въ колоніяхъ вокругъ Саратова поселеннымъ иностранцамъ и обывателямъ: Такъ какъ нѣкоторые изъ васъ *въ нынѣшнія мятежныя времена* ⁸⁾ дерзнули забыть не только щедроты нашей всемилостивѣйшей Государыни, но и присягу свою, и въ безразсудныхъ мечтаніяхъ покидаютъ даже свои жилища, повергая себя въ величайшее бѣдствіе: то, какъ оставшіеся доселѣ вѣрными подданными, такъ и забывшіе долгъ свой симъ призываются воздержаться отъ преступныхъ мыслей, за неусыпныя о васъ попеченія не платить неблагодарностью и оставаться спокойно на мѣстахъ вашего поселенія, потому что въ Саратовъ и въ вашу сторону послѣшно придетъ сильное войско подъ моимъ начальствомъ для защиты вашей, для истребленія и преслѣдованія явившихся между вами злодѣевъ, и въ такомъ случаѣ обѣщается вамъ продолженіе помощи и щедротъ всемилостивѣйшей Государыни нашей. Тѣ же, которые окажутся измѣнчившими присягѣ своей, будутъ сочтены государственными преступниками и должны ожидать *строжайшей по законамъ казни*. Что вы останетесь вѣрными нашей всемилостивѣйшей Государыни: и долгу своему, надѣюсь тѣмъ болѣе, что вамъ, какъ иноземцамъ и разсудительнымъ Европейцамъ, должно быть слишкомъ хорошо извѣстно, что выдающій себя за императора, *главный бунтовщикъ Емелька Пугачевъ не что иное есть какъ свирѣпый варваръ, тиранъ и извергъ*, истребленія котораго весь родъ человѣческой желать долженъ. Для того чрезъ сіе высочайшимъ именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни Императрицы обѣщано я тому, который сего мятежника Пугачева доставитъ ко мнѣ живымъ въ руки, дать 25 тысячъ рублей; который же

---

8) Подчеркнутыя мѣста суть выраженія самого Державина изъ черноваго перевода, оставшагося при его бумагахъ, но которымъ мы не могли вполне воспользоваться, потому что большей части его нельзя разобрать (№ 48). Нѣмецкій подлинникъ написанъ рукою капитана Вильгельма.

истребить его и представить ко мнѣ мертвого, тотъ получитъ половину сей суммы».

Между-тѣмъ Мансуровъ и Державинъ дожидались князя Голицына, по условію, близъ Сызрани въ селѣ Колодиѣ, которое лежало на пути его въ Пензу. По свиданіи съ нимъ Мансуровъ отправился на лѣво по берегу рѣки Волги, а Державинъ пробылъ нѣсколько дней при князѣ для подробнѣйшихъ съ нимъ объясненій и въ ожиданіи отъ Потемкина, изъ Казаши, разрѣшенія: что предпринять и куда обратиться послѣ того какъ Пугачевъ уже прошелъ чрезъ мѣста, порученныя наблюденію Державина и гдѣ, слѣдовательно, его присутствіе дѣлалось за-тѣмъ ненужнымъ.

Въ это время до князя Голицына дошелъ слухъ, что селенія на Иргизѣ и еще болѣе приволжскія колоніи опустошаются Киргизъ-Кайсаками. Такъ какъ отрядъ Голицына былъ очень не великъ, а притомъ раздробленъ для возстановленія спокойствія въ Пензинской и Симбирской провинціи, то не съ чѣмъ было идти на помощь разоряемымъ селеніямъ. Тогда-то Державинъ, не получая отвѣта отъ Потемкина, вынужденъ былъ идти на Киргизъ-Кайсаковъ съ крестьянами, лишь бы ему дано было небольшое подкрѣпленіе военными людьми. Голицынъ, соглашаясь на то, далъ Державину слѣдующій ордеръ отъ 20 августа, изъ деревни Телятниковой (№ LXXXVII): «Ваше благородіе предъявили мнѣ свою готовность и желаніе набрать изъ Малыковки, какъ и съ прочихъ селеніевъ, до 600 и болѣе вооруженныхъ обывателей, для употребленія противъ варварскихъ набѣговъ Киргизъ-Кайсаковъ, которые нынѣ столь дерзостны, что коснулись къ среднимъ селеніямъ, лежащимъ на рѣкѣ Иргизѣ; то я съ охотою моею принимаю сей новыи опытъ вашего усердія къ услугамъ Ея Императорскаго Величества и отечества, препоруча вамъ въ точное и въ одно зависящее распоряженіе. При томъ подаю вамъ нижеслѣдующіе способы:

«Какъ для набора обывателей и приведенія въ нѣкоторое устройство оныхъ неминуемо надобна воинская команда, на то отрядилъ часть казаковъ изъ деташамента г. генералъ-маіора и кавалера Мансурова. Но какъ оныя еще не прибыли, то приказалъ командировать въ команду вашу 25 гусаровъ съ унтеръ-

офицеромъ полка Бахмутскаго, и когда оныя казаки прибудутъ, то непременно въ скорости къ вамъ прислать, а для снабженія порохомъ приказалъ потому же отпустить артиллеріи поручику Решилицу три пуда, и полтора пуда свинцу и одну трехъ фунтовую пушку, съ полнымъ числомъ снарядовъ.

«А какъ поселенные иностранцы въ колоніяхъ должны брать съ прочими равное участіе оборонять и свои жительства, то ихъ начальникъ г. капитанъ Вильгельмъ находитъ средство набрать до 300, почему и далъ мое повелѣніе, чтобы немедленно къ тому приступилъ и зависѣлъ бы отъ наставленія вашего.

«Въ заключеніе прошу вашего благородія, чтобы какъ можно скорѣе могли окончить оный наборъ и готовы были слѣдовать туда, гдѣ больше набѣги отъ воровъ Киргизъ-Кайсаковъ чинятся, имѣя главный предметъ, дабы обезпечить тѣмъ колонию, какъ и жительство на Иргизѣ, утвердя потомъ въ краяхъ селеніевъ посты и составя чрезъ патрули безперерывную коммуникацію, а между тѣмъ примѣчать можете и на главное стремленіе злодѣя Пугачева. Если онъ отъ преслѣдуемыхъ за нимъ нашихъ войскъ опрокинется на луговую сторону, то чтобъ заблаговременно могли свѣдать и меня о томъ увѣдомить.

«Бывшій въ военной службѣ поручикъ Гогель, что нынѣ находится въ колоніи, также желаетъ быть употребленнымъ въ сію экспедицію; то ваше благородіе извольте его опредѣлить къ тремъ стамъ колонистамъ. Если вамъ какія будутъ препятствія въ уснѣхахъ въ препорученномъ дѣлѣ, то не оставьте меня увѣдомить, а я не премину подавать вамъ всевозможныя вспомошествованія.

«Впрочемъ за должность почитаю представить къ высшей командѣ, что вы взяли въ нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ за столь благородное дѣло для общества, и полагаю твердую надежду на васъ, на постоянную вашу ревность и достоинство, что вы предпріятія свои съ пользою произведете».

Въ слѣдъ за тѣмъ Голицынъ прислалъ къ Державину 8 колодниковъ и одну женщину, виновныхъ въ остановкѣ ѣхавшаго курьера и доставленіи его къ Пугачеву; Державину предписывалось взять ихъ съ собою и главнаго изъ нихъ повѣсить

на мѣстѣ преступленія, а «спрочимъ учинить жестокое тѣлесное наказаніе». (№ LXXXVIII).

Въ тотъ же день, 21 августа, Державинъ съ своимъ новымъ гусарскимъ отрядомъ выступилъ къ Малыковкѣ, чтобы тамъ набрать крестьянъ; но едва онъ прошелъ верстѣ 40, какъ получилъ отъ князя Голицына слѣдующій ордеръ (№ XC): «Сей моментъ явились здѣсь одинъ офицеръ отставной Хардинъ, а другой унтеръ-офицеръ, посланный изъ Симбирска курьеромъ въ Пензу, которые были пойманы въ злодѣйскую шайку атамана разбойника Воронова, а послѣ 17 іюля бѣжали изъ села Алексѣевского, что на большой Саратовской дорогѣ, въ которомъ оставили разбойниковъ сильныхъ числомъ въ 700 человекъ. Я къ поимкѣ и преслѣдованію сихъ пенстовыхъ людей завтрашняго числа отсель выступлю по большой Саратовской дорогѣ и стараться буду форсированный маршъ сдѣлать, отряда потомъ сколько имѣю конницы съ подкрѣпленіемъ пѣхоты для пораженія и совершеннаго истребленія сихъ изверговъ; я васъ увѣдомляю о семъ, чтобы взяли свои мѣры иногда если клоненіе злодѣевъ будетъ къ Малыковкѣ, что и можетъ статься, чтобъ не могли попасться въ ихъ варварскія руки, а всего вѣрнѣе предпочитаю, что до разбитія оной партіи, не лучше ли когда бѣ возвратились обратно къ корпусу.

«Пошлите притомъ провѣдать бережною стороною, приказавъ онымъ посланнымъ, когда оная шайка покажется къ тѣмъ мѣстамъ, то бы немедленно меня увѣдомили».

Далѣе собственной рукой Голицына приписано:

«Посылаю при семъ самага того унтеръ-офицера, который былъ у злодѣевъ, для лучшаго вамъ познанія, на которыя они мѣста шли. О г. генералъ-маіорѣ Мансуровѣ не знаю, гдѣ теперече находится и какъ онъ могъ пропустить эту шайку».

Присланный съ этимъ письмомъ унтеръ-офицеръ сообщилъ Державину, что хотя шайка Воронова, называющаго себя Пугачевскимъ генераломъ, и многочисленна, но она для Державина не опасна, потому что спѣшить на соединеніе съ Пугачевымъ, бѣгущимъ отъ Михельсона къ Царицыну. Поэтому Державинъ рѣшился идти далѣе и отвѣчалъ князю (№ 102): «Получа ордеръ вашего сіятельства о шатающейся шайкѣ въ

селѣ Степной Алексѣевкѣ и что оная шайка въ семь селѣ была уже 19 числа, не знаю я куда она прямо обратила свое стремленіе; однако, какъ унтеръ-офицеръ сказывалъ, что прорывается она въ Саратовъ, то, положась на волю Божью, рѣшился идти въ Сосново и тамъ съ собранными у управителя двумя стами мужиками вооруженными буду ожидать извѣстія отъ вашего сіятельства о разбитіи толпы помянутой, также и пославъ въ Мальковку, узнаю обстоятельства какъ жительства сего, такъ и всей кругъ оной околичности».

На другой же день Державинъ получилъ отъ Голицына уведомленіе, что Мансуровъ разбилъ шайку Воронова, схвативъ самого ея предводителя и 435 сообщниковъ его, почему князь и предписывалъ Державину — «слѣдовать въ назначенное мѣсто съ крайнею посѣшностью». (№ ХСІ.) Между тѣмъ Державинъ еще наканунѣ исполнилъ тяжелую обязанность: остановясь въ селѣ Поселкахъ, гдѣ схваченъ былъ упомянутой курьеръ, онъ, по приказанію Голицына, повѣсилъ тамъ крестьянина Михаила Гольцова. Такую же казнь долженъ онъ былъ совершить въ Сосновской волости: открывъ убійцъ Серебрякова — большею частью бѣглыхъ солдатъ, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ, онъ одного изъ нихъ повѣсилъ, а прочихъ для дальнѣйшаго слѣдствія отправилъ къ экономическому казначею Сосновской волости, артиллеріи капитану Палтову. Въ рапортѣ къ нему (№ 41) насчетъ главнаго изъ преступниковъ сказано: «Для устрашенія, изъ нихъ одинъ, на злодѣйскомъ сраженіи въ поимкѣ ихъ раненый, бѣглый солдатъ Иванъ Григорьевъ, по данному мнѣ повелѣнію и по опредѣленію моему, за его злодѣйство, въ сходство государственныхъ правъ, повѣшенъ».

Въ послѣднихъ числахъ августа (вѣроятно 25) Державинъ прибылъ въ знакомую ему Мальковку, куда онъ, какъ мы видѣли, при вынужденномъ своемъ удаленіи изъ колоній, послалъ приказаніе о вывозѣ казны и секретныхъ бумагъ; предосторожность эта была очень нужна, потому что вскорѣ варварская шайка дѣйствительно посѣтила Мальковку и Державинъ засталъ это село еще въ сильномъ волненіи отъ совершившихся тамъ ужасовъ. По его наставленію, экономическій казначей Тининъ, дворцовый управитель Шишковскій и Саратовскій артиллерійскій

унтеръ-офицеръ съ 20 солдатами скрылись съ казною и дѣлами на небольшомъ островѣ по близости отъ Малыковки, «взявъ съ собою женъ и именитыхъ надежныхъ поселягъ». Малолѣтнихъ дѣтей своихъ жена казначея не рѣшилась увезти также на островъ, боясь, что они плачемъ и крикомъ выдадутъ спрятавшихся, и потому, надѣвъ на нихъ «крестьянскія замаращныя рубашенки, она оставила ихъ съ кормилицами и нянькой у надежныхъ мужиковъ». Безпокойство материнскаго сердца было причиною гибели всего семейства.

На другой день рано два злодѣя, прѣхавъ въ Малыковку, «объявили, что они изъ арміи батюшки; народъ вмгъ сбѣжался, принялъ ихъ съ радостію и они такъ напились, что легли близъ кружала въ растяжку. Обыватели поставили вокругъ ихъ караулъ, и ночь прошла въ глубокой тишинѣ и спокойствіи». На слѣдующее утро казначейша, соскучась по дѣтяхъ и думая, что въ селѣ нѣтъ никого изъ бунтовщиковъ, уговорила мужа съѣздить и посмотреть дѣтей. Съли въ лодку, заклались травою и съ помощію двухъ гребцовъ и кормщика благополучно приплыли къ берегу. Тутъ кормщикъ, измѣня, сказалъ о нихъ злодѣямъ, едва съ похмѣлья проснувшимся. Они тотчасъ схватили мужа и жену; мучили и, неистово наругавшись надъ нею, допросились о дѣтяхъ, которыхъ едва сыскали и принесли, то схвата за ноги разможили обѣ уголь головы младенцевъ; казначея и казначейшу раздѣвъ повѣсили на мачтахъ и потомъ разстрѣлявъ уѣхали». (Зап., стр. 90; ср. выше стр. 81).

Послѣ того бунтовщики болѣе не тревожили Малыковку. Шишковскій и унтеръ-офицеръ съ солдатами воротились изъ своей засады въ село. Когда же тамъ провѣдали о приближеніи Державина съ вооруженными людьми изъ отряда Голицына, то обыватели, боясь заслуженнаго наказанія за «предательство двумъ пьянымъ бездѣльникамъ», схватили участниковъ въ убійствѣ Тишиныхъ и посадили ихъ подъ караулъ. Державинъ тотчасъ допросилъ ихъ и по данной ему власти приговорилъ къ смерти⁹⁾. Описаніе этой казни возьмемъ слово въ слово изъ его

---

9) Конечно, эту самую казнь и разумѣегъ г. Костомаровъ въ статьѣ своей: «Поѣздка въ г. Волгскъ», когда онъ говоритъ: «Послѣ успокоенія края Сапожни-

Записокъ (стр. 91). Это одно изъ тѣхъ мѣстъ его автобіографіи, которыя показываютъ, что онъ не всегда только въ поэзіи слѣдовалъ внушеніямъ своей сильной фантазіи, склонной ко всему торжественному и таинственному. «Чтобъ больше устрашить колеблющуюся чернь и привести въ повиновеніе, приказалъ на другой дець въ назначенномъ часу всѣмъ обывателямъ, мужскому и женскому полу, выходить на лежащую близъ самаго села Соколову гору; священнослужителямъ отъ всѣхъ церквей, которыхъ было семь, облачиться въ ризы; на злодѣевъ, приговоренныхъ къ смерти, надѣть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелерою 20 человекъ при унтеръ-офицерѣ поставилъ задомъ къ крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарамъ приказалъ съ обнаженными саблями разѣзжать около селенія и не пускать никого изъ онаго, съ приказаніемъ, кто будетъ бѣжать, тѣхъ не щадя рубить. Учредя такимъ образомъ, повелъ съ зажженными свѣчами и съ колокольнымъ звономъ чрезъ все село преступниковъ на мѣсто казни. Сіе такъ сбѣжавшійся народъ всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что не смѣлъ никто рта разинуть. Симъ воспользуясь, сказацвыхъ главнѣйшихъ злодѣевъ, прочтя приговоръ, приказалъ повѣсить, а 200 человекъ, бывшихъ на Иргизскомъ караулѣ, которые его хотѣли поймать отвести къ Пугачеву, пересѣчь плетью. Сіе все совершали, и самую должность палачей, не иныя кто какъ тѣ же самые поселяне, которые были обвиняемы въ измѣнѣ. Державинъ же только расхаживалъ между ними и причитывалъ, чтобъ они впредь вѣрны были Государынѣ, которой присягали. Народъ весь, ставши на колѣни, кричалъ: «виноваты и ради служить вѣрою и правдою.»

Таковъ былъ примѣръ строгости, данный Державинымъ жителямъ села, въ которомъ онъ жилъ передъ Саратовскими происшествіями. За тѣмъ онъ велѣлъ набрать до 1,000 человекъ конныхъ вооруженныхъ ратниковъ и 100 телѣгъ съ провіантомъ. «Въ одни сутки, говоритъ онъ, все было исполнено: 700

ковъ, съ пятью другими преступниками, былъ повѣшенъ». Сар. Пам. кн. на 1859, стр. 96.

исправныхъ конниковъ явились передъ нимъ съ сказаннымъ обозомъ изъ ста телѣгъ, и онъ былъ готовъ къ выступленію».

Но прежде нежели послѣдуемъ за нимъ, мы должны остановиться на двухъ полученныхъ имъ здѣсь важныхъ бумагахъ. Одна, отъ Потемкина (20 августа), была слѣдующаго содержанія (СХХIII): «Репортъ вашъ отъ 16 сего мѣсяца я получилъ; съ чувствительнымъ удрученіемъ сердца читалъ я донесеніе ваше о производимомъ варварствѣ надъ несчастными людьми злодѣя и изверга Пугачева; видно, что могущество небесное терпитъ его злодѣйство и въ казнь другихъ попускаетъ оное. Трудно тамъ располагать оплотъ разумомъ, гдѣ тысячи причинъ стекаются къ попущенію сего злодѣя и къ усиленію его. Не одинъ Саратовскій комендантъ, по несчастію, увеличилъ силы сего злодѣя. Саратовскій и Пензенскій воеводы первые ополчили его артиллерію. Явно отъ низкой души и прямой трусости своей, комендантъ дѣлалъ все къ вреду отечества и къ ободренію врага; не укрѣпивъ городъ, довершилъ зло, которое могло только отъ сего произойти. Коль велико могущество Божіе, что миръ совершенъ, теперь изъ Москвы слѣдуютъ полки на поразеніе злодѣя. Но если онъ предупредитъ завладѣть Царицынымъ, то еще болѣе усилится, и тогда трудно будетъ его Михельсону и Муфелю разбить. Что касается до поворота его на Донъ, то уповаю, тамъ скоро встрѣтитъ его вся вторая армія; однако сіе не облегчаетъ горестъ, когда видимъ мы распространеніе зла отъ такого изверга въ самыхъ нѣдрахъ отечества нашего».

«Ваше высокоблагородіе, не находя болѣе возможности быть полезнымъ по порученной вамъ комисіи отъ покойнаго генераль-аншефа Бибикова, можете быть въ Казань, гдѣ, самолично изъясняясь со мною, будете имѣть новое дѣло. Но я желаю всемѣрно, чтобъ вы управительскихъ дѣлъ кописта Петра Алексѣева доставили въ Казацкую секретную комисію».

Другая бумага, полученная Державинимъ, содержала циркуляръ вновь назначеннаго главнокомандующимъ для усмиренія мятежа, графа П. И. Панина. Извѣстно, что когда, послѣ разоренія Казани, Императрица была крайне озабочена успѣхами Пугачева, Панинъ, бывшій почти со взятія Бендеръ въ немилю-

сти, изъ сельскаго своего уединенія просилъ поручить ему окончаніе дѣла. Екатерина изъявила согласіе, и 29 іюля былъ подписанъ указъ о назначеніи Панина. Вотъ циркуляръ его отъ 25 августа, заимствуемый нами съ копія, написанной рукою Державина (№ ХСІV): «1774 г. августа 25 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по данной мнѣ полной мочи, за собственнымъ подписаніемъ, на усмиреніе производимаго нынѣ въ государствѣ бунта измѣнникомъ съ его сообщниками и самозванцемъ Пугачевымъ, въ имени Императора Петра третьяго, который, извѣстно всему государству, 12 тому уже лѣтъ какъ скончался и предъ глазами всего Петербурга похороненъ въ Невскомъ монастырѣ, по усмотрѣнію на мѣстѣ удобнѣйшихъ средствъ не только къ пресѣченію сего бунта, но къ возвращенію въ прежнее вѣрноподданническое повиновеніе Ея Императорскому Величеству законно владѣющей скипетромъ всероссійскимъ Императрицѣ Великой Екатерины второй, всѣхъ возмущившихся онымъ бунтомъ Ея Величества подданныхъ, измѣнниковъ и сообщниковъ его, предполагаю я симъ по государственнымъ законамъ поступить по нижесписанному: 1) Во всѣхъ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ обыватели поднимали свои руки или и способствовали только поимкѣ и предательству въ руки измѣнниковъ, на смертное убійство своихъ воеводъ, всякихъ поставленныхъ отъ Ея Величества начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, изъ тѣхъ какъ самыхъ убійць, такъ и изъ предателей заводчиковъ, изготовя напередъ по христіанскому закону, казнить смертію отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣла класть на колоды у проѣзжихъ дорогъ. 2) Всѣхъ безъ изъятія послѣдователей за таковыми бунтовщиками съчь жестоко при висѣлицахъ плетью. 3) Ради таковой кары, при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которыя бунтовали или хотя и ослушными противу законнаго начальства оказались, поставить и впредь до указа не велѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю для вѣшанія за ребро. 4) Если заводчиковъ въ убивствахъ учрежденныхъ начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, никакими настоящими обличеніями изы-

скивать гдѣ нельзя, то въ таковыхъ селеніяхъ, гдѣ начальники, священники и всякаго званія вѣрноподанные умерщвлены или преданы ихъ же поселянами, принуждать къ выдачѣ заводчиковъ метаніемъ между ими жребія, для повѣшанія третьяго, а ежели симъ средствомъ они ихъ не выдадутъ, то и дѣйствительно сотаго между таковыми съ жеребья повѣсить, а остальныхъ всѣхъ возрастныхъ пересѣчь плетми. 5) Всѣхъ поселянъ, возвращенныхъ сими средствами въ прежнюю подданническую вѣрность къ Ея Императорскому Величеству всемилоствѣннѣйшей Государынѣ и въ должное повиновеніе своимъ начальникамъ и помѣщикамъ, утвердить въ томъ цѣлованіемъ Евангелія и креста, объявивъ, что если кто изъ нихъ дерзнетъ впредь какимъ-нибудь образомъ пріобщаться къ бунтовщикамъ или утверждать самозванца настоящимъ Петромъ третьимъ, который 12 тому уже лѣтъ, всему государству извѣстно, подлинно скончался, или кто сдѣлаеть малѣйшее ослушаніе воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, а другіе такихъ заводчиковъ или подсылныхъ отъ государственныхъ бунтовщиковъ не свяжутъ и въ ближайшія канцелярію или воинскую команду не представятъ, за то въ самой скорости присланными изъ войска команды генерала графа Панина, состоящаго теперъ здѣсь внутри земли, всѣ въ таковыхъ селеніяхъ безъ изыятія возрастные мужики будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земля во владѣніе другимъ, въ вѣрности пребывавшимъ всегда къ Ея Императорскому Величеству подданнымъ и помѣщикамъ. 6) Если бы паче чаянія, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобъ наплывъ заслужившіе по вышесказанному предложенію наказаніе смертной казни или тѣлесныя истязанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличенію содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбѣ и водѣ, и о дѣйствительномъ ихъ наказаніи представлять генералу графу Панину чрезъ нарочныхъ, и 7) Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ собственными обывателями, что казеннаго и помѣщичьяго разграблено, оное принуждать обратно возвращать, съ тѣмъ угроженіемъ, если у кого что изъ такого

пограбленнаго и собственно собою не возвращеннаго вперед отыщется, то таковой непременно будет повѣшенъ».

Въ Малыковкѣ же Державинъ получилъ двѣ бумаги отъ князя Голицына, изъ близлежащаго села Колояра, куда между тѣмъ пришелъ этотъ генералъ. Извѣщая Державина о поражении Мансуровымъ шайки Воронова, онъ между прочимъ писалъ (ХСН): «Потому вашего благородія ничто не можетъ остановить отъ продолженія того полезнаго дѣла, которое вы взяли на себя трудъ исполнить» и далѣе: «Превеличайшія до меня жалобы доходятъ на Алексѣевскихъ крестьянъ, принадлежащихъ вдовѣ княгини Голицыной, какъ на прочихъ сосѣдственныхъ объ ихъ явномъ преклоненіи къ злодѣйству, и что многія шалости производятъ и теперече продолжаютъ; прошу васъ, чтобы главныхъ зачинщиковъ отыскать и тѣ, которые доказаны будутъ въ смертоубійствѣ дворянъ или какихъ чиновниковъ, то первыхъ изъ оныхъ двухъ казнить смертію, а прочихъ мѣсто кнута плетью наказать. Однимъ токмо строгимъ поступкомъ можно сію, варварствомъ напоенную чернь удержать отъ бунта.

«Ежечасно ожидаю отъ передовыхъ деташаментовъ извѣстій; послѣдній рапортъ имѣлъ отъ г. Михельсона, пушенной въ 18-й день августа, что онъ считаетъ соединенными войсками подождать къ 20 или къ 21-му къ Царицыну; и такъ если сей городъ, соблюдая свою непоколебимую вѣрность, удержится дня три противъ самозванца Пугачева, то надобно ожидать рѣшительнаго дѣла, тѣмъ паче, что подъ Царицынымъ находится 4,000 Калмыкъ. Не оставьте отъ себя употребить всѣ способы послать вѣрныхъ людей внизъ по Волгѣ промежду Камышенки и Царицына развѣдать, не будетъ ли уклоненія самаго первоначальнаго злодѣя на луговую сторону, какъ отъ оныхъ мѣстъ есть дорога на Узени; я отъ своихъ посланныхъ еще не имѣю никакого слуха.

«Около Пензы и Саранска возмущеніе въ черни происходитъ въ вышнемъ градусѣ и такъ, что Пензенскіе уланы съ ихъ шефомъ окружены въ Головицкихъ вотчинахъ; по отправленной отъ меня г. подполковникъ Бедряга, надѣюся, что вчера туда достигъ и покажетъ жестоко преступниковъ».

Другой ордеръ Голицына былъ такого содержанія (*№* ХСV): «Сейчасъ явился ко мнѣ графа Петра Борисовича Шереметева села Камышляйки прикащикъ Петръ Смирной и объявилъ, что вѣдомства Малыковской волости крестьяне Иванъ Удилищевъ, да села Нарышкина Родіонъ, а какъ прозваньемъ не вѣдаетъ, будучи въ злодѣйской толпѣ, пріѣзжали самъ пять въ означенное село Камышляйку и, разграбивъ домъ господской, мучили онаго прикащика и жену его плетьми немилосердо и хотѣли повѣсить; но по просьбѣ того села крестьянъ оставили ихъ едва вживѣ и побѣжали разбивать стоящій въ томъ селѣ питейный домъ, въ которое время означенный прикащикъ отъ нихъ скрылся и тѣмъ спасъ животь свой. А какъ оныя тираны, по объявленію сего прикащика, содержатся въ Малыковской волости подъ карауломъ, то имѣете ваше благородіе, по доказательству сего прикащика, котораго при семь къ вамъ препровождаю, учинить имъ надлежащее разсмотрѣніе и спросить, куда оными злодѣями ограбленная у него пажить дѣта, и что окажется съ показаніемъ ихъ преступленій, прислать ко мнѣ рапортъ».

Въ 1-й изъ этихъ бумагъ князь Голицынъ общалъ было еще 50 Яицкихъ казаковъ, однако жъ Державинъ, не дождавшись ихъ, 30 августа переправился черезъ Волгу; колоніи нашель онъ почти опустѣвшими, и остановясь въ селеніи Красный Яръ на Иргизѣ, послалъ Голицыну слѣдующій рапортъ (*№* 68): «Ордера вашего сіятельства, первой о начатіи моей экспедиціи и о разобраніи Алексѣевскихъ жителей, второй о возвращеніи пограбленной пажити въ селѣ Камышляйкѣ у прикащика Смирнова, получилъ, на которые донестъ имѣю: изъ посланныхъ передъ симъ моихъ рапортовъ ваше сіятельство уже изволите видѣть, что я для отраженія Киргизъ-Кайсаковъ съ командою за Волгу переправился и еще третьяго дня бы съ ними могъ имѣть дѣло; но сіи вѣтреныя воры бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто по степи и не даютъ наказать себя. Почему я предпріялъ теперь, остановясь въ жительство въ Красномъ Ярѣ, снабдить себя провіантомъ и сождать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ, еще собирающихся, и имѣющихъ быть присланныхъ отъ вашего сіятельства казаковъ и слѣдовать за ними далѣе въ степь. Ежели ваше сіятельство повелѣтъ изволите, то пойду и на Узени, гдѣ хотя

невѣроятно, но какъ сказываютъ, они свое главное и становище имѣютъ. Выбѣжавшіе отъ сихъ воровъ плѣнники доносятъ мнѣ, что они были захвачены разными партіями, которыя и не сильнѣе были, какъ каждая изъ нихъ состояла человекъ около 50. По симъ обстоятельствамъ ежели и буду въ одномъ краю, то они могутъ озорничать въ другомъ. И такъ желалъ бы я ихъ гдѣ захватить и разбить, но должно же мнѣ наблюдать прикрытіемъ отъ Малороссійской Саратовской («т. е. Покровской») слободы до слободы Мечетной, это сдѣлаетъ болѣе 150 верстъ; также могутъ они дѣлать свои набѣги и даже и къ самой Самарѣ. На сіе вашего сіятельства ожидаю повелѣнія, идти ли мнѣ всю мою собранною ратью искать ихъ по степи станъ, или сдѣлать только кордонъ, отъ слободы Мечетной до Малороссійской Саратовской слободы, до Самары же отъ Мечетной ежели-бъ изволили кому другому также приказать собрать горныхъ противъ тѣхъ мѣстъ жителей и расположить кордонъ. Но ежели отъ Яика до Мечетной, какъ сказываютъ, есть форпосты, то сего ужебъ было и довольно. Передо мной еще былъ пойманъ одинъ Киргизъ-Кайсакъ, который отъ раны умеръ. Онъ, будучи спрашиванъ, сказывалъ, яко бы они разосланы отъ самого хана для похищенія людей и отгопки табуновъ. Алексѣевскихъ жителей мнѣ было пересѣчь некогда, а какъ я вашему сіятельству рапортомъ моимъ доносилъ, что одного изъ убійцъ смотрителя моего Серебрякова тамъ для страха повѣсилъ; когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню и ихъ пересѣку. Грабившіе Малыковскіе жители прикащика Смирнова разберутся также, какъ я возвращуся и что отъ нихъ отобрано будетъ, прикащику возвращу; но одинъ изъ нихъ, а именно Нарышкинской житель Родіонъ Сахаровъ, какъ я доносилъ вашему сіятельству, въ Малыковкѣ повѣшенъ. Всенижайше прошу вашего сіятельства Малыковского жителя, прозываемаго Борясюнка, который пойманъ и содержится въ Саратовѣ, прислать приказъ въ Малыковку, ибо онъ убійца казначея Тишина и его младенцевъ, такъ долженъ предъ тѣми же жителями, предъ которыми совершилъ свое варварство, и получить себѣ, ежели приказъ изволите, и возмездіе. Колонисты собираются въ колоніи Шафгаузенъ и еще нѣсколько только собрался крейса г. капитана Вильгельма,

прочіе же нѣтъ, какъ видно худо слушаются и ждуть также привести себя въ послушаніе, какъ учинено съ злодѣями и въ Малыковкѣ. При опекунской конторѣ остался присутствующій г. совѣтникъ Тилингъ¹⁰⁾; я его просилъ, чтобъ онъ о состояніи своей конторы вашему сіятельству отрапортовалъ и вотъ при семъ его пакетъ прилагаю; что въ немъ писано, мнѣ неизвѣстно. Изъ словъ его вижу, что у нихъ съ оставленнымъ за коменданта несогласіе и также какъ прежде неустройство¹⁾. Тотъ можетъ собрать похищенный конторскій провіантъ, но не собираетъ, а который собралъ по требованіямъ сего совѣтника, не даютъ, комиссары же, чѣмъ кормить колонистовъ не имѣютъ, во всемъ семъ должно учинить порядокъ, и ежели не довольно будетъ можно пограбленного собрать, то заблаговременно колонистамъ хлѣба промыслить. Впрочемъ помрутъ или разбѣгутся. Не изволите ли ваше сіятельство послать правящему въ Саратовѣ за коменданта ордеръ и велѣть, по требованіямъ совѣтника, собранный хлѣбъ комиссарамъ для выдачи колонистамъ выдавать и самому ему прилежно стараться о собираніи похищеннаго провіанта, ибо сказываютъ, его у жителей хотя и не весь, но собирать можно».

Въ колоніяхъ къ Державину присоединилия уже не разъ названный нами Фодоръ Гогель, и 1-го сентября они изъ селенія Краснаго Яра (что на Иргизѣ) пошли степью. Сверхъ гусаръ у Державина было не болѣе 5—600 крестьянъ. Описаніе этого похода мы возьмемъ не изъ Записокъ, составленныхъ Державинымъ черезъ столько лѣтъ, а изъ первоначальнаго журнала его и изъ рапорта князю Голицыну. «1-го числа сего мѣсяца, рассказываетъ Державинъ въ своемъ журналѣ, предпріялъ я прямо прорѣзывать степь, дабы напасть гдѣ на ихъ (Киргизовъ) стаю и отбить плѣнъ, похищенный ими. 4-го числа былъ я толико счастливъ, что нашелъ на ихъ весьма немалолюдную толпу и на вершинахъ рѣки Малаго Карамана по сраженіи благополучно разбилъ оную и отнялъ однихъ колонистовъ 811, а съ прочими

10) Въ Мѣсяцословѣ 1774 г. Юганъ Филиппъ Фохъ Тилингъ названъ ассесоромъ; самъ же Лодыжинскій главнымъ судьбою въ конторѣ опекунства.

1) Пугачевъ оставилъ въ Саратовѣ комендантомъ казацкаго урядника Уфимцева; когда же черезъ два дня (11 августа) туда пришелъ полковникъ Муфель, то должность эта поручена была члену низовой соляной конторы Савельеву. Саратов. губ. вѣдом. 1843, № 30.

около тысячи человекъ. По учиненіи сего не могъ я глубже въ степь простирать своего марша, ибо изнуренные и измученные плѣнники меня обременяли, такъ что, не взирая, что каждому далъ провіантъ, долженъ былъ его посадить и на лошадь, а потому, довольствуясь симъ успѣхомъ, возвратился я и привелъ отбитый плѣнъ съ ихъ имѣніемъ и со скотомъ въ колонію Тонкошуровку и отдалъ крейса того комиссару Польской службы подполковнику Гогелю, а опекунской конторѣ далъ знать о попеченіи, чтобъ не уморить ихъ съ голоду. Послѣ сего нѣкоторою частью своихъ крестьянъ, которыхъ у меня и всего 500 было, учинивъ прикрытіе въ пристойныхъ мѣстахъ колоніямъ и сдѣлавъ въ оныхъ сколько нибудь военный порядокъ, хотѣлъ я паки идти для поисковъ хищническихъ Киргизскихъ партій, ибо вышеписанною побѣдою не могъ я еще возвратить всего плѣна, а особливо того, который сначала ихъ нападенія изъ Иргизскихъ степей уведенъ былъ. Но, будучи какъ ордеромъ генерала князя Голицына, такъ въ тотъ же день и чрезъ Яицкаго старшину майора Бородина Трубчевскимъ комендантомъ увѣдомленъ, что Пугачевъ по разбитіи его подъ Чернымъ Яромъ бросился на луговую сторону и пробирается на Узени, котораго онъ и посланъ преслѣдовать, — для того, когда я еще не имѣя извѣстія, что генералъ князь Голицынъ съ своимъ деташаментомъ подвинулся на Иргизъ, то чтобъ занять сей приходъ, учредивъ, какъ выше сказано, въ пристойныхъ мѣстахъ по колоніямъ посты, отправился я на рѣку оную» (№ 109).

Въ рапортѣ же князю Голицыну, писанномъ вѣроятно въ самый день разогнанія Киргизовъ или по крайней мѣрѣ не позже слѣдующаго дня, Державинъ такъ описывалъ свой походъ (№ 66 и 104): «Не дождавшись отъ вашего сіятельства посланныхъ казаковъ и прочихъ къ собранію подлежащихъ, по приказу моему крестьянъ, не упущая болѣе грабительствовать Киргизъ-Кайсакамъ время, какъ я доносилъ вашему сіятельству, выступилъ я изъ жительства Краснаго Яру и пошелъ прямо на Узени, чаявъ тамъ найти Киргизъ-Кайсаковъ стагъ. Имѣя 600 человекъ собранихъ крестьянъ, оставилъ я 100 человекъ для закрытія Иргизскихъ селеній, а колонистовъ, раздавъ имъ

порохъ и свинець, для того оставилъ я также въ ихъ жительствовахъ, чтобъ они свои селенія защищали.

«Продолжая усиленной мой походъ три дня, улучилъ я хищниковъ Киргизъ-Кайсаковъ при вершинахъ рѣки Карамана. Какъ же скоро оныхъ передовщики мои открыли, то съѣлавъ я съ гусарами два отряда, одинъ подъ командою г. Польскаго подполковника, а нашей службы поручика Гогеля, а другой подъ командою Саратовскаго баталіона поручика Зубрицкаго, велѣлъ атаковать ихъ во фланги, а самъ, прикрывъ мою пушку и съѣлавъ изъ обозу вагенбургъ, слѣдовалъ въ ихъ средину. Но какъ скоро мои отряды на нихъ сильно ударили, то тотчасъ ихъ опрокинули (эта фраза послѣ измѣнена нѣсколько, но поправки нельзя разобрать).

«На мѣстѣ убитыми сочтено 42, въ полонъ взято 10,²⁾ нашего плѣну отбилъ колонистовъ 811, Малороссіянъ 20 человекъ. Учиня жъ сію побѣду, хотя и должно было мнѣ еще продолжать мой маршъ въ степь далѣе, за первой Киргизской партіей, которая успѣла увести, уповаю, колонистовъ около 150 и уже давно впередъ отправилась: но какъ сей отбитой полонъ тягчилъ меня, ибо будучи умученъ заставилъ везти..., также и безъ одежды и безъ корму не можно было его оставить на мѣстѣ; то и прибылъ я съ нимъ въ колонию Маріенталь. Тутъ теперь собралъ господъ крейсѣ-коммисаровъ и отдалъ имъ на руки какъ людей, такъ и скотъ, котораго великое же множество отбилъ». Изъ остальной половины этого рапорта, писанной съ чрезвычайною поспѣшностью, можно разобрать только нѣкоторыя фразы. Какъ видно изъ нихъ, Державинъ при рапортѣ отправилъ къ Голицыну, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, двухъ оставшихся въ живыхъ Киргизовъ, которые показывали, что товарищей ихъ подбивалъ на разбой, безъ дозволенія ханскаго, киргизскій же владѣлецъ, именемъ Каранай. Въ разбитой партіи было около 1 т. человекъ «и я бы всѣхъ не упустилъ, прибавлялъ Державинъ, еслибъ воины мои были не мужики и лошади были у нихъ какъ у Киргизцевъ легкія». «Не знаю, будутъ ли впередъ Киргизцы озорничать, но только надлежитъ, ваше сія-

---

2) Въ первоначальной редакціи было показано 6 и прибавлено: «ибо люди разгоряченные легче кололи нежели брали въ плѣнъ.»

тельство, заблаговременно прислать команду и всю степь до Яика вычистить. Впрочемъ они, какъ Волга станеть, по... снѣгу великихъ бѣдъ надѣлать могутъ. Можно ли не военныхъ людей въ дальній походъ употребить, ваше сіятельство изволите разсудить сами. Я насилу ихъ собрать могъ и теперь разставилъ отъ Иргиза до Карамана изъ нихъ партіи и учреждаю разѣзды. Господъ крейсѣ-коммисаровъ просилъ я, чтобъ сдѣлали въ колоніяхъ разѣзды и взяли предосторожности».

Подробности послѣдняго распоряженія видны изъ слѣдующаго ордера крейсѣ-коммисарамъ (№ 55)³⁾: «Дабы учредить для безопасности порядочную связь разѣздовъ въ прикрытіе вѣрнѣйшихъ вамъ колоній, то извольте оныя разѣзды разослать такимъ образомъ: г. капитану Вильгельму имѣть свой патруль на *горь Читалагапъ*, и въ одну сторону посылать до жительства Иргизскаго *Краснаго Яру*, а въ другую до колоніи *Гокенберга*. Г. поручику Иванову въ одну сторону посылать изъ *Екатеринштата* до *Гокенберга*, а въ другую до верхней колоніи, лежащей на маломъ Караманѣ, а въ третью сторону до колоніи *Краснаго Яру*. Изъ *Краснаго Яра* г. маіору Пиль посылать до Малороссійской *Покровской слободы*, а въ другую сторону вверхъ большаго Карамана до колоніи *Тонкошуровки*⁴⁾. Отъ сей же колоніи имѣющій тамъ свой постъ, г. поручикъ Зубрицкой будетъ посылать свой разѣздъ отъ *Тонкошуровки* вверхъ большаго Карамана до колоніи *Мечетной* и въ другую сторону до верхней колоніи, лежащей на маломъ Караманѣ. Такимъ образомъ учиненная связь изъ одного мѣста до другаго будетъ дѣлать безопасность и сообщать вѣрнѣйшія извѣстія, но только чтобъ въ сѣи разѣзды посылаемы были люди надежные. Сѣи разѣзды будутъ состоять какъ изъ вашихъ колонистовъ, которыхъ вы на то нарочно доброконныхъ учредить имѣете, такъ и изъ присланныхъ съ нагорной стороны жителей крестьянъ, которыхъ будетъ въ *Красномъ Яру*, въ *Екатеринштатѣ* и въ *Панинской* по сту чело-вѣкъ, о высылкѣ которыхъ уже и повелѣніе послано. Окромѣ

---

3) Ср. частное письмо Вильгельма № 142 отъ 29 августа.

4) Державицъ всегда такъ пишетъ это имя, но въ письмѣ Вильгельма № 142 — *Тонкошуровка*. Въ изданномъ текстѣ Записокъ (стр. 93) имя это, по неразборчивости рукописи, напечатано невѣрно.

же разъѣздовъ, которые вы имѣете посылать внутрь степи по крайней мѣрѣ верстъ по 20, прикажите стоять пикетамъ на мѣстахъ высокихъ и чтобъ рапорты ваши... доходя до Иргизскаго Краснаго Яру, оттуда уже доставляться будутъ миѣ. Самимъ же вамъ быть при своихъ крейсахъ безотлучно и своими распоряженіями и учрежденіями помогать миѣ.»

По разсказу Державина въ Запискахъ его, онъ еще на пути въ степь сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для защиты колоній отъ Киргизскихъ набѣговъ. Раздѣливъ разстояніе между двумя крайними колоніями, Екатеринштатомъ и Шафгаузеномъ, на 4 форпоста, онъ на каждомъ изъ нихъ поставилъ по 50 крестьянъ: для наблюденія же надъ Киргизами завелъ порядокъ, обыкновенный у степныхъ Татарскихъ народовъ, т. е. на пригоркахъ (курганахъ?) велѣлъ онъ устроить маяки съ тѣмъ, чтобы тамъ по очереди стояло на караулѣ человекъ по три изъ колонистовъ, и при первомъ появленіи Киргизовъ, зажигать ближайшій маякъ, къ которому и собираться какъ вооруженнымъ крестьянамъ по 50 человекъ съ той и съ другой стороны, такъ и колонистамъ, сколько ихъ гдѣ случится.

Въ этомъ разсказѣ однакожъ есть, кажется, неточность. Изъ рапорта князю Голицыну, послѣ разогнанія Киргизовъ, видно, что Державинъ оставилъ въ колоніяхъ не 200, а только 100 человекъ. Вообще описывая всю эту экспедицію въ своихъ Запискахъ, Державинъ впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Такъ не только число собранныхъ въ Мальковкѣ, по его приказанію, крестьянъ увеличено имъ на цѣлую сотню (ср. его рапорты и подлинный журналъ), но тоже сдѣлано и съ числомъ плѣнныхъ, отбитыхъ имъ въ стычкѣ съ Киргизами: въ Запискахъ сказано, что ихъ было около 1,500, тогда какъ по рапорту нельзя насчитать болѣе тысячи.

Немедленно по возвращеніи изъ степи Державинъ, донося князю Голицыну о своемъ походѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ горячо хвалилъ ему главныхъ изъ своихъ сподвижниковъ. Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ рапорта 5 сентября (№ 67) онъ распространяется именно о всѣхъ «въ усердіи отличившихся», и послѣ нѣсколькихъ неразобранныхъ нами строкъ говоритъ: «Смѣю представить къ благоволенію вашего сіятельства

г. польскаго подполковника, а нашей службы поручика Гогеля, яко болѣе всѣхъ при семъ случаѣ рачившаго и трудившагося». Ходатайствуя потомъ за поручика Саратовскаго баталіона Зубрицкаго и двухъ унтеръ-офицеровъ своихъ, гусарскаго и фузелернаго, онъ наконецъ проситъ о награжденіи дворцоваго крестьянина Трофима Герасимова, «котораго я къ вашему сіятельству съ симъ рапортомъ посылаю», званіемъ мѣщанина «для подражанія ему прочихъ крестьянъ». Послѣ того Державинъ, испрашивая у Голицына позволенія «оставить здѣшнія мѣста и слѣдовать въ Казань», куда вызывалъ его Потемкинъ, однакожь прибавляетъ: «Нѣтъ ли какихъ должностей въ разсужденіи поиска и поимки Пугачева въ странѣ здѣшней, ежели онъ въ округу мою удаляется, или какихъ другихъ, на что вашего сіятельства прошу милостиваго и скорѣйшаго увѣдомленія. Присланный манифестъ отъ имени его сіятельства П. И. Панина публикую: висѣлицы и прочее по бунтующимъ жителямъ велю изготовить».

На той же страницѣ нѣсколько ниже приписано Державинымъ слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Кто охотникъ до просвѣщенія, тотъ заплачетъ глядя на изодранныя ученыхъ людей книги, кто домострой, тотъ погорюетъ о сокрушенныхъ домоводствахъ (?), а кто человекъ, тотъ слезно возропшетъ, смотря на тѣла варварски избіенныхъ, которыхъ при колоніи Маріенталѣ собралъ я 28 и предалъ погребенію».

Въ тотъ самый день, когда отправлено было это донесеніе, т. е. 5 сентября, Державинъ получилъ отъ князя Голицына двѣ бумаги, въ которыхъ тотъ, сообщая ему только что доставленное изъ Камышенки извѣстіе о совершенномъ пораженіи Пугачева, писалъ (№ СШ), что «самозванецъ переправился на луговую сторону, и на Узеняхъ найдетъ себѣ всеконечное укрывательство и потомъ, соединяся съ Киргизъ-Кайсаками, въ состояніи будетъ навести вновь безпокоивша: такъ вашего благородія увѣдомля, надѣюсь, что вы не оставите находить всѣ средства точно удостовѣриться, куда злой замыселъ сего нечестиваго самозванца клонится и не можно ли найдти такихъ вѣрныхъ обывателей, которые бь его могли поймать, или умертвить, и побужденіе на столь надобное и нужное дѣло употре-

бить удобовозможные способы, не жалѣя въ томъ денегъ, а сколько вамъ надобно на первый случай, извольте употребить на мой собственный счетъ, я не премину къ вамъ доставить. Весьма полезенъ къ сему дѣлу *Леонтій Федотовъ*, но онъ отправленъ отъ меня къ Александру Васильевичу Суворову, и такъ по всѣмъ предположеніямъ, я почелъ за нужное въ самой скорости движеніе сдѣлать къ Сызрану, и надѣюся прибыть завтрашній день, а оттуда буду болѣе основывать свой оборотъ по увѣдомленіямъ вашимъ, а между тѣмъ буду продолжать свой путь на Соснову, смотря гдѣ удобнѣе можетъ быть переправиться на супротивный берегъ рѣки Волги. Прошу вашего благородія почаству доставлять ваши ко мнѣ увѣдомленія и гдѣ Киргизъ-Кайсаки болѣе нападенія дѣлаютъ».

Между тѣмъ Голицынъ обрадованъ былъ рапортомъ Державина о благополучномъ окончаніи Киргизской экспедиціи и отвѣчалъ ему ордеромъ, на который Державинъ указываетъ и въ Запискахъ своихъ (стр. 93): «Я не въ состояніи описать моего удовольствія, получа вашъ рапортъ, въ которомъ нашелъ, что вы надъ Киргизъ-Кайсаками одержали совершенную побѣду, освобождая отъ неволи болѣе осьми сотъ несчастныхъ колонистовъ, которые были въ оковахъ. Однимъ словомъ чрезъ хорошее ваше учрежденіе совсѣмъ привели вы тамшній край въ спокойствіе и безопасность. Признаться должно, что ваша побѣда не столь велика бы была, когда бы вы имѣли команду военныхъ людей, но тѣмъ болѣе приобрѣли вы себѣ чести, одержавъ побѣду такими людьми, которые ни образа нашей битвы, ни малѣйшей привычки не имѣютъ. За все сіе приношу вамъ искреннее мое благодареніе, равно какъ и соучаствовавшимъ съ вами: г. Гогелю и поручику Зубрицкому, а командѣ вашей вы объявите, что безъ награжденія не останется. Я же спѣшу о столь достохвальныхъ вашихъ подвигахъ донести главнокомандующему г. генералъ-аншефу и тремъ російскимъ орденамъ кавалеру графу П. Ив. Панину⁵⁾».

5) Въ то же время и князь Иванъ Баратаевъ, вѣроятно адъютантъ князя Голицына, писалъ къ Державину отъ 7 сентября: «Какъ вы насъ обрадовали присланнымъ, что такимъ войскомъ, какое у васъ, прогнали Киргизцовъ, сихъ уродовъ, и освободили пропадшихъ душъ изъ неволи. Богомъ клянусь, князь этому такъ доволенъ, по всему свѣту эхо пойдетъ» (Част. переп. № 80).

«Теперь приступаю я васъ уведомить о слѣдующемъ: отчасти уже извѣстны ваше благородіе изъ моихъ къ вамъ ордеровъ, что злодѣй Пугачевъ на голову со всею своею многочисленною толпою побить за Царицынымъ въ 100 верстахъ, а онъ самъ бѣжалъ на луговую сторону вверхъ. Какіе же дошли ко мнѣ, послѣ сего его пораженія, рапорты, съ оныхъ для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ копіи, имѣя притомъ партикулярныя новости, что варваръ бѣгъ свой обратилъ къ Гурьеву городку, но какъ оно еще неосновательно, то я и прошу васъ отъ стороны Камышенки и Узеней имѣть наиприлежное примѣчаніе, учредя ваши посты отъ берега Волги, за большимъ Караманомъ отъ Краснаго Яра къ Узенямъ, и поставя оныя такимъ образомъ, чтобы чрезъ патрули могла быть непрерывная коммуникація, а впередъ дѣлали бы разъѣзды. Между тѣмъ не оставьте, ваше благородіе, послать вѣрныхъ подлазчиковъ въ Узени и въ самыя тѣ мѣста, гдѣ злодѣй можетъ укрывательство найдти, чтобы въ точности узнать о настоящемъ его положеніи. Теперь предстоитъ намъ случай совсѣмъ его сокрушить, слѣдовательно и надлежитъ брать къ тому всѣвозможныя средства. А я на васъ полную надежду возлагаю, что вы не пропустите всего того, что можетъ служить къ пользѣ нашего предприятия. Я съ деташаментомъ моимъ сдѣлалъ въ три дня болѣе двухъ сотъ верствъ и теперь переправиться за Волгу великая погода и малое число перевозныхъ судовъ меня задерживаютъ, но однако надѣюсь быть къ Красному Яру, что на Иргизѣ, завтра. Главный мой предметъ въ томъ состоитъ, чтобы не дать злодѣю болѣе усилиться и не допустить пробраться какъ къ здѣшнимъ мѣстамъ, такъ и къ Яицкому городку, а всего лучше, если Господь Богъ поможетъ, сего изверга поймать. Движенія деташамента моего будутъ простираться по Иргизу, чтобы въ нужномъ случаѣ васъ подкрѣпить, такъ какъ и не выпустить изъ примѣчаній Яицкаго городка, а между тѣмъ и отряженныя легкія войска изъ передовыхъ корпусовъ подоспѣютъ сюда.

«Впрочемъ я надѣюсь, что ваше благородіе не оставите взять всѣхъ нужныхъ осторожностей. А когда паче чаянія стремленіе злодѣя на васъ прямо будетъ, то вы можете всегда

подкрѣпленіе имѣть отъ меня, и въ такомъ случаѣ подвигаться ближе къ Иргизу. Если вамъ будетъ время, то извольте быть ко мнѣ, дабы полезнѣйшія можно было положить мѣры о вашихъ будущихъ оборотахъ. Я, ожидая частыхъ отъ васъ увѣдомленій, не премину доставить присланному отъ васъ жителю Малыковской слободы Трофиму Герасимову медаль за его вѣрную и усердную службу ⁶⁾. (№ СХІ).

«Наконецъ не оставлю нынѣ же увѣдомить его превосходительство г. генералъ-маіора и кавалера Потемкина, что пребываніе ваше въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма нужно, и чтобы вы для того не были отсюда отлучены».

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о благодарственномъ письмѣ, полученномъ Державинимъ гораздо позже (въ апрѣлѣ 1775 г.) отъ конторы опекунства иностранныхъ за подписью Лодыжинскаго: «По случаю отбитыхъ вами въ прошломъ 1774 г. и возвращенныхъ въ колоніи изъ плѣва отъ Киргизъ-Кайсаковъ колонистовъ болѣе 800 человекъ и при нихъ не малаго числа лошадей и рогатаго скота, контора обязанною себя находитъ чрезъ сіе изъявить съ своей стороны благодарность, что толикое число принадлежащихъ высокой коронѣ людей съ ихъ скотомъ, стараніемъ вашимъ, изъ рукъ оныхъ похитителей освобожденными и возвращенными въ ихъ жилища остались, о чемъ и канцелярія опекунства иностранныхъ давно уже увѣдомлена». (№ XXVIII).

---

6) Еще прежде, отъ 30 августа, Державинъ представлялъ Голицыну о пожалованіи Герасимову медали и о награжденіи вдовы убитаго Серебрякова. Но на это ходатайство генералъ отвѣчалъ очень сухо отъ 4 сентября (№ СХІІ): «Серебрякова жена за услуги мужа ея конечно долженствуетъ быть награждена, но поелику я не знаю состоянія въ пропитаніи теперешней ея жизни, то и награжденіе каковое ей сдѣлать, я расположить не могу. Крестьянина же Трофима Герасимова описываете ревность и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества тѣмъ, что онъ первый, который узналъ про Пугачева, и его стараніемъ сей злодѣй былъ въ Малыковкѣ пойманъ, за что и спрашиваете наградить его медалью, то я, не вида изъ вашего рапорта особливаго его усердія, кромѣ что его стараніемъ Пугачевъ пойманъ, наградить его тѣмъ не могу, ибо въ тогдешнее время поймать такого бродягу праздношатающагося не составляло ни какой трудности, а не учинившій оного наказывается по законамъ яко сообщникъ и помощствующій его злодѣянью, а что надѣетесь, еслибъ и вынѣ пришелъ потаенно злодѣй въ Малыковку, не упустить его, то въ такомъ случаѣ кто его поймаетъ, и справедливо награждается, и каковое то награжденіе состоятъ будетъ, уже объявлено».

V. Распоряженія къ поимкѣ Пугачева и Филарета.

Мы видѣли, что Державинъ, возвратясь изъ степи, остановился въ колоніяхъ. Тамъ получилъ онъ слѣдующіе два ордера князя Голицына, оба отъ 8 сентября: 1-й (№ СХІІІ), «Рапортъ вашего благородія сей часъ ко мнѣ доставленъ, изъ котораго я вижу, что вы извѣстны о злодѣѣ, и потому надѣюсь, что не оставите взять всѣхъ надежныхъ мѣръ; гдѣ вы можете со мною соединиться, ожидать буду увѣдомленіевъ, не меньше какіе способы найдете и къ сохраненію колоніи».

2-й (№ СХІV): «Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ увѣдомленія, какіе вы имѣете. слухи о злодѣѣ, а ему надобно неотмѣнно пробраться къ Узенямъ, такъ какъ ваше благородіе взяли къ тому средства, не оставьте подать ко мнѣ свѣдѣнія, а я завтрашняго числа буду въ Красномъ Яру, гдѣ ожидаю и васъ, чтобъ по свѣдѣніи на лучшихъ положить мѣрахъ о вашемъ будущемъ движеніи».

«Посланной отъ васъ въ разѣздъ гусарскаго Бахмутскаго полка унтеръ-офицеръ Ездемиревичъ явился у меня, который за хорошее поведеніе, а паче за отличившуюся храбрость въ пораженіи Киргизъ-Кайсаковъ, произведенъ мною вахмистромъ».

Собственноручная приписка князя Голицына: «Сей часъ получилъ извѣстіе, что злодѣй Пугачевъ точно бѣжалъ луговою стороною вверхъ по Волгѣ и что изъ его шайки были въ Красномъ Яру, что за Караманомъ большимъ, забирать хлѣба; такъ ваше благородіе, какъ близко отъ тѣхъ мѣстъ находитесь, то прошу скорѣе меня извѣстить, чтобы я могъ своимъ движеніемъ потомъ располагать».

Такъ какъ между тѣмъ сдѣлалось извѣстно, что разбитый Пугачевъ отправился на Узени, то Державину казалось, что теперь наступила настоящая минута для исполненія даннаго ему первоначально порученія, т. е. для поимки Пугачева. Онъ рѣшился составить для этого цѣлый отрядъ изъ бывшихъ при немъ крестьянъ села Малыковки и съ этою цѣлью отправился на Иргизъ въ Красный Яръ, куда между тѣмъ подоспѣлъ и самъ князь Голицынъ, такъ что они опять соединились. Державинъ, выбравъ сто самыхъ надежныхъ крестьянъ, придумалъ

отправить ихъ какъ будто для преслѣдованія Киргизовъ, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы они, приставъ къ шайкѣ Пугачева, старались поймать его. Голицынъ одобрилъ этотъ планъ, и въ день выступленія съ своимъ корпусомъ изъ Краснаго Яра, 9 сентября, отдалъ приказъ, изъ котораго выписываемъ два относящіяся къ Державину пункта (№ 116): «1) Завтрашняго числа корпусу имѣеть быть походъ по полуночи въ 5 часовъ и о выступленіи ожидать обыкновеннаго барабаннаго боя. 2) Командѣ гвардіи г. поручика Державина слѣдовать за часъ до выступленія корпуса и патрули свои посылать по сторонамъ, открывая землю сколько можно далѣе и болѣе. Прибывъ въ Криволюцку расположиться и ожидать прибытія корпуса, равно жъ и отрядить свои небольшіе боковые патрули, которые вдоль марширующаго корпуса отъ авангарда до арьергарда могли бы мѣстоположеніе очищать». Для обезпеченія себя въ вѣрности посылаемыхъ крестьянъ, Державинъ взялъ у нихъ женъ и дѣтей въ залогъ, а чтобы поощрить ихъ далъ имъ по 5 рублей на брата, что было разрѣшено ему особымъ орденомъ князя Голицына (№ СХVII). Чтобы придать своему отряду болѣе важности и ужасомъ отвратить людей отъ всякаго покушенія къ измѣнѣ, Державинъ — такъ рассказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ — приказалъ имъ собраться въ полночь въ лѣсу и, поставя въ ихъ кругъ священника съ Евангеліемъ на налоѣ, привелъ ихъ къ присягѣ и совершилъ казнь надъ однимъ преступникомъ: именно здѣсь былъ повѣшенъ тотъ изъ убійцъ Тишина, которій въ свое время успѣлъ скрыться и избѣгнуть казни, постигшей его сообщниковъ въ Малыковкѣ. Крестьяне обѣщали подъ присягою употребить всѣ усилія, чтобы привести Пугачева живаго или мертваго и отправились въ степь подъ начальствомъ избраннаго изъ нихъ же старшины. Въ назначенное время князь съ своимъ корпусомъ пошелъ къ Яицкой крѣпости, а Державинъ съ остальными крестьянами остался на Иргизѣ.

На другой день послѣ того, какъ онъ разстался съ Голицынымъ, разсланные по степи подзорщики возвратились, правда, не съ пустыми руками, но и не съ Пугачевымъ. Они привели къ Державину Пугачевского полковника, бывшаго заводскаго

служителя Мельникова, который объявилъ ему чрезвычайную новость: Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками на ночлегѣ при Узеньяхъ ⁷⁾ и увезенъ въ Яицкій городокъ, для передачи бывшему тамъ отъ секретной комисіи офицеру Маврину; посланный Державинымъ отрядъ опоздалъ двумя днями на мѣсто, гдѣ казаки связали самозванца. Такъ добыча, о которой столько заботился Державинъ, ускользнула у него изъ-подъ рукъ въ рѣшительную минуту. Главная цѣль, для которой онъ былъ посланъ на Волгу, осталась недостигнутою, предпріятіе не удалось. Но такой неуспѣхъ долженъ быть приписанъ не столько ему, который ничего не упустилъ по своему порученію, сколько самому плану предначертанныхъ ему дѣйствій, основанному на несбывшемся предположеніи, будто Пугачевъ придетъ вторично искать убѣжища на Иргизѣ. Посылка Державина произошла изъ предосторожности, но предосторожность оказалась излишнею. Въ какой мѣрѣ его дѣятельность была, не смотря на то, полезна, постараемся опредѣлить въ послѣдствіи.

Не лучше удалось Державину отысканіе раскольниковъ инока Филарета, которое Потемкинъ не разъ поручалъ ему. Мы уже видѣли приписку о томъ въ одномъ изъ писемъ перваго, относящемся къ концу іюля. 2-го августа Потемкинъ писалъ Державину особо по этому дѣлу (*№* LXXX): «Извѣстно мнѣ по допросамъ преступниковъ, что злодѣй и самозванецъ Пугачевъ отпустилъ ⁸⁾ съ награжденіемъ вѣдомаго вамъ старца Филарета. Употребите всю возможность къ сысканію его, ибо необходимо должно заключать, что оный старецъ будетъ новыя дѣлать плевелы; я не отъемлю времени вашей заботы, которую вы имѣете въ приготовленіи вооруженія противу злодѣя; однако, какъ вамъ тамошнія дѣла извѣстны, то и способы вы предусмотрѣть можете сыскать толь нужнаго для слѣдствія чловѣка».

Изъ допросовъ Пугачеву ⁹⁾ видно, что онъ, по возвращеніи изъ Польши, выказывалъ желаніе поселиться на р. Иргизѣ и поѣхалъ заявить о томъ въ Малыковку. Изъ Малыковки сна-

7) На Алтатѣ въ землянкѣ близъ села Александрова Гая. Саратов. губ. вѣд. 1843, *№* 30 (статья г. Леопольдова).

8) т. е. при разореніи Казани, гдѣ Филаретъ содержался подъ стражею.

9) См. Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. Росс. 1838, кн. II.

чала хотѣли отправить его въ Симбирскъ для записки въ назначенное мѣсто, однакожь потомъ отпустили его, и онъ поѣхалъ на Иргизъ въ раскольничій скитъ къ игумну Филарету, о которомъ услышалъ въ первый разъ еще на Польской границѣ въ Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ выдержалъ шестинедѣльный карантинъ: именно тамъ раскольникъ Кожевниковъ, доставлявшій иногда подаяніе Пугачеву, просилъ его поклониться настоятелю Филарету. На пути отъ границы къ Иргизу Пугачевъ заѣхалъ на устье Медвѣдицы въ казачьи хутора. Здѣсь хозяинъ Андрей Кузнецовъ, услыхавъ, куда онъ пробирается, сказалъ ему, что теперь «и на Иргизѣ стало великое гоненіе старовѣрамъ». Пугачевъ признался, что задумываетъ бѣжать на Кубань. «Какъ можно, отвѣчалъ Кузнецовъ, бѣжать въ такой дальній путь малому числу? Слышно, что Яицкое войско давно бунтуетъ: такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ». А чтобъ придумать къ тому способы, Кузнецовъ также посоветовалъ обратиться къ знакомому ему Филарету. Какъ Кожевниковъ въ Добрянкѣ, такъ и Кузнецовъ уже надоумили Пугачева выдавать себя за Петра III. Они указывали ему на Филарета, какъ на человѣка, который, зная лучше всѣхъ состояніе Яицкихъ казаковъ, можетъ подать ему помощь и самые лучшіе совѣты. Пугачевъ дѣйствительно отправился въ Мечетную слободу (что нынѣ Николаевскъ въ Самарской губерніи), и явился къ Филарету. Этотъ съ радостію выслушалъ и одобрилъ планъ Пугачева, замѣтивъ, что «Яицкихъ казаковъ возмутить не только не трудно, но и весьма возможно». Мало того: Филаретъ обѣщалъ Пугачеву свое содѣйствіе. Черезъ три дня, проведенные ими вмѣстѣ, они вдводемъ отправились въ Малыковку просить, чтобы Пугачеву отсрочили поѣздку въ Симбирскъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него лошади плоха. Получивъ отсрочку недѣли на три, онъ возвратился съ Филаретомъ въ Мечетную, но остановился уже не въ монастырѣ, а въ слободѣ у крестьянина раскольника Коссова, у котораго и прожилъ съ недѣлю. Филаретъ далъ Пугачеву совѣтъ ѣхать самому въ Яицкій городъ, снабдилъ его лошадыю и деньгами и научилъ, какимъ образомъ привлечь къ себѣ тамошнихъ казаковъ: велѣлъ ему ѣхать отъ имени Филарета прямо къ казаку Денису Пьянову и ему первому назваться Петромъ III. Рѣшивъ

шись ѣхать въ Яицкій городъ подь предлогомъ закупи рыбы для себя и для Филарета, Пугачевъ нашель и товарища для этой поѣздки: это былъ тесть игумна Семенъ Филиповъ ¹⁰). Дорогою и потомъ живя недѣлю у Дениса Пьянова, Пугачевъ открыто говорилъ о намѣреніи своемъ бѣжать съ казаками за Кубань къ Турецкому султану. По возвращеніи въ Мечетную слободу, онъ поѣхалъ для продажи закупленной рыбы въ Малыковку. Между тѣмъ Семенъ Филиповъ сталъ рассказывать въ Мечетной о толкахъ Пугачева. Слухи о томъ дошли до Малыковского управителя, какъ выше уже видѣли: Пугачевъ былъ схваченъ и отправленъ въ кандалахъ, подь крѣпкимъ карауломъ, въ Симбирскъ для допроса. Но въ Симбирскѣ его не допрашивали, а отослали въ Казань, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ губернскую (губернаторскую экспедицію), закованный въ ручныя и ножныя кандалы. Отѣзжая изъ Мечетной, Пугачевъ оставилъ у Филарета на сбереженіе 470 руб., полученныхъ имъ въ пути при возвращеніи изъ Польши отъ тѣхъ, которымъ онъ открылся. Какъ въ дорогѣ до Симбирска, такъ и послѣ въ Казани онъ, желая подкупить имѣвшихъ съ нимъ дѣло, часто упоминалъ объ этихъ деньгахъ и о Филаретѣ, какъ хранителѣ ихъ. Изъ Казани онъ, при помощи одного колодника, даже писалъ Филарету, чтобъ тотъ старался о его освобожденіи и прислалъ къ нему деньги. Впрочемъ у него и въ самой Казани, благодаря Филарету, нашлись доброжелатели. Въ Мечетной, еще до поѣздки Пугачева на Яикъ, игумень сказывалъ ему, что для прописки его надо бы ѣхать не въ Симбирскъ, а въ Казань, гдѣ пріятель Филарета («крайній другъ его»), раскольникъ, купецъ Щолоковъ, похлопочетъ около судей, чтобъ ему скорѣе былъ выданъ билетъ. Дѣйствительно, во время заключенія Пугачева въ Казани, Щолоковъ сдѣлался его покровителемъ: посѣщалъ его въ тюрьмѣ, помогалъ ему деньгами, просилъ за него губернатора фонъ-Бранта и секретаря Авраамова. Довольно подозрительно, что въ Казани Пугачева допрашивали небрежно и пропустили много времени, пока дѣло было представлено въ Сенатъ. На престу-

---

¹⁰) Изъ допросовъ Пугачеву не видно этого родства между Филиповымъ и Филаретомъ, но оно указано въ «Матеріалахъ для исторіи Пугачевского бунта», напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1845 г., № 9.

никѣ тяжелыя ножныя кандалы были замѣнены легкими, а ручныя и совѣмъ сняты; изъ губернской перевели его въ обыкновенный острогъ. Когда же Пугачевъ бѣжалъ изъ Казани, циркуляръ о немъ губернатора былъ подписанъ только три недѣли спустя, да еще послѣ того пролежалъ 7 дней. При этомъ за нимъ послано было не на Яикъ, куда, какъ извѣстно было, Пугачевъ уже прежде ѣздилъ, а въ такія мѣста, гдѣ вовсе не было повода искать его. Сказанное достаточно показываетъ отношенія между Пугачевымъ и Филаретомъ. Изъ наставленія, которое Державинъ далъ старцу Юву, посланному въ Оренбургъ, мы уже видѣли, что Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани, отвезенъ въ Казань и тамъ посаженъ въ темницу. Но Пугачевъ, при разгромѣ Казани, выпустилъ его. Разумѣется, что правительству поимка Филарета казалась очень важною, и потому-то Потемкинъ просилъ Державина принять мѣры къ отысканію его. 2-го августа Державинъ отвѣчалъ ему: «Филарета здѣсь не видно и врядъ ли онъ теперь здѣсь покажется». Между тѣмъ однакожъ Державинъ пытался хитростью заставить Филарета открыть свое убѣжище и для того написалъ къ нему письмо, при отпускѣ котораго въ его бумагахъ отмѣчено слѣдующее: «Таковая точно отдана копія П. С. Потемкину. Сіе вымышленное письмо для того было написано, чтобъ приманить чрезъ его друзей на прежнее его жилище».

Вотъ и самое письмо (№ 59): «Отцу Филарету здравія желаю. Ежели ты по секретной коммисіи опасенъ и укрываешься, то, надѣясь на твое благочестіе, увѣряю тебя, что ежели ты заплатишься мнѣ двумя тысячами рублями, то и будь надеженъ, что тебѣ ничего не будетъ; только чтобъ ты ко мнѣ явился, или когда не увѣришься, то пришли письмецо, что у тебя выше сказанное готово и въ которомъ мѣстѣ отъ тебя взять, то и будетъ дѣло брошено; а всего бѣ лучше переговорилъ со мною самъ. Доброжелатель твой, о котораго имени тебѣ скажетъ отецъ Фадей.» Но и это письмо осталось безъ успѣха; Филаретъ пропалъ безъ вѣсти и избѣгъ правосудія.

Голицынъ, еще не зная о поимкѣ Пугачева, продолжалъ переписываться съ Державинымъ о мѣрахъ къ утушенію мятежа. 10-го сентября (№ СХV) онъ поручалъ ему, на основаніи

предписанія графа Паница, преслѣдовать виновныхъ въ измѣнѣ колонистовъ и одного или двухъ въ страхъ другимъ повѣсить, а прочихъ «пересѣчь плетью нещадно». 13-го числа (№ СХVIII) Голицынъ, все еще не имѣя свѣдѣнія, куда обратился разбитый Пугачевъ, увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи идти на Яицкій городокъ, «какъ тотъ край со всѣхъ сторонъ открытъ и безъ защищенія войскъ»; между тѣмъ онъ и Державину предписываетъ бдительность и назначаетъ ему остаться въ Мечетной слободѣ, наблюдая оттуда не только за Иргизомъ, но и за Узенями. Въ концѣ письма, извѣщая о движеніяхъ другихъ отрядовъ, онъ говоритъ о Суворовѣ: «Г. генераль-поручикъ Суворовъ увѣдомилъ меня, что онъ 4-го сего мѣсяца изъ Царицына отправился луговою стороною преслѣдовать злодѣя, отрядя напередъ себя секундъ-маіора графа Меллина, препоруча охраненіе береговой стороны отъ самой Камышенки до Сызрану г. генераль-маіору Мансурову, а отъ сего расположенія внизъ р. Волги чрезъ Царицынъ къ Черному Яру оставилъ на попеченіи г. генераль-маіора князя Багратіонова.»

Черезъ нѣсколько дней, 17-го сентября, Державинъ получилъ и отъ самого Суворова слѣдующій лестный ордеръ (№ 121): «О усердіи къ службѣ Ея Императорскаго Величества вашего благородія я уже много извѣстенъ; то жъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи Киргисцовъ, какъ и о посланіи партіи 3 сентября для (?) разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленій. Я нынѣ при деташаментѣ графа Меллина слѣдую къ Узенямъ на рѣчкѣ Таргунѣ, до вершинъ его верстъ съ 60-тъ, оттуда до 1-го Узеня верстъ съ 40. Деташаментъ полковника Михельсона за мною сутка въ двухъ. Иду за реченымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь. Иргизъ важенъ, но какъ тутъ слѣдуетъ отъ Сосновки его сіятельство князь Голицынъ, то отъ Узеней не учиню ли? или прикажу учинить подвигъ къ Яицкому городку.

Александръ Суворовъ».

10-го сентября 1774 года.
рѣка Тараусь.

Вотъ, слѣдовательно, какъ рано и при какихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ Державинъ сдѣлался извѣстенъ Суворову. Въ послѣдствіи между ними существовала постоянная пріязнь, продолжавшаяся до самой кончины великаго полководца.

Тогда же и Голицынъ, приближаясь къ Яику, узналъ отъ посланнаго Державинымъ нарочнаго о поимкѣ Пугачева и хотѣлъ по прибытіи въ городъ, 17-го числа, отправить съ этимъ извѣстіемъ курьера къ графу Панину въ Симбирскъ. Не доходя 15 верстъ до мѣста, онъ писалъ Державину, что для препровожденія курьера будетъ отряжено 50 человекъ Яицкихъ казаковъ и просилъ выслать на встрѣчу имъ къ рѣкѣ Камелику команду въ такомъ же числѣ, которая, принявъ гонца, конвоировала бы его до Волги. «Я только успѣваю вамъ сказать, написалъ Голицынъ своей рукой, что злодѣи Пугачевъ твердо въ нашихъ рукахъ содержится въ Яикѣ». На другой же день Голицынъ изъ этого города увѣдомилъ Державина, что уже на каунѣ Суворовъ повезъ Пугачева въ Пензу «къ высшей командѣ» (№ СХХ): «По полученіи сего толь пріятнаго извѣстія, прибавляя Голицынъ, за долгъ почелъ и ваше благородіе съ сею всеобщою радостію поздравить, рекомендуя притомъ, чтобъ вы всѣ по предписанію моему назначенные вамъ, какъ въ колоніи, такъ и на Иргизѣ посты содержать старались до тѣхъ поръ, пока не получите отъ меня о снятіи оныхъ повелѣнія, не менѣе также и содержать почты отъ Мечетной сюда не далѣе 60 верстъ, къ соединенію которыхъ и я отсель съ моеі стороны таковыя жъ разстановить не оставлю, чрезъ которыя бѣ посылаемые какъ отсель, такъ и слѣдующіе сюда курьеры безъ всякаго опасенія и задержанія проѣзжали».

Извѣстіе о поимкѣ Пугачева расшевелило честолюбіе всѣхъ военачальниковъ: каждому изъ нихъ захотѣлось быть первымъ въ передачѣ этой важной вѣсти далѣе, высшему начальству. Посланный съ нею княземъ Голицынымъ изъ Яицкаго городка къ графу Панину курьеръ былъ секундъ-маіоръ Пушкинъ. По приказанію князя онъ захалъ на Иргизъ къ Державину и просилъ сказать чистосердечно, не далъ ли онъ знать о поимкѣ самозванца прямо отъ себя главнокомандующему или кому другому изъ генераловъ. Державинъ отвѣчалъ, что онъ «рапортовалъ

только тѣмъ, кого должно по командѣ, и именно: по воинской— князя Голицына, а по секретной — генерала Потемкина, предоставивъ извѣститъ главное начальство имъ самимъ.» Пушкинъ былъ доволенъ этимъ, «полагая, что курьеръ, посланный къ Потемкину въ Казань, сдѣлавъ крюкъ въ нѣсколько сотъ верстъ на право, не могъ пріѣхать въ Петербургъ ранѣе отправленнаго прямою дорогою чрезъ Пензу къ графу Панину». Но такъ какъ Державинъ, при посылкѣ курьера въ Казань, прописалъ въ его подорожной цѣль поѣздки, чтобъ тѣмъ успокоить селенія, чрезъ которыя онъ будетъ проѣзжать, то Сызранскій воевода поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ для себя случаемъ и тотчасъ послалъ нарочнаго къ графу Панину, до котораго извѣстіе и дошло этимъ путемъ прежде пріѣзда Пушкина. Эта случайность имѣла, какъ увидимъ ниже, очень дурныя послѣдствія для Державина.

Потемкинъ получилъ увѣдомленіе его 18-го сентября и въ тотъ же день отвѣчалъ (№ СХХІІ): «Пріятнѣйшее извѣстіе ваше о поимкѣ злодѣя Пугачева я съ неизреченнымъ обрадованіемъ получилъ сего сентября 18 дня; охотно бы я желалъ, чтобы вы увѣдомили меня обстоятельно, кто и какъ его поймали. Впрочемъ дайте мнѣ знать, гдѣ князь Петръ Михайловичъ (Голицынъ).

«По одобренію вашему Гаврило Герасимовъ медаль получилъ, а женѣ Серебрякова я награжденіе сдѣлать не премину».

Знаменательна приписка на поляхъ этого письма: «Желалъ бы я охотно, чтобы злодѣй былъ доставленъ въ комиссію, а не въ военную команду, поелику оной посредство къ тому сподѣшествовало».

Это значило, другими словами: «Устройте, чтобы Пугачевъ былъ доставленъ ко мнѣ, а не къ главнокомандующему».

Съ своей стороны и Мансуровъ не могъ быть спокоенъ, услышавъ въ Саратовѣ, что поимка Пугачева совершилась мимо его: требуя высылки своей команды изъ Малыковки, куда Державинъ опять переѣхалъ и гдѣ она поэтому уже была не нужна, онъ прибавлялъ (№ СХХІV отъ 20 сентября): «Пріятно васъ, государя моего, прошу съ симъ посланнымъ меня увѣ-

домить, кѣмъ и гдѣ Пугачевъ былъ пойманъ и кому представленъ; я не имѣю ни откуда о томъ свѣдѣнія».

VI. Неприятности и неудачи по службѣ.

До сихъ поръ Державинъ, въ своей дѣятельности по Пугачевскому бунту, имѣлъ нѣсколько неприятныхъ столкновений только съ мѣстными властями; всѣ же начальники его показывали ему особенное благорасположеніе. Теперь онъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ другое со стороны главнокомандующаго, графа П. И. Панина, съ которымъ еще не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ концѣ сентября, Державинъ получилъ почти одновременно чрезъ Голицына и Мансурова приказаніе графа Панина прислать объясненіе, почему онъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда Пугачева? Правда, въ письмѣ Голицына пилюля была позолочена благодарностью за пораженіе Киргизовъ, но это не уменьшало ея горечи. Вотъ это письмо (*№* СХХVII): «Его сіятельство главнокомандующій г. генераль-аншефъ и трехъ російскихъ орденовъ кавалеръ, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, за доказанную вами въ пораженіи Киргизъ-Кайсаковъ услугу, предписываетъ свою благодарность и вниманіе по уваженію оной, и что онъ о семъ дѣлѣ, по точности моего ему донесенія, какъ объ васъ, такъ и одобренныхъ вами въ отличности чинахъ, не оставитъ донести Ея Императорскому Величеству всемилостѣйшей Государынѣ.

«Вслѣдствіе его жъ сіятельства повелѣнія извольте прислать ко мнѣ къ доставленію ему рапортъ, въ которомъ объясните обстоятельство, какимъ образомъ не случилось вы быть при защищеніи своего поста въ городѣ Саратовѣ и какая должность, кѣмъ и отъ кого поручена и съ какою командою вамъ была, а потомъ для чего, куда и за сколько времени предъ злодѣйскимъ нападеніемъ на помянутой городъ, съ какимъ числомъ команды отлучиться были принуждены; и сіе я точными объяснилъ словами, какъ его сіятельство мнѣ предписать изволилъ».

Потомъ приписка: «Я завтрашній день отселѣ выѣзжаю и путь возьму прямо на Самару; надѣюсь быть въ пятые сутки, и

такъ уповаю, вамъ способно будетъ со мною видѣться въ ономъ городѣ. Команда же ваша остается на прежнемъ положеніи». (20 сентября, Яицкій городокъ).

Что могло внезапно возбудить противъ Державина гнѣвъ главнокомандующаго въ такое время, когда по настоящему надлежало еще думать только о томъ, чтобы скорѣе изгладить слѣды страшнаго бѣдствія, причиненнаго возмущеніемъ? Державинъ не безъ вѣроятія приписываетъ эту невзгуду тому, что Панинъ, получивъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева стороною и такъ сказать случайно, вообразилъ, будто П. С. Потемкинъ успѣлъ прежде него донести о томъ Императрицѣ, и заподозрѣлъ Державина въ тайномъ расчетѣ угодить сильному при Дворѣ родственнику и однофамильцу Потемкина.

Опасеніе Панина было несправедливо: уже 27-го сентября Императрица писала тогдашнему главнокомандующему въ Москвѣ, князю Михаилу Никитичу Волконскому: «Съ послѣднимъ курьеромъ я получила извѣстіе изъ Пензы отъ графа Панина, что Яицкіе казаки связали Пугачева и везутъ его въ Яицкій городокъ»¹⁾. Но это обстоятельство разъяснилось уже гораздо позже, и понятно, что графъ Панинъ долженъ былъ негодовать на дерзкаго офицера, который по видимому обошелъ его. Притомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что около того же времени неудовольствіе главнокомандующаго противъ Державина было возбуждено наговорами на него партіи Бошняка и Кречетникова. Сами по себѣ эти ожесточенныя жалобы, можетъ быть, не произвели бы такого дѣйствія, но, въ связи съ собственнымъ неудовольствіемъ графа, онѣ приобрѣтали особенную силу.

Оскорбленный сомнѣніями Панина, Державинъ, въ сознаніи чистоты своихъ дѣйствій и усердія въ исполненіи обязанностей, отвѣчалъ 5 октября слѣдующимъ обширнымъ, но въ высшей степени любопытнымъ рапортомъ прямо на имя самого главнокомандующаго (№ 111); въ подтвержденіе же своихъ словъ приложилъ онъ копіи съ 13-и бумагъ, полученныхъ имъ во время бунта отъ разныхъ лицъ, такъ что все это составило довольно полновѣсную тетрадь.

---

1) Москвитянинъ 1845 г. № 9.

«Сіятедьнѣйшему графу

Высокопревосходительному и повелительному господину
генераль-аншефу и трехъ Россійскихъ орденовъ кавалеру

Петру Ивановичу Панину

Гвардіи поручика Державина

Рапортъ.

«Въ ордерѣ вашего сіятельства господину генераль-маіору и кавалеру князю Петру Михайловичу Голицыну повелѣвать изволите, чтобъ спросить меня: «какимъ образомъ не случился я «быть при защищеніи поста своего въ городѣ Саратовѣ? какая «должность тамъ, отъ кого и съ какою командою мнѣ поручена «была; потомъ, для чего и куда и за сколько времени предъ злодѣй-«скимъ на помянутой городъ нападеніемъ, и съ какимъ числомъ «команды я отлучиться приужденъ былъ»; но въ ономъ же ва-«шего сіятельства повѣленіи признаемъ своимъ меня счастли-«вить изволите за прогнаніе мое Киргизъ-Кайсаковъ. Сколь лестно для меня сіе признаніе, столь не чту я себя заслужившимъ онаго и до тѣхъ поръ не желаю его, доколь на вышензображенныя вопросы не поднесу моихъ, достойныхъ вашего сіятельства нижайшихъ донесеній; ибо за малости желать похвалы людей великихъ есть то же самое, что желать у нихъ украсть оную.

«Но дабы порядкомъ очистить всѣ сіи вопросы, а паче въ единое подвергнуть вашего сіятельствз воззрѣніе существо всеіи моеіи комисіи, мою въ оной должность, мой постъ, мою команду, отъ кого я посланъ и наконецъ достигнуть до Саратовскаго обстоятельства, то разсудилъ я подробныя вашему сіятельству присовокупить изъясненія. Надежда, что патріотическій духъ не поскучитъ трудомъ разсмотрѣть ихъ въ тоикости, отважила меня предложить такое множество бумагъ.

«Главнѣйшій предметъ моеіи комисіи состоялъ въ поимкѣ Пугачева, если бъ онъ по разбитіи своихъ скопищъ, бросился одинъ укрываться у друзей своихъ, яко въ гиѣздѣ и своемъ приставищѣ на Иргизѣ, Узеняхъ, въ Малыковкѣ, въ Саратовѣ, или хотя и во всей округѣ здѣшней; всѣ сіи мѣста мой постъ и ни къ которому я не привязанъ. Копія подъ № 1 подтвердить сію истину, покажетъ отъ кого я посланъ и сколько у меня

команды. Чтожъ по ней исполнено въ разсужденіи дѣлъ тайныхъ во время осады Оренбурга, то все удостоено признанія бывшаго моего тогда главнаго начальника; и сіе бѣ мнѣ было выхвалить себя, ежели бѣ приобшить всѣ милостивые его мнѣ о томъ ордера.

«Между тѣмъ временемъ, какъ его сіятельство князь Петръ Михайловичъ Голицынъ шествовалъ сдѣлать злодѣю пораженіе подъ Татищевую, усердіе мое заставило меня съ примѣчаніемъ посмотрѣть на Иргизъ, яко на путь, ведущій къ Волгѣ, по котораго жительствовамъ легко бѣ отъ Яика злодѣи во внутренность здѣшнихъ провинцій еще тогда жѣ пролиться могли. Справедливость примѣчанія онаго опослѣ подтверждена при ордерѣ князь Петра Михайловича письмомъ злодѣйскимъ подъ № 2. Вслѣдствіе сего какъ зналъ я, что посланныя на истребленіе силы были не очень достаточны, то и искалъ я средствъ, чтобъ безъ нихъ занять сіе мѣсто. Потому, пріѣхавъ въ Саратовъ, провѣдалъ я, что въ ономъ находится баталіонъ, три фузелерныхъ роты и болѣе пяти сотъ разныхъ казаковъ, чего и слишкомъ на то бѣ достаточно было. Но какъ сіе мое мнѣніе не было угодно его превосходительству Астраханскому губернатору, бывшему тогда въ Саратовѣ, то донесъ я оное его высокопревосходительству покойному Александру Ильичу. Онъ его апробовать изволилъ и при ордерѣ подъ № 3 далъ свое предложеніе опекунской конторѣ объ отрядѣ ротъ ея по требованію моему, ибо онѣ были въ ея командѣ. Его превосходительство Астраханскій губернаторъ, какъ то видно и въ тайномъ моемъ наставленіи, хотя также былъ прошенъ, съ прописаніемъ посылки моей въ слѣдствіе именнаго указа, помогать мнѣ по всѣмъ моимъ требованіямъ; однако онъ всегда изволилъ находить въ томъ удовольствіе, чтобы во всемъ мнѣ отказывать. Многія его письма сіе свидѣлствуютъ; матерію сію ввожу я для того, почему я, не имѣя команды, сдѣлался нѣкоторымъ образомъ диспозиторомъ военныхъ дѣйствій, и почему иногда кто считаетъ у меня бытіе оной, тотъ несправедливъ: поелику то со мною и часто случалось, что по моимъ мыслямъ приказывалось только нѣкоторымъ отрядамъ занимать свои посты, и кромѣ того взялъ было я единожды самъ собою дерзновеніе посланною изъ Сара-

това командою предварить свободу Яика, что его превосходительство Астраханскій губернаторъ хотя также обращалъ въ тщету, но одобряетъ сіе мое усердіе приложенный здѣсь подъ № 4 ордеръ. Она жъ вытребованная мною Саратовская команда какъ не допустила по письму злодѣйскому покушенія ихъ съ Яика, такъ и не была безъ дѣла; ибо, имѣвъ у себя своего командира, въ маѣ мѣсяцѣ воспрепятствовала злодѣйскимъ Калмыкамъ прорваться въ страну здѣшнюю. Сіе въ реляціяхъ и къ Ея Императорскому Величеству донесено было; однако и на оное ваше сіятельство въ своемъ мѣстѣ найти изволите писанное мнѣ отъ его превосходительства Астраханскаго губернатора поношеніе. Дабы не остаться жъ въ мысляхъ сихъ, что сія команда осталась у меня, то еще за два мѣсяца до сокрушенія Саратова возвращена она паки въ оныи. Только оставлено мнѣ двадцать пять человекъ для караула по секретной моей комисіи колодниковъ и для разсылокъ, которая была и есть нынѣ въ Мальковкѣ.

«Теперь, промывавъ довольно пространство времени, когда злодѣи удаленъ былъ отъ странъ сихъ и когда моей комисіи дѣйствовать на него далеко было въ Башкиріи, долженъ приступить я къ Саратовскимъ послѣднимъ обстоятельствамъ такимъ образомъ: когда варваръ отъ странъ Кунгура нагнбался въ Казань, то писано мнѣ было подъ № 5, что якобы просилъ онъ своихъ сообщниковъ, дабы проводить его на Иргизъ. Тутъ предписаны мнѣ были паки по тайнымъ моимъ средствамъ наблюденія. Вслѣдствіе чего разрядивъ подлазчиковъ во всѣ мнѣ подозрительныя мѣста, просилъ его превосходительство генераль-маіора и кавалера Павла Дмитріевича Мансурова, бывшаго тогда на Яикѣ, чтобъ позволилъ онъ стоявшимъ двумъ стамъ казакамъ на Иргизѣ очистить оной, дабы открытіемъ его обезпечить злодѣю надзираемая мною, чаемая его пристанища. Онъ сіе соизволилъ, и тѣмъ болѣе, что и ордеръ подъ № 6 послѣшилъ, чтобъ казакамъ съ Иргиза сойти и расположиться въ Сызранѣ. Сказавъ по сему повелѣнію имъ постъ, поѣхалъ въ Саратовъ, чтобъ обвѣстить и тамъ предосторожность. Въ бытность мою въ ономъ 16 іюля получилъ Сызранской канцеляріи сообщеніе. Тамъ увѣдомлялся я, что Казань несчастлива.

Взявъ сіе, тотчасъ объявилъ господамъ Саратовскимъ начальникамъ и просилъ ихъ ужъ прямо къ пріятію заблаговременныхъ мѣръ пріуготовить себя при времени защитить свой городъ и встрѣтить храбро, чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше варвара. Почему они 24 числа въ опекувской конторѣ учинили собраніе и, въ общемъ опредѣленіи подписавшись своими руками, заключили, что къ спасенію гражданскаго и казеннаго имущества сдѣлать полевое укрѣпленіе около провіантскихъ магазейнъ; а прочими силами стараться встрѣтить далѣе и поразить злодѣя. Присемъ, при случаѣ приближенія варвара, хотѣли они также разослать свои патрули, какъ и я изъ расположившихся въ Сызранѣ казаковъ въ силѣ ордера подъ № 6, общалъ съ своей стороны учинить разъѣзды. Оное положеніе за справкою конторскою отослалъ я моему главнокомандующему, какъ и рапортъ оной, что примѣчаю я въ Саратовѣ разногласицу; что одинъ по старшинству, другой по преимуществу чина военнаго и коменданта, каждый говоритъ свое; что потому потребенъ въ Саратовѣ единственный начальникъ. На сіе получилъ я отвѣтъ подъ № 7. Въ теченіе сего времени поспѣшилъ мнѣ подъ № 8 ордеръ, которымъ увѣдомлялся, что варваръ Пугачевъ перелѣзъ у Кокшайска Волгу и держитъ къ сторонѣ Курмыша. Я тотчасъ понялъ сего злодѣя оборотъ. Уповалъ я, что онъ будетъ въ сію область, почему тотчасъ поѣхалъ возвратно въ село Малыковку, чтобъ тамъ сдѣлать во-время учрежденіе, подтвердить народу въ силѣ наставленія проповѣдь и поставить сто человекъ казаковъ въ слободѣ сей, дабы занять разъѣздами ихъ отъ Сызрана до Саратова: ибо сего еще не можно было знать, на Саратовъ ли, Малыковку или Сызранѣ злодѣи прорѣжутъ своимъ стремленіемъ. Сдѣлавъ сіе и приготовивъ вооруженныхъ крестьянъ для нижеизъясненнаго моего намѣренія, отправился паки въ Саратовъ, дабы посмотрѣть тамъ успѣховъ, которыхъ, по вышеизображеннымъ причинамъ, тогда жъ едва ужъ смѣлъ чаять; 30 числа іюля пріѣхалъ; а нашедши нерѣшимость, написалъ я подъ № 9 господину коменданту чувствительное сообщеніе и, при рапортѣ моемъ обо всѣхъ Саратовскихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, отослалъ его для переду къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу Потемкину. До-

вольно бы и сего приватнаго подавнїя моихъ совѣтовъ господамъ начальникамъ; однако, ежели кто хочетъ прямо усерднѣе быть къ службѣ Ея Величества, тотъ не изъемлетъ отъ оной ни крайнимъ чувствїемъ своея жизни. Почему добился я съ господиномъ бригадиромъ Лодыжинскимъ и прочими, что господинъ комендантъ, отрекшись прямо прежняго своего опредѣленїя, но хотя не около провіантскихъ магазейнъ, а на горѣломъ городскомъ мѣстѣ однако согласился сдѣлать укрѣпленїе и назначилъ на планъ своею рукою мѣсто. А потому должно было и на то согласиться. Сїе было вечеру, но поутру вышло новое явленїе, что онъ для экспланады никакъ построенихъ лачугъ ломать не будетъ; ибо де жители ропшутъ. Всякаго ревностнаго тронетъ сїя отговорка; а потому, пришедъ я въ магистратъ, записалъ въ журналъ купечеству, что ежели для пользы общественной и службы Ея Величества не токмо кто будетъ роптать за разломку своего строенїя, но ежели покажетъ видъ неусердный къ своему долгу, тотъ яко измѣнникъ будетъ скованъ и отосланъ въ секретную комиссію. На сїе лучшее купечество и общество гражданъ благородныхъ собрались паки въ контору опекунства и обще, какъ-то баталїонные штабъ-офицеры и прочїе даже отставные, сдѣлали опредѣленїе, чтобъ не смотря на супротивленїе коменданта дѣлать ретраншаментъ паки около провіантскихъ магазейнъ и имѣть готовность къ отраженїю злодѣя заблаговременно, не допуская его до города. Въ сїе время, чтобъ поощрить народъ къ прїятїю мужественнаго духа противъ варвара, сдѣлалъ я публикаціи, объявля награжденїе въ силѣ даннаго мнѣ наставленїя тѣмъ, кто злодѣя поймаетъ, и просилъ собрать отъ народа подписки, чтобъ подъ смертною казнїю никто не отважился приставать въ продерзкое скопище бунтовщиковъ. Сїе было съ моей стороны, что принадлежитъ до явныхъ способовъ истребить злодѣя; что жъ принадлежитъ до тайныхъ и цѣль свою на главное основанїе моей комиссіи имѣющихъ, то оныя какъ сущїи мой долгъ оставлены не были. Посланы были отъ меня тайные лазутчики въ толпу злодѣя и изъ нихъ одинъ человекъ госпожи Карамышевой имѣлъ бы всеконечно сердце исторгнуть духъ нечестивца, ежели бъ паденїе Саратова не ускорило» (т. е. не предупредило)» его подвигъ;

но онъ освободилъ изъ когтей смерти многихъ дворянъ, и одинъ разсылъ болѣе двухъ сотъ мятежниковъ, переловя главныхъ, что, какъ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, такъ и его сіятельству князю Петру Михайловичу извѣстно. Помянутую жъ журнальную мою магистратную записку, общее вторичное опредѣленіе, публикаціи и подписки отослалъ я паки для переду къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу. На оное получилъ я подь № 10 ордеръ, который читалъ въ присутствіи; но мало его почувствовали.

«Кажется, довольно изображенія и сего неустройства, но оно еще въ Саратовѣ сугубѣе было; когда все лучшее общество на вышепомянутое единодушно согласилось, тогда нашелъ комендантъ выиграть чернь въ помощь своему упрямству. Онъ, призвавъ полиціимейстера, сказалъ оному: кто хочетъ, пусть идетъ на работу; а кто не хочетъ, тотъ не принуждается. Симъ воздвиглась паки суматоха, и невѣрный народъ радъ былъ случаю не новиноваться приказаніямъ. Заводчиковъ я требовалъ по силѣ секретной комисіи къ себѣ, но они не отпущены. Ежели сообщеніе мое въ воеводской канцеляріи цѣло, то ихъ имена извѣстны, а ежели нѣтъ, то отпуску у меня оному не имѣется. Должно сказать, что чрезъ сіе тогда жъ почти возгнетался огнь послѣ явившейся въ Саратовѣ измѣны. Сей комендантской поступокъ по рѣчамъ полиціимейстера и многихъ купцовъ у бригадира господина Лодыжинскаго записанъ въ конторскомъ его журналѣ; а я паки тотчасъ отрепортовалъ о немъ точно его превосходительству Павлу Сергѣевичу, прося его притомъ, какъ бывшаго тогда единственнаго непосредственнаго начальника, чтобъ онъ ускорилъ властію своею удержать падающіи Саратовъ. На оное получилъ я ордеръ подь № 11, но онъ уже не засталъ цѣлости Саратова. Зачѣмъ же господинъ комендантъ за посѣяніе сихъ раздоровъ не былъ арестованъ и народъ къ своему долгу не принужденъ силою, сіе остается отвѣчать старшимъ; а я ни могущества, ни команды, ни прямаго къ тому долга приступить не имѣлъ. Сверхъ того тотъ же день, т. е. августа 3 дня, получилъ я отъ коменданта сообщеніе подь № 12; тамъ по повелѣнію ему господина губернатора приказывалось миѣ объявить, что какъ я и упоминаемая въ ономъ какая-то моя

команда вовсе отрицается отъ помоществованія Саратову, и мнѣ приказывалось точно ѣхать на Иргизъ. По какимъ причинамъ его превосходительство губернаторъ располагать изволилъ, что злодѣи будутъ прежде на Иргизъ, а не въ Саратовъ и откуда онъ изволилъ изобрѣсть собственно всегда подначальства моего примкнуть имѣющую воинскую команду къ Саратову, то мнѣ никакъ не знакомо, а сіе есть извѣстно, что чрезъ оное сообщеніе *имѣлъ бы я благоприсойный случай по повелѣнію его благовременно отдалиться отъ предстоящаго нашествія* разбойниковъ, ежели бъ когда нибудь ужась въ душѣ моей превосходилъ чувства должной моей ревности къ службѣ моей всемилостивѣйшей Государыни. Для сего единственно не внялъ я сообщенію сему; а по полученному изъ Петровска извѣстію, какъ о приближеніи злодѣя къ городу сему, такъ и о взбунтованіи тамъ прежде пришествія его народа, побудился я еще показать опытъ самозвольной моей должности. Всѣмъ извѣстна есть сія истина, что хищникъ Пугачевъ съ начала своего ухищренія ничего собственнаго къ ополченію своему не имѣлъ; а всегда усиливался чрезъ дремучку частныхъ нашихъ городскихъ начальниковъ, собственными жъ нашими силами. Для того предпріямъ я въ городъ Петровскъ предъ самымъ на него стремленіемъ съѣздить высвободить изъ тюрьмы содержавшихся командировъ, успокоить народный бунтъ, увезти казну, пушки, порохъ, а ежели не успѣю, то все оное побросать въ воду. Посему 4 августа выпросилъ отъ конторы опекунской въ конвой свой сто человекъ Донскихъ казаковъ подъ командою есаула Фомина; при чемъ согласился со мною ѣхать и Польской службы господинъ подполковникъ Гогель единственною своею волею. Такимъ образомъ, взявъ сеіи путь, велѣлъ деташаменту моему слѣдовать впередъ себя. Не доѣзжая пятнадцати верстъ до Петровска, встрѣтилъ я курьера, отъ коменданта посланнаго для развѣдыванія; онъ объявилъ мнѣ, что злодѣи въ тридцати верстахъ отъ города сего. Не взирая на сіе, какъ еще у меня былъ выигрышъ передъ злодѣемъ пятнадцать верстъ, то думалъ я успѣть совершить мое намѣреніе, для чего паки пустился въ путь. Отъѣхавъ пять верстъ, получилъ языкъ, что ужъ Пугачевъ вступаетъ въ городъ; тутъ я остановился, и казакамъ,

ѣдущимъ впереди, послать сказать, чтобъ они возвратилися, но они, всё вдругъ учинивъ бунтъ, хотѣли насъ схватить, а по неудачѣ стремглавъ предалися варвару. Здѣсь признаться должно вашему сіятельству, что я, Гогель и есаулъ до Саратова спаслись бѣгствомъ, но и въ сей необходимости я не позабылъ своего долга. Тотчасъ съ пути отправилъ находящагося при мнѣ вѣрваго мнѣ лазутчика, Малыковской волости крестьянина Андрея Абрамова, чтобъ онъ далъ знать стоящему въ селѣ Старыхъ Бурасахъ изъ Малыковки казачьему разъѣзду о приближеніи злодѣйскомъ, а самъ бы пробирался въ деташаментъ къ господину подполковнику Муфелю или графу Меллину и просилъ бы ихъ о скорѣйшемъ къ Саратову поспѣшеніи. Онъ первое исполнилъ, а втораго, за поимкою его въ селѣ Барнуковкѣ крестьянами, исполнить не могъ; казачій, стоящій въ Бурасахъ разъѣздъ, по сему извѣстію, долженъ былъ увѣдомить своего въ Малыковкѣ есаула Богатырева, а сей, собравъ прочіе свои разъѣзды, поспѣшить съ своими стами человеками казаками въ Саратовъ. Такъ какъ собранные мои прежде помянутые вооруженные крестьяне, по сему извѣстію, туда жъ должны были приближаться, а они собраны были на то, чтобъ при вѣрныхъ моихъ лазутчикахъ разсѣять ихъ вездѣ въ отдаленности на дорогахъ, пролазахъ и скрытныхъ мѣстахъ вокругъ верстъ на пятьдесятъ и стеречь, ежели злодѣи будутъ разбиты и побѣжить, то чтобъ поймать его; ибо сія есть доказанная истина, что хотя гдѣ искусство предводило, а храбрость дѣйствовала, и онъ нѣсколько разъ въ прахъ былъ разбитъ, однако вездѣ спасался бѣгствомъ, или за усталостію нашихъ коней, или за малочисленностію томныхъ нашихъ войскъ, объѣхать его и схватить не могущихъ. Мнѣ жъ какъ положено было ловить его, то какая хитрость при вооруженной толпѣ его, кромѣ сего вымысла, на него дѣйствовать могла, ежели въ толпѣ его находящіеся лазутчики ничего бъ не дѣлали? Ежели бъ сіи присмотрщики и певѣры сдѣлались, то, будучи разсѣяны въ разныя мѣста, что тутъ отваживалъ я? ничего, кромѣ сорока или пятидесяти человекъ, уйти съ нимъ могущихъ, на которыхъ бы онъ наткнулся. Но должно возвратиться паки къ Саратову.

«Совершивъ несчастливой маршъ въ Петровскъ, возвратился

я паки въ Саратовъ 5 числа часу по полуночи въ 4-мъ, гдѣ по столь многимъ опредѣленіямъ и перепискамъ не нашли я никакой готовности, стоящей только сутокъ двоихъ при такомъ множествѣ народа, сколько имѣеть Саратовъ. Сказавъ ставшееся со мною приключеніе, а видѣвъ отъ того вѣщнее замѣпательство, предложилъ я послѣдній мой совѣтъ, что понеже нашихъ деташаментовъ много что дни черезъ три ожидать за злодѣемъ въ слѣдъ должно, то чтобъ спасти казенное и партикулярное иждивеніе и удержать народъ отъ мятежа; ибо надлежащею обороною всего Саратовскаго выгорѣлаго пустаго мѣста никакъ защитить не можно было, въ полѣ же встрѣтить далѣе не шли, то бѣ построить хотя изъ имѣющихся преимуществъ кулей муки и извести небольшой городокъ и, тутъ собравшись съ жителями, ждать варвара. Когда сего не принято, тогда я уже не говоря ни слова ждалъ токмо Саратовскаго вождя готовности. Часу по полудни въ третьемъ выступили и баталіонныя и фузелерныя роты и казаки и стали шеренгами вдоль простертаго предлиннаго вала, ни фланговъ, ни редантовъ не имѣющаго, поперегъ Петровской дороги. Съ правой стороны была никакъ не укрѣпленная Соколова гора, могущая служить непріятелю батареею и ничѣмъ не занятой мостъ, спереди были рвы непріятелю вмѣсто отданы траншей, съ лѣваго боку отверстое поле; а сзади строеніе, служащее отступающимъ вмѣсто защиты, чтобъ невредимыми подѣхать можно было къ фронту, пушки городовыя не на батареяхъ, на худыхъ лафетахъ безъ зарядныхъ ящиковъ, проткнуты въ одну сторону въ амбразуры узко прорытаго вала; не было расписано, гдѣ кому имѣть какой постъ и какое мѣсто и коликмъ числомъ кому защищать, что обыкновенно при отпорѣ городовъ водится. Жители безъ начальника и толпы безъ присмотра собирались, гдѣ хотѣли, и вреднымъ шептаніемъ укладывали мечты. За страхами тутъ я вообразилъ себѣ, что это ратуетъ на Тамерлана нѣкакой древній воевода; нарядной былъ безпорядокъ! хотя Пугачевъ и грубіянь, но какъ слышно, и онъ умѣлъ пользоваться всегда такими выгодами. Сего не довольно. Господинъ премьеръ-маіоръ Зоргеръ и секундъ-Бутыркинъ сказали мнѣ, что городовыя пушки заключены ядрами, и что ежели де бы мы сего не усмотрѣ-

ли, то, можетъ быть, со всѣми сіе случилось; я не говорю на мертвыхъ, а они живы. Услышавъ сіе, я ужаснулся! Пошелъ къ коменданту и спросилъ его съ учтивостію въ присутствіи бригадира и прочихъ объ ономъ; онъ отвѣчалъ, что это бездѣлица, и что это пушкари учившія изъ шалости сдѣлали.

«Здѣсь, я думаю, ваше сіятельство позволите остановиться и спросить меня: не сего ли я струсилъ, испугался и убѣжалъ? хотѣлъ бы я донести, что и это истина, что неизмѣющему неподвижнаго поста, ни могущества, ни силы, ни собственной своей команды, поднявшему жителей на себя убѣжденіемъ къ долгу, огорчившему онымъ многихъ, высылаемому волею губернатора и хотѣніемъ коменданта вонъ; въ мѣстѣ, гдѣ я мимоходящій быть долгу имѣлъ, гдѣ владычествовалъ безпорядокъ, а можетъ быть, между нижними чинами и заговоръ; гдѣ не приняли ни одного моего совѣта, что было другое дѣлать, какъ оттуда не удалиться? Однако я сего не сдѣлалъ. Имя офицера заставляло меня гордиться опасностью. Потому выпросилъ я у господина артиллерійскаго маіора Семанжа находящуюся безъ капитана роту и, принявъ ее въ свою команду, уже принялъ было и пароль, въ чемъ на него свидѣтельствуюсь. Сіе было наканунѣ Пугачева приходу. Послѣ сего поѣхалъ я съ нимъ господиномъ Семанжомъ къ господину бригадиру и уже то было ночью часъ по полудни 11-й, гдѣ я, пріѣхавъ къ квартирѣ его господина бригадира, получилъ отъ главнаго моего лазутчика секретной рапортъ подъ № 13. Въ немъ увѣдомлялся я, что собранные мои крестьяне, провѣдавши, что меня Донскіе казаки предали, то получа развратныя мысли, роптали и колебались безъ моего присутствія идти въ Саратовъ, а какъ въ семь городѣ неизмѣщаются разнаго званія казаки отъ часу дезертировали, и мало становилось кошицы; а я, кромѣ моего объявленнаго о крестьянахъ намѣренія, еще прежде обнадежилъ господъ начальниковъ, что въ подмогу имъ они и сто человекъ стоявшихъ въ Мальковкѣ казаковъ будутъ, то и почелъ я долгомъ изъ Саратова для сего отлучиться, чтобъ прибытіемъ своимъ ободрить ихъ, и ежели можно и несомнительно будетъ въ нихъ, то привести въ Саратовъ; въ противномъ же случаѣ боялся я, чтобъ начинающій въ нихъ дѣйствовать ядъ возмущенія не обѣ-

сновадь и до времени грубыхъ сердець ихъ, и чтобъ когда будутъ подходить къ Саратову и узнають близкое съ ними стеченіе злодѣя, то бь безъ предводителя осторожнаго не сдѣлали по образу казаковъ, какъ подь Петровскомъ; а сіе уже бы подлинно единственная моя вина была, ежели бы я усилиль злодѣя кучею полуторатысячною; ибо ихъ столько собрано было. Тогда-то можетъ бы быть сказали: я то и причиною, что Саратовъ погибъ. Сіе вмѣнилъ я въ собственной своей долгъ. Для сего, какъ сказалъ я выше, поѣхалъ я изъ Саратова и объяснилъ господину бригадиру и маіору, что я ѣду въ Малыковку; однако не сказалъ имъ, для чего ѣду точно; ибо услышавши о заворохъ обѣщанныхъ имъ въ помощь крестьянъ, можетъ бы быть сіе повергло ихъ въ вящее уныніе. Сказалъ же я имъ, что буду стараться послать встрѣчу идущему въ Сызрань его превосходительству Павлу Дмитріевичу, и уже какъ уповаю онъ близко, то и самъ, можетъ быть, просить его о поспѣшеніи къ нему поѣду. Сіе разсѣвалъ я и вездѣ, чтобъ ободрить народъ. Такимъ образомъ выѣхалъ я изъ Саратова — часовъ за 15 до нападенія варвара на городъ оной. Послалъ дѣйствительно главнѣйшаго моего лазутчика Серебрякова къ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, которыйи не доѣхалъ до его на Иргизской степи и съ сыномъ убитъ. Миѣ отъ опасностей не выгодиѣ его было ѣздить токмо съ двумя для курьерскихъ посылокъ имѣющимися у меня гренадерами. Переѣхалъ за Волгу, ибо по нагорной сторонѣ уже проѣзжать нельзя было; изъ Малороссійской слободы, когда до свѣту миѣ лошадей сыскать не могли, или паче, уже грубіянили, употребилъ я сіе время на написаніе рапорта къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу, а тамъ дѣйствительно я доносилъ, что я изъ Саратова выѣхалъ, и что ему предстоить всеконечно судьбина несчастія. Кто повѣритъ этому, что я Пугачева былъ общникъ и, приготовивъ ему скрытыя стези сорвать Саратовъ, самъ изъ него удалился? Ежели сего быть не могло, какъ же я навѣрное пророчить могъ, что онъ отъ мятежника разорень будетъ? Худой самыи разумъ по единому зрѣлищу его дѣянія долженъ былъ того надѣяться и необходимо уповать. Се образъ, что

всѣ наши приключенія суть слѣдствія нашихъ собственныхъ распорядковъ.

«На другой день, т. е. 6 числа августа, получилъ я извѣстіе, что Пугачевъ по полудни въ 3-мъ часу къ Саратову пришелъ. Тогда мнѣ не о приведеніи въ него моихъ ратниковъ помышлять надлежало, но какъ бы имъ благопоспѣшно въ цѣлости нѣсколько обождать до свершенія прямо Саратовской судьбины; ибо они уже были отрѣзаны. Поѣхалъ было я къ нимъ, но на дорогѣ уже гораздо ночью получилъ встрѣчное извѣстіе, что Саратовъ взятъ измѣнами гражданъ, или нахальная злодѣйская злопрометчивость была виною скорому его рушенію, того я въ немъ за небытностью, какъ то уже и видно, сказать не могу. Но только я уже тогда пеицисъ долженъ былъ о томъ, чтобъ совсѣмъ толь часто упоминаемыхъ крестьянъ возвратитъ и распуститъ. Зналъ я, что шумъ паденія Саратовскаго за собою повлечетъ сердца. Когда городъ не устоитъ, чего отъ силъ колеблющихся дожидаться должно? Такимъ образомъ чрезъ приказаніе удачно возвратилъ я рать свою въ свои дома; а съ казаками со стомя челоуѣками есаулу Богатыреву занимать наблюденіемъ въ селѣ Воскресенскомъ Сызранскую дорогу велѣлъ. Самъ же 7-е и 8-е число до половины все пробылъ близъ Саратова въ колоніяхъ, ибо мнѣ хотѣлось и коль нужно знать должно было, куда стремительнѣйшій хищникъ кровожаждущій свой наклонилъ рыскъ: на Янкъ ли, какъ я о томъ предувѣдомленъ былъ, или внизъ рѣки Волги, дабы мнѣ о семъ точно и донестъ его превосходительству Павлу Дмитріевичу. 8 числа въ полдень, будучи въ колоніи Панинской, получилъ я отъ посылаемыхъ подлазчиковъ извѣстіе, что партія Пугачева уже на луговой сторонѣ, и что посланы за мною нарочные, о чемъ и есть въ секретной комисіи письменныя свидѣтельства, а изъ Малыковки тожъ увѣдомленъ я, что пагубныя и къ разбою склонныя души, узнавъ о разореніи Саратова, явной учинили бунтъ для грабежа своихъ зажиточныхъ сожителей и истребленія начальниковъ; почему, тогда, приказавъ находившимся тамъ для караула 20 челоуѣкамъ фузелерамъ, прикрывъ сборную волостную денежную казну государскую и письменныя мои по секретной комисіи дѣла, слѣдовать въ Сызрань; а самъ, но уже будучи отрѣзанъ

ото всёхъ, однимъ только своимъ лицомъ пріѣхалъ въ городъ; ибо со стороны луговой изъ колоній я взялъ свой путь. Въ сіе жъ время казачій есауль Богатыревъ, будучи окружаемъ, долженъ былъ также ретироваться къ Сызрану; а на пути удачнымъ обманомъ, притворясь, что онъ и самъ мятежникъ, выманилъ изъ Малыковки отъ народа возмутителей и на дорогѣ ихъ перевязалъ. Какъ я въ пути съ вымыслу письменной послалъ по жителямъ приказъ, чтобъ для корпуса его превосходительства Павла Дмитріевича пріуготовить великое множество подводъ, то симъ возмущеніемъ нѣкоторымъ образомъ бояся наложилю на себя узду и невредимымъ оставлю Богатырева; а слухъ о дѣйствительномъ пребываніи его превосходительства Павла Дмитріевича и самымъ дѣломъ воздержалъ вихерь кривокрылы, стремящейся по слѣдамъ моимъ. 10-е число подалъ я его превосходительству Павлу Дмитріевичу о Саратовѣ рапортъ, а онъ тотчасъ и соизволилъ командировать Яицкихъ казаковъ подкрѣпить Богатырева и воспретить злу какъ нахальствующему пролиться къ Сызрану и Сибирску, такъ и на луговой сторонѣ на крайнія отъ Иргизу колоніи.

«Сіе есть, ваше сіятельство, сколько нибудь ясное описаніе комисіи моею до паденія Саратова и исторія объ отлучкѣ отъ онаго; но чтобъ не изволили помыслить, что я многорѣчіемъ хотѣлъ затмить силу справедливости и не по важности мнѣ вышензображенныхъ вопросовъ отвѣчать, то короче донесу: комисія моя, по приложенному здѣсь наставленію, какаѣ и отъ кого дана была, видима. Команды я не имѣлъ. Постъ мой былъ подвиженъ, гдѣ я заблагоразсужу. Въ Саратовѣ былъ я для объявленія награжденія за поимку злодѣя и проповѣди о неприлѣвленіи къ нему, для чего и собраны были отъ меня поддискн подъ смертною казнію. Отлучился я отъ него, что услышалъ склоненія къ бунту въ другомъ мѣстѣ, для меня важнѣйшемъ. Удалился я въ Сызранъ, что мнѣ уже не можно стало въ мѣстѣ безъ команды, гдѣ случился я, никакъ обойтися. За 15 часовъ я изъ Саратова выѣхалъ, не имѣвъ при тысячѣ человѣкъ близко войска никакой опасности» (т. е. опасенія), «кромѣ ихъ безпорядка. Зрите, ваше сіятельство, мой справедливый долгъ, а прочее, что я дѣлалъ, то изъ особеннаго моего усердія

къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Императрицѣ, и что должно быть безчувственному, ежели смотрѣть равнодушно на гибель своего отечества и не прилагать крайнихъ силъ вымыслить ему помощь. Подлинныхъ документовъ для того я здѣсь не приложилъ, что ежели ваше сіятельство къ чести моей прикажете нарядить судъ, то я и тогда оныя представлю. Приказаніе вашего сіятельства о сихъ же отвѣтахъ и черезъ его превосходительство Павла Дмитриевича честь получить имѣлъ, но какъ я уже донесъ по приказанію его сіятельства князь Петра Михайловича чрезъ сіе, то и подвергаю сіи мои донесенія на милостивое вашего сіятельства разсмотрѣніе.

«Окончая съ подобострастіемъ отвѣты на вопрошаемое, осмѣливаюсь у вашего сіятельства просить извиненія, что я отважилъя прямо собою особѣ вашей поднести мои изъясненія, или что прежде о комисіи моей не поднести глубочайше почтительнаго рапорта. На первое доношу, что правда сама собою предстоять дерзаетъ вездѣ, а на второе, что порядокъ службы того требовалъ, что я со дня вашего главпокомандованія о дѣлахъ моихъ доносилъ младшимъ по васъ начальникамъ. Пріявши въ первый разъ подъ команду свою въ полѣ отрядъ въ экспедицію Киргизовъ, гдѣ, бывъ яко важный предводитель, доносилъ объ успѣхахъ генералу, миѣ поручившему сіе, а по возложенному на себя по наставленію дѣлу, гдѣ, бывъ яко комисіонеръ, репортовалъ о чемъ должно было предѣдателью секретной комисіи.

«Теперь остается миѣ только всенжайше доложить вашему сіятельству, что ежели начертанныя здѣсь истины изобразили мой сущій долгъ, то изреченное миѣ благоволеніе вашего сіятельства за битву съ варварами теперь расширеннымъ принимаю чувствіемъ, и долженъ изъ внутренней похвалиться благодарности, что по нынѣшней комисіи начавъ носить милости его превосходительства покойнаго Александра Ильича, имѣлъ ихъ въ счастье отъ всѣхъ находившихся въ ней генераловъ, а вашимъ сіятельствомъ вѣнчалъ свое благополучіе.

«Подлинный подписаль: Гвардіи поручикъ

Гавріилъ Державицъ».

Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало на строгаго начальника это безконечное оправданіе мелкаго подчиненнаго, написанное съ явными претензіями на краснорѣчіе. Однакожъ графъ Панинъ удостоилъ отвѣчать Державину прямо отъ себя, притомъ тономъ не столько жесткимъ, сколько отчасти насмѣшливымъ, отчасти покровительственно-нисходительнымъ. Въ отвѣтъ его отразился взглядъ вельможи и сановника 18-го вѣка на высокое значеніе чина и служебнаго старшинства: оцѣнивъ по письму Державина умъ его и дарованія, отдавая справедливость его проникательности и пылкому усердію, онъ не могъ простить смѣлости, съ какою молодой, маленькій по чину человекъ вмѣшивался въ распоряженія высшихъ и, какъ предполагалъ графъ Панинъ, по этому самому болѣе свѣдущихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ издѣвается надъ краснорѣчіемъ Державина и, забывая, что самъ онъ прежде велѣлъ благодарить его за Киргизскую экспедицію, забывая также добровольную попытку его идти въ Петровскъ, Панинъ говоритъ, что доказательствомъ ревности Державина будутъ служить одни только слова. Отчего же всѣ другіе генералы, начиная отъ Бибикова и до Суворова, такъ одобряли его распоряженія, отчего и Кречетниковъ, не смотря на прежнее пренебреженіе къ нему, въ нуждѣ просилъ его помощи, да наконецъ и самъ Панинъ началъ свои сношенія съ Державинымъ изъясненіемъ ему признательности за послѣднее дѣло?

Помѣщая здѣсь замѣчательный отвѣтъ Панина (СXXXVI), долгомъ считаемъ упомянуть, что онъ былъ уже напечатанъ въ въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1844 г. (№ 9): редакція этой газеты получила его отъ внука храбраго коменданта, отъ Константина Карловича Бошняка, бывшаго въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Нерехтѣ (Костромской губерніи)²⁾. Потомъ этотъ документъ былъ перепечатанъ и въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1850 г. (т. LXVIII).

---

2) Для полученія ближайшихъ свѣдѣній о Бошнякѣ я, въ началѣ вышшняго года, обращался съ покорнѣйшею просьбою письменно къ г. депутату Нерехтскаго дворянства инженеръ-поручику Александру Константиновичу Бошняку, но до сихъ поръ (въ маѣ мѣсяцѣ) еще не имѣлъ удовольствія получить отъ него отвѣта.

Мы заимствуемъ его изъ подлинной переписки Державина (№ СХХХVI).

«Ордеръ лейбъ-гвардіи господину поручику Державину.

«Рапортъ вашего благородія ко мнѣ, пущенный отъ 5 числа, со всѣми приложеніями я получилъ.

«По весьма великой его подлинно обширности, конечно имѣли вы настоящую причину подумать, что при моемъ нынѣшнемъ многозаботномъ Ея Императорскому Величеству служеніи, можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдано ваше обо мнѣ благое заключеніе: я при полученіи его хотя уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся, но другую половину не оставилъ употребить въ самое внятное его прочтеніе.

«Къ сожалѣнію моему, по тому чистосердечію, которое я непремѣннымъ себѣ закономъ, особливо въ должностяхъ службы поставляю, принужденъ я вамъ симъ открыться: все онаго пространство ничего во мнѣ другаго не произвело, какъ примѣчаніе, что вы больше несчастливы нежели всѣ украшительныя слова въ ономъ рапортѣ вамъ послужили, потому что сколь подлинно, что они самыя выбранныя и довольно краснорѣчиваго искусства въ себѣ имѣютъ, но и то неоспоримая правда, что сколь ваши намѣренія, которыя вы тѣмъ краснорѣчіемъ изъясняли, ни были благи и усердны къ пользѣ отечества, но по несчастію вашему, для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ произошло, ибо злодѣи вами не пойманъ. Всѣ тѣ мѣста были имъ похищены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти, вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ не принадлежащія должности, наставляя и предосуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходную, изъ чего обыкновенно болѣе происходитъ поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія онымъ. Я по такому моему о всемъ томъ вниманію и по нежеланію отступить отъ употребляемыхъ мною всегда по службѣ должности моей чистосердечія и откровенности, теперь и нахожу себя вынужденнымъ сказать вамъ сіе.

«Въ доказательство тому, что вы истинно желали положить и не щадить никакъ живота своего въ службѣ Ея Императорскаго Величества, вами воспріятой противу врага Ея и всей Имперіи, будутъ служить только одни слова; а комендантъ Саратовской имѣетъ то, что онъ не покидалъ своего города, защищая его не токмо до самой послѣдней крайности, но и при сущей пзмѣнѣ и передательствѣ (sic) къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми вѣрнѣйшими и усерднѣйшими къ Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ рабами, прошелъ съ ружьемъ въ рукахъ сквозь всю столь много ужасающую злодѣйскую толпу, въ такую опять крѣпость, на которую злодѣи по примѣчанію устремлялся жъ, а не туда, гдѣ бѣ онъ безопасенъ былъ; почему и представляется мнѣ, что гораздо легче сему коменданту предъ военной судъ явиться, еслибѣ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъявленію вами желанія военнаго суда, ибо регулы военныя да и все прочіе законы пріемлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность больше существительныя дѣйствія, нежели сокровенность челоувѣческихъ сердець, изъявляемыхъ словами. Сего ради, по истинному къ вамъ усердію, совѣтую отложить желаніе ваше предъ военной судъ.

«При томъ рекомендую, въ теперешнемъ моемъ начальствѣ надъ здѣшними войсками и тремя губершями, не употреблять вамъ себя ни совѣтами, ни вѣщью ни въ какія дѣла, которыя вамъ точно отъ мѣстъ и персонъ, настоящую власть имѣющихъ, препоручены не будутъ, пылкость смѣлости вашей убавить, въ разсужденіяхъ, представленіяхъ и толкованіяхъ о дѣлахъ, вашей должности непрепорученныхъ, и къ чинамъ и заслугамъ выше вашего настоящаго состоянія; увѣрясь совершенно, что и при дарованіи небесъ самаго лучшаго разума, какъ къ краснорѣчю и къ представленію вообще въ хорошемъ видѣ потребны только наука и выборъ словъ, такъ насупротивъ, къ существительному произведенію безошибочно и съ вѣрностію дѣла, надобно напередъ испытаніе себя самого въ существительнѣйшемъ же дѣйствіи, къ чему и руководствуетъ болѣе всего практика, а потому добродѣтель и благоразуміе научаетъ, что въ неиспытанныхъ собою дѣлахъ меньше или и вовсе на себя не

надѣяться, по искать пріобрѣсти спознаиіе оныхъ чрезъ людей, въ практикѣ упражняющихся.

«Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселешной наградишь, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нащей Великою Государыни и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ есмь

Вашего благородія

вѣрной слуга

Графъ Петръ Панинъ».

Въ одномъ изъ ближайшихъ донесеній своихъ Императрицѣ, графъ Панинъ довелъ до ея свѣдѣнія между прочимъ переписку свою съ Державинымъ и представилъ цѣлкомъ приведенный нами сей часть ордеръ. Государыня, отвѣчая 20 ноябрю разомъ на восемь донесеній Панина, дала въ письмѣ своемъ слѣдующій отзывъ по этому предмету: «Касательно до дѣла поручика Державина и Саратовскаго коменданта наша я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оной истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправить, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія» (т. е. вознагражденія)³⁾. Изъ этихъ словъ видно, что Панинъ не разъ просилъ за Бошняка. Припомнимъ, что онъ обѣщалъ донести Императрицѣ и о подвигѣ Державина противъ Киргизовъ (см. выше ордеръ Голицына, № СХХVII). Исполнилъ ли

---

3) Письмо Императрицы Екатерины II къ графу П. П. Панину. См. Чтеніе въ Общ. исторіи о древн. 1838 г. кн. II. — Бошнякъ дѣйствительно былъ награжденъ. Одинъ изъ офицеровъ, оставшихся при немъ во время нападенія Пугачева на Саратовъ, — Зоргеръ писалъ Державину отъ 26 марта 1773 г. (№ 147): «Уже извѣстно стало, что наша всемилоствѣйшая Государыня пожаловала Саратовскому коменданту, полковнику Бошняку 370 дунгъ, а жеиъ его 2 т. руб., — ему за дѣло при нападеніи на Саратовъ злодѣя Пугачева, а ей потому что она жаловалась, что все потеряла при этомъ нападеніи».

онъ этотъ долгъ справедливости? сомнительно, потому что въ отвѣтъ Государыни нѣтъ ни одного слова въ пользу Державина; а между тѣмъ въ томъ же письмѣ, нѣсколько прежде, читаемъ: «Ваши рекомендаціи о капитанѣ Галаховѣ, о маіорѣ Руничѣ, капитанѣ Поваля-Швейковскомъ, поручикахъ: Моско-тишевѣ, Ершовѣ и Голенищевѣ конечно мною уважены будутъ. Рунича велю опредѣлить въ армію, а прочіе награжденіемъ недвижимыхъ сравнены быть имѣютъ». Таково было начало невзгоды, которая долго преслѣдовала Державина.

Между тѣмъ Потемкинъ не разъ уже звалъ его въ Казань ⁴⁾. «Если можете такъ устроить, писалъ онъ ему между прочимъ (№ СХХХV), что и въ отсутствіе ваше съ Иргиза суевѣръ Филаретъ не избѣжитъ рукъ, то пріѣзжайте сами въ Казань, дабы могъ я съ вами переговорить.

«Привезите съ собою все, что до лучшаго открытія замысловъ врага можетъ быть, не забудьте также взять Филипова; я увѣдомляю ваше высокоблагородіе, что къ двадцатому числу отправлюся на Яикъ ⁵⁾, и такъ поспѣшите меня прежде видѣть, пока я не выѣду изъ Казани.» Поэтому Державинъ во второй половинѣ октября рѣшился ѣхать къ Потемкину, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представиться и Панину въ Симбирскѣ, куда можно было попасть безъ большаго объѣзда. Державинъ откровенно сознается, что ордеръ графа «внушилъ молодому чувствительному къ чести офицеру желаніе ѣхать самому къ графу и, лично съ нимъ объяснившись, разсѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе.» ⁶⁾ Въ Запискахъ своихъ Державинъ подробно разсказываетъ свое свиданіе съ Панинымъ: какъ этотъ вельможа сперва холодно и сухо принялъ его, но, разговаривая съ нимъ съ глазу на глазъ, былъ тронутъ до слезъ, когда Державинъ на упрекъ, что мѣ-

---

4) Такъ и отъ 3 октября Потемкинъ писалъ Державину изъ Симбирска (№ СХХХІХ): «По исполненіи сего имѣете возвратиться въ Казань. Впрочемъ употребите всю возможность доставить ко мнѣ извѣстнаго игумена Филарета: les grandes évènement (sic) et des tres fortes raisons требуетъ того; а если кто найдетъ его, общайте награжденіе сто рублей и болѣе, да привезите съ собою Малыковского крестьянина Василія Ивасова сына Попова.

5) Это намѣреніе осталось безъ исполненія.

6) Къ этому рѣшенію способствовало конечно и частное письмо князя Голицына отъ 13 сентября (№ 97) о продолжающемся неудовольствіи графа Панина.

шался не въ свое дѣло и дерзко обращался съ Саратовскимъ комендантомъ, возразилъ: «Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ, изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ службѣ Государыни приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя впушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города.» — Садись, мой другъ, я твой покровитель, сказалъ смягчившійся графъ, который, по словамъ князя Голицына, бывшаго въ то время также въ Симбирскѣ, недѣли двѣ при всякомъ случаѣ твердилъ, что онъ ждетъ отъ Императрицы повелѣнія повѣситъ Державина вмѣстѣ съ Пугачевымъ. Дѣйствительно, при первомъ представленіи Державина, графъ Панинъ только спросилъ его, видѣлъ ли онъ Пугачева? Видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ, отвѣчалъ офицеръ. Тогда графъ, какъ бы въ насмѣшку надъ безуспѣшными стараніями его поймать самозванца, приказалъ привести своего плѣнника, спросилъ его о здоровьи и обнадежилъ милостью Государыни. Но на другой день послѣ примиренія съ Державинымъ, Панинъ пригласилъ его къ обѣду и за столомъ много съ нимъ разговаривалъ. Вечеромъ опять все собрались къ вельможѣ, и тутъ-то Державинъ испортилъ все дѣло одною необдуманною нечеловкостью: вмѣсто того, чтобы дожидаться слѣдующаго дня и откланяться начальнику въ особой аудіенціи, онъ подошелъ къ графу, когда тотъ сѣлъ за карточный столъ, и сказавъ, что ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, спросилъ, не угодно ли будетъ что приказать. Разгнѣванный такою безцеремонностью, графъ отворотился и сухо отвѣчалъ: «нѣтъ». Прежнее нерасположеніе его къ Державину возобновилось, и уже навсегда.

Въ Казани онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что и Потемкинъ къ нему перемѣнился. Вѣроятно этотъ генералъ былъ болѣе всего недоволенъ тѣмъ, что не смотря на желаніе, выраженное имъ Державину (см. ордеръ № СХХІІ), Пугачевъ попалъ къ Панину, а не къ нему ⁷⁾. Сверхъ того «случилось, говорить Держа-

---

7) Причиною недовольства Потемкина Державинъ полагаетъ также и то, что на требованіе отъ него отчета въ Саратовскихъ дѣйствіяхъ отвѣчалъ не чрезъ этого генерала, а прямо отъ себя самому графу Панину; но изъ бумагъ не видно, чтобы еще и Потемкинъ писалъ Державину объ этомъ отчетѣ. Довольно было и

внѣ, небольшое любовное соперничество, въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаетъ быть генералу», и это увеличило между ними охлажденіе. По этимъ ли обстоятельствамъ или подъ вліяніемъ мнѣнія графа Панина, только несомнѣнно, что Потемкинъ дѣйствительно уже не прежними глазами смотрѣлъ на Державина. Онъ даже, подобно Панину, потребовалъ отчета въ дѣйствіяхъ Державина, какъ видно изъ слѣдующаго рапорта послѣдняго отъ 16 ноября, поданнаго Потемкину въ Казани (№ 82): «По повелѣнію вашего превосходительства, данное мнѣ наставленіе отъ его высокопревосходительства покойнаго генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, а притомъ какъ его, такъ и прочихъ генераловъ присланные ордера, при семъ приложить же честь имѣю. Что же почему исполняемо мною было, то слѣдуетъ экстрактомъ. Ежели ваше превосходительство заблагоразсудитъ изволите подлинныя приложенныя здѣсь ордера оставить у себя, то я прошу о пожалованіи мнѣ съ нихъ копій, или списавъ, оригинальные возвратитъ повелите»⁸⁾. Къ этому рапорту было приложено и «Сокращеніе коммисіи поручика Державина», которымъ мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ. Тогда же Потемкинъ далъ Державицу ордеръ о вторичной поѣздкѣ на Иргизъ. Вотъ онъ (№ СXXXVII): «По открывшимся дѣламъ и допросу злѣйшаго изверга и самозванца Емельки Пугачева извѣстной раскольническаго Мечетнаго монастыря настоятель Филаретъ оказался весьма важнымъ. Ваше высокоблагородіе имѣете для сего отправиться въ Мальковку, и поелику вамъ тамошнія мѣста и жители извѣстны, поелику обстоятельства и свойства живущихъ тамо людей вы открыть могли, употребите всевозможное раченіе сыскать сего главнѣйшаго сообщника и руководителя самозванца. Я не предписываю вамъ на сіе никакихъ предположеній; усердіе ваше, доказанное въ произведеніи данной вамъ коммисіи отъ покойнаго г. генерала-аншефа Александра Ильича Бибикова, заслуживая всю справедливость похвалъ, обладаеки-

---

того, что князь Голицынъ и Мансуровъ требовали, чтобъ онъ къ каждому изъ нихъ доставилъ свой рапортъ для препровожденія къ графу Панину.

8) При этомъ-то случаѣ въ рукахъ П. С. Потемкина могли остаться въкоторыя бумаги, которыхъ недостаетъ въ тетрадахъ Державина.

ваегъ меня въ полной силѣ, что не упустите вы въ семъ случаѣ умножить вашу ревность къ службѣ Ея Императорскаго Величества и тѣмъ подадите новой способъ мнѣ засвидѣтельствовать предъ священнымъ Ея Величества престоломъ ваши услуги. Я нужнымъ почитаю упомянуть, что не шадите ни трудовъ, ни денегъ къ развѣдыванію о его укрывательствѣ, дабы какимъ бы ни было способомъ его схватить удалось ; для сего повелѣлъ я выдать вамъ 300 руб., изъ которыхъ можете лазутчикамъ давать приличныя награжденія, наблюдая однакожъ весьма, чтобы лъстясь наградою не было таковыхъ, которые обманомъ проводятъ искали, и для того рекомандую вамъ прилежно разсматривать свойство тѣхъ, которыхъ къ сему употребите.

«А чтобы прикрыть предметъ вашего пребыванія, потщитесь удостовѣрить жителей, что присланы для того только, чтобъ каждый приходилъ съ чистымъ раскаяніемъ, въ прежнее повиновеніе шель съ лучшею надеждою къ вамъ явиться, яко къ повѣренному отъ секретной комиссіи, весьма извѣстной въ народѣ, и что имѣете повелѣніе возвращающихся въ жилища свои безъ наказанія и безвозвратно въ ихъ домахъ оставлять съ покоемъ, давая имъ только билеты ; объявляйте, что повсюду таковыя жъ комиссіонеры рассылаемы будутъ, дабы всякое подозрѣніе отвлещи. Симъ способомъ уповательно привлечете вы и сего злодѣя явиться въ обители ; между тѣмъ обратите все вниманіе свое на сію обитель и, если возможно, кого изъ раскольниковыхъ иноковъ обѣщаніями заманить, паче же казначея его Фадея старайтесь привлечь ко услугамъ вамъ въ сказанномъ дѣлѣ.

«Впрочемъ обнадеживаю васъ, что исполненіе сіе съ успѣхомъ весьма будетъ благоугодно Ея Императорскому Величеству, и вы, исполняя долгъ свой съ большею ревностію, большаго воззрѣнія Монаршаго учините себя достойнымъ».

Державинъ въ слѣдствіе этого новаго порученія собирався уже въ путь, но, развѣзжая по городу въ суровое и сырое время года, схватилъ горячку, которая надолго задержала его въ Казани. Еще онъ не выздоровѣлъ, когда Императрица приказала Потемкину ѣхать въ Москву для уча-

стія въ допросѣ Пугачеву⁹⁾. Наконецъ, вѣроятно, въ началѣ марта 1775 г. Державинъ поправился и ему подтверждено было ѣхать въ Саратовъ и другія близъ Иргиза лежащія мѣста¹⁰⁾. Онъ приписалъ это непріязни Потемкина, потому что, говоритъ онъ, «для поиска Филарета отправлены были уже гласно отъ графа Панина военныя команды и слѣдовательно тайный его поискъ въ той странѣ едва ли былъ и нуженъ». Это было для Державина тѣмъ больнѣе, что прочіе офицеры, находившіеся въ секретной комисіи, тогда же отпущены были въ Москву. «Такимъ образомъ, сказано въ его Запискахъ, онъ пробылъ всю весну и небольшую часть лѣта 1775 въ колоніяхъ праздно.... Въ іюнѣ получилъ онъ отъ генерала Потемкина ордеръ, повѣлѣвающій ему явиться къ полку, который находился, какъ и весь дворъ, давно уже въ Москвѣ¹⁾». Здѣсь память явно измѣнила Державину, потому что подлинный ордеръ Потемкина, призывающій его въ полкъ, подписанъ 17 февраля и полученъ Державинымъ 29 марта. Потемкинъ писалъ (*№* СХХХVIII): «Въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, полученнаго мною 12 числа сего мѣсяца, повелѣно мнѣ всѣхъ гвардіи господъ офицеровъ послать въ полки; почему и имѣете ваше высокоблагородіе отправиться сюда какъ наискорѣе возможно, по прибытіи жъ явиться въ полку, а въ дежурство отъ меня объ ономъ указѣ представлено».

Возможно, что Державинъ послѣ этого ордера получилъ другой, который предписывалъ ему продлить свое пребываніе на Волгѣ, но изъ его бумагъ этого не видно²⁾. Какъ бы ни было,

---

9) Въ письмахъ Екатерина II къ князю М. И. Волконскому сказано: отъ 20 декабря 1774 г. «Я отправляю обратно въ Москву П. С. Потемкина», а отъ 7 января 1775 г. «Изъ письма вашего отъ 26 декабря усмотрѣла я о пріѣздѣ въ Москву генералъ-маіора Потемкина». Москвит. 1843, *№* 9.

10) Капитанъ Вильгельмъ писалъ 24 февраля Державину въ Казань, что его съ часу на часъ ожидаютъ въ Малыковкѣ.

1) Императрица выѣхала изъ Царскаго села 16 января (черезъ 6 дней послѣ казни Пугачева), 22 числа была во Всесвятскомъ, а 25-го имѣла въѣздъ въ Москву. См. СПб. Вѣдом. 1775 года.

2) Въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1775 г. (*№* 11), изъ Мечетнаго монастыря, Вильгельмъ изъявляетъ сожалѣніе о предстоящемъ отъѣздѣ Державина, но вѣстѣи и надежду, что онъ скоро возвратится.

Въ письмѣ отъ 6 мая, изъ колоніи Панинской (*№* 146), жена капитана Вильгельма прощается съ Державинымъ, такъ какъ онъ писалъ ей мужу, что увязаетъ на другой день, 7 числа.

онъ прибылъ въ Москву не прежде іюля мѣсяца, не задолго до празднованія мира съ Турціею (которое происходило 10 числа). Въ послѣдніе мѣсяцы, проведенные имъ большею частію въ колоніяхъ, онъ имѣлъ довольно досуга для литературныхъ занятій, и тогда-то конечно писалъ онъ свои Читалагайскія оды.

Въ проѣздъ чрезъ Казань, на пути въ Москву, онъ тамъ почти не останавливался; не только городской домъ его матери, но и имѣнія ея, какъ Казанскія, такъ и Оренбургскія, были разорены, сама старушка, едва спасаяся изъ рукъ Пугачевцевъ, была сокрушена горемъ, и свиданіе ея съ сыномъ не было радостно послѣ столькихъ потерь и въ виду лишеній, которыя оба могли предвидѣть въ будущемъ.

Въ Москвѣ Державинъ увидѣлъ себя въ неблагопріятныхъ служебныхъ обстоятельствахъ: въ его полку были новые начальники, вовсе его не знавшіе — графъ (вскорѣ князь) Г. А. Потемкинъ и майоръ Федоръ Матвѣевичъ Толстой. Оба приняли его безъ всякаго вниманія — потому, думаетъ Державинъ, что первыи слышалъ о немъ холодные отзывы своего родственника, Павла Сергѣевича, а послѣдній предубѣжденъ былъ наговорами своего любимца, офицера Цурикова, который еще до командировки Державина былъ съ нимъ въ ссорѣ. Вѣрно было «числить его при полку просто, какъ бы явившагося изъ отпуска или изъ какой незначущей посылки». А тутъ, какъ нарочно, встрѣтился еще одинъ непріятный случай. Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ; такъ какъ въ отсутствіи его графъ Потемкинъ измѣнилъ строевой порядокъ, то нашъ офицеръ, не зная этого, и скомандовалъ невѣрно; такая ошибка тѣмъ болѣе была сочтена непростительною, что «рота, наряженная въ караулъ, была на щегольство Потемкинымъ по его вкусу въ новыи мундиръ одѣта и предъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ Задунайскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву для торжества мира, смотрѣвшимъ изъ дворцовыхъ оконъ, должна была заходить повзводно. За сію невинную ошибку, когда выступилъ полкъ въ лагерь на Ходынку, провинившійся офицеръ не въ очередь назначенъ на палочный караулъ». Конечно и всякой другой, на мѣстѣ Державина, былъ бы чувствительно

оскорбленъ такимъ униженіемъ послѣ роли, которую онъ игралъ во время Пугачевщины, послѣ уваженія, какое ему оказывали значительныя лица въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Тѣмъ большѣе должно было быть это униженіе для пылкаго, честолюбиваго, самонадѣяннаго Державина, который справедливо хвалился своею чрезвычайною ревностію въ порученномъ ему дѣлѣ и приписывалъ себѣ большія въ немъ заслуги. Прибавимъ къ тому финансовое стѣсненіе, въ которомъ находился Державинъ; къ дурнымъ, и безъ того уже, домашнимъ его обстоятельствамъ, присоединилось еще то, что человекъ, за котораго онъ когда-то поручился въ дворянскомъ банкѣ, Алексѣй Николаевичъ Масловъ, не только не платилъ своего долга казнѣ, но и скрылся совершенно, такъ что Державинъ обвиненъ былъ въ подложномъ ручательствѣ и банковое взысканіе обращено на него; а такъ какъ собственнаго его имущества на удовлетвореніе претензій казны было недостаточно, то и имѣніе матери его было взято подъ опеку.

Покровителей у Державина не было; тѣ, которые во время опаснаго бунта такъ высоко цѣнили его содѣйствіе, такъ выхваляли его и обнадеживали своимъ предстательствомъ предъ Императрицей—Потемкинъ и Голицынъ, забыли его услуги и свои обѣщанія, отступились отъ него, когда увидѣли нерасположеніе къ нему Панина. Тогда у Державина мелькнула надежда приобрести новаго покровителя. Проѣзжая черезъ Свіяжскъ, услышалъ онъ отъ тамошняго воеводы, что съ нимъ желаетъ познакомиться въ Москвѣ князь Щербатовъ, — не тотъ, который былъ недавно его начальникомъ, а Михаилъ Михайловичъ, герольдмейстеръ, дѣйствительный камергеръ, уже извѣстный тогда въ литературѣ тремя первыми томами своей исторіи и изданіемъ журнала Петра Великаго. Такое желаніе со стороны знатнаго и довольно высоко стоявшаго лица крайне удивило Державина. Явясь къ князю въ Москвѣ, онъ узналъ причину этого приглашенія, не менѣе для него лестную: Щербатовъ, получивъ отъ Императрицы для храненія въ государственномъ архивѣ донесенія Державина, пожелалъ лично узнать офицера, который распоряжался и писалъ такъ энергически. Это обстоятельство показываетъ намъ, что Императрица читала не только

отвѣтъ графа Панина на приведенный нами въ своемъ мѣстѣ подробный отчетъ Державина, но и самый этотъ отчетъ, а сверхъ того вѣроятно и нѣкоторые другіе рапорты его, можетъ быть и письма Бошняку: бумаги эти были конечно представлены Екатеринѣ Панинымъ вмѣстѣ съ жалобами его на Державина. Князь Щербатовъ принялъ послѣдняго очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ его несчастливымъ и прибавилъ: «Графъ П. И. Панинъ страшный вашъ гонитель. При мнѣ у Императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ» и т. п. — Какъ громъ поразило это Державина, сознается онъ въ своихъ Запискахъ. Естественно, что онъ тутъ же выразилъ надежду на покровительство новаго и единственнаго своего доброжелателя, который, какъ онъ предполагалъ, могъ помочь ему оправдаться предъ Государыней. «Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Щербатовъ: я не въ силахъ подать вамъ какой либо помощи: графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противоборствовать никакъ не могу». Державинъ возвратился домой съ растерзаннымъ сердцемъ и излилъ свое горе слезами.

Однако жъ онъ вскорѣ ободрился и, рѣшась дѣйствовать смѣлѣе, просилъ маіора Толстаго представить его графу Потемкину; когда же тотъ отговорился отъ этого, то онъ 11-го іюля написалъ своему главному начальнику (будущему князю Таврическому) слѣдующее письмо (№ 112):

«Въ кончицѣ его высокопревосходительства Александра Ильича скончался мой покровитель. Ежели есть надежда, то она въ главномъ моемъ начальникѣ, и это въ вашемъ сіятельствѣ.

«Исполняя мой долгъ, когда бы я произвелъ и наивеличайшія отечеству услуги, то и тогда бы я въ награду себѣ просить не отважился. Но ежели были со мною въ одной комисіи: Мавринъ, Собакинъ и Горчаковъ, и получили нынѣ за труды свои Высочайшую милость, то я нахожу себя предъ ними обиженнымъ. Я еще смѣю себя наиболѣе поставить имъ въ сравненіе потому, что я въ трудахъ своихъ не имѣлъ ни одного помощника и чрезъ цѣлой почти годъ, бывши въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ одинъ въ опасностяхъ. Доставилъ нужныхъ людей секретной комми-

си. Сдѣлалъ диверсію отъ пролитія изъ Уралу ³⁾ злодѣямъ къ Волгѣ. Отвратилъ набѣгъ Калмыкъ отъ селеніевъ Иргизскихъ. Прикрылъ колоніи отъ расхищенія Киргизцовъ, и, разбивши ихъ, отнялъ у нихъ плѣну около 1000 человекъ колонистовъ одними собранными мною мужиками. Первый далъ всюды извѣстіе о поимкѣ Пугачева. Отъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ съ начала сей экспедиціи, за всѣ мои дѣла имѣю похвальные ордера. Сверхъ же того въ Казани и въ Оренбургскомъ уѣздѣ лишился всего своего имѣнія, даже мать моя была въ полону. Я два раза чуть не былъ въ рукахъ Пугачева. Потерялъ все, а пользоваться Монаршею милостію, взять изъ новоучрежденныхъ банковъ денегъ не могу, потому что я подъ деревни мои долженъ въ банкѣ.

«Вотъ обстоятельства подъ командою вашего сіятельства служащаго офицера. Для чего я обиженъ предъ равными мнѣ? Дайте руку помощи и дайте прославленіе имени своему».

Съ этимъ письмомъ Державинъ самъ поѣхалъ къ Потемкину, въ деревню Черную грязь, гдѣ Императрица жила въ небольшомъ домикѣ: тамъ помѣщался и Потемкинъ.. Ворвавшись къ графу на перекоръ камеръ-лакею, который стоялъ у дверей уборной, онъ подалъ свое письмо. Графъ, прочтя бумагу, сказалъ, что доложить Государынѣ. Еще два раза Державинъ являлся къ Потемкину, который сначала успокаивалъ его общаніями, но наконецъ «отскочилъ съ негодованіемъ» и ушелъ къ Императрицѣ.

Между тѣмъ Державинъ долженъ былъ хлопотать и у Голлицына, чтобъ казна возвратила ему издержки за продовольствіе войска, которое въ 40,000 подводъ жило у него недѣли двѣ въ Оренбургской деревнѣ. Ему слѣдовало тысячъ до 25, но онъ съ большимъ трудомъ выпросилъ у князя квитанцію только на 7 т. руб., «и то» прибавляетъ Державинъ князь согласился «изъ особливаго къ нему благорасположенія».

Для полученія этихъ денегъ надо было явиться въ провіантскую канцелярію въ Петербургѣ, а такъ какъ въ то же время оттуда писали, что по порученію за Маслова положено описать

---

3) Здѣсь имя Уралъ употреблено уже вмѣсто Яика, отняннаго указомъ 15 января 1775 г.

въ казну все имѣніе Державина и самого его лично требовать къ отвѣту, то «оставя всякое исканіе наградъ, отпросился въ отпускъ и поскакалъ въ исходѣ сентября въ Петербургъ», хлопотать по своему дѣлу.

Здѣсь онъ старался склонить судей помедлить исполненіемъ упомянутаго опредѣленія и въ тоже время обзаводился хозяйствомъ и одеждою изъ выданныхъ ему казною 7 т. руб., такъ какъ этой суммы далеко не достало бы на уплату долга Маслова и притомъ онъ надѣялся, что собственное его имѣніе будетъ освобождено отъ взысканія. Болѣе 2 т. пошло на уплату собственного его банковаго долга. Когда почти вся сумма была издержана, Державинъ «рѣшился поискать счастья въ игрѣ» и на оставшіеся у него послѣдніе 50 руб. выигралъ до 40 т. Но это счастье было не продолжительно. Вѣроятно оно начало уже измѣнять ему, когда онъ счелъ нужнымъ напомнить Потемкину его обѣщанія и отправилъ къ нему въ Москву письмо отъ 27 октября 1775 г. (№ 113): «Когда бы я не имѣлъ въ твердое упованіе вашего сіятельства слова, то бы уже и рѣшился положить, что я ни благоволенія Монаршаго, ни вашего предстательства не достоинъ. Всѣ получили награжденіе: морейскіе наши офицеры обошли меня чиномъ, въ Московскомъ бунтѣ служившіе получили милость, разоренные поправились, бывшіе со мною въ Пугачевскомъ дѣлѣ и тѣ награждены, которые ничего отличнаго не дѣлали. Словомъ, изливающая рука щедроты, кажется уже не находитъ болѣе ущедрять кого. Остался развѣ порокъ, да я другой не награжденъ. Но я, разбирая мою совѣсть и находя себя ни въ чемъ не виновнымъ, еще осмѣливаюсь чрезъ сіе внушить вашему сіятельству всенижайшее мое прошеніе: исходатайствуйте мнѣ когда не награду, то въ разсужденія моего разоренія справедливость. Ежели я обвиняюсь, будьте мой судья. Ежели я обношусь отъ кого, будьте въ Бога защитителя моего! Я никого кромѣ васъ не имѣю. Терзаетъ меня стыдъ, что я, будучи подъ особливимъ высокимъ начальствомъ вашего сіятельства, не могу по сію пору предъ тѣми похвалиться моею справедливою, которые менѣ меня трудились. Терпѣтъ, ожидая просто добра, есть уповать; а надежда вѣчно съ нами. Терпѣтъ невинному, ожидая, по право-

судю, удовлетворенія, есть страдать; а быть въ мукѣ и минуту тягостно. Для того я изъ Петербурга дерзаю утруждать симъ письмомъ: отдѣлите время на снисхожденіе мнѣ».

Отвѣта не было. Вскорѣ дворъ возвратился изъ Москвы. Державинъ продолжалъ играть и «можно было бы выиграть несравненно превосходныя суммы», но «фортуна переимѣнилась». Между тѣмъ онъ возвратился и къ литературнымъ своимъ занятіямъ, и въ началѣ 1776 г. напечаталъ въ типографіи академіи наукъ «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». Средства къ изданію этой книжки Державинъ нашель конечно въ выигранныхъ имъ деньгахъ, которыхъ стало даже на уплату въ банкъ 20 т. р. за Маслова. Вообще счастливая игра въ карты очень поправила положеніе Державина. Не касаясь здѣсь нисколько литературнаго значенія Читалагайскихъ одъ, замѣтимъ только ту стороцу ихъ, которая имѣетъ связь съ его биографіею. Напечатавъ ихъ безъ имени, онъ едва ли думалъ этимъ способомъ обратить на себя вниманіе Государыни и другихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Оригинальныя пьесы въ стихахъ, которыми онъ воспѣваетъ Екатерину и Румянцова, помѣщены въ концѣ и содержатъ нѣсколько весьма смѣлыхъ для того времени стиховъ, напримѣръ:

Внемлите, князи всей вселенной;
Статуи безъ достоинствъ, вы!

или:

Емелька съ Катилиной, змѣй,
Разбойникъ, распренникъ, грабитель,
И царь, невинныхъ утѣснитель,
Равно вселенной всей злодѣй.

Впрочемъ, хотя восхваленіе царствующей особы могло быть просто вызвано духомъ стихотворства, пущеннаго въ ходъ Ломоносовымъ, однакожъ возможно, что изданіе Читалагайскихъ одъ было и дѣйствительно попыткою выдти въ люди стихами. Но обстоятельству, что большую часть книжки составляютъ переводы изъ трудовъ вѣнценоснаго писателя и притомъ союзника Екатерины, нельзя кажется придавать особеннаго значенія⁴⁾:

4) Надо имѣть въ виду, что сочиненія Фридриха II пользовались тогда великою славой и переводить ихъ на разные языки было въ модѣ. В. Майковъ пе-

нѣмецкій переводъ стихотвореній Фридриха II, служившій Державину подлинникомъ, вѣроятно попался ему въ руки случайно ⁵⁾ у колонистовъ, между которыми онъ жилъ не разъ во время Пугачевщины. Можетъ быть, къ переводу этой книги способствовало и то, что Державинъ находилъ въ ней мѣста, имѣвшія примѣненіе къ его собственнымъ обстоятельствамъ. Таковы пьесы: на порицаніе (или вѣрнѣе на клевету) и на постоянство (вѣрнѣе на твердость).

Г. А. Потемкинъ впалъ на короткое время въ немилость и долженъ былъ жить подальше отъ двора: онъ поселился въ Новгородѣ. Это обстоятельство было благопріятно для Державина потому, что поубавило спѣсь и въ маіорѣ Толстомъ, который держался Потемкинымъ. Въ Петровъ день 1776 г. рота Преображенскаго полка, по обыкновенію, была наряжена на караулъ въ Петергофъ. Попасть въ этотъ караулъ считалось почетнымъ, и Державинъ выпросился туда. При баталіонѣ гвардіи, наряженномъ для этого караула, командированъ былъ штабъ-офицеръ Измайловскаго полка Фѣдоръ Яковлевичъ Олсуфьевъ, человекъ честный и доброжелательный. Державинъ, потерявъ всю надежду на Потемкина, просилъ у Олсуфьева позволенія подать чрезъ него письмо Императрицѣ. Олсуфьевъ согласился. Письмо это напечатано въ Запискахъ Державина (стр. 113) и повторяетъ, только пространнѣе, то, что было уже изложено въ письмахъ къ обоимъ Потемкинымъ. Смыслъ его, говоря сокращенно, былъ такой: Я бы никогда и не думалъ просить награжденія за исполненіе долга, еслибъ не получили награды другіе офицеры, трудившіеся въ одно время со мной и потому же порученію. Слѣдовательно я въ немилости; но это несправедливо, потому что я сдѣлалъ вотъ то-то и то-то. Сравнивъ все это съ дѣлами моихъ товарищей, вижу, что я несчастливъ. Князь

ревелъ стихами Военную науку изъ книги Безпечный философъ, соч. Фридриха II. По словамъ Баттыша-Камевскаго, и Бибиковъ перевелъ эту поэму, которая вновь была переведена прозою еще и въ 1817 г. Дм. Вороновымъ.

⁵⁾ Эта догадка подтвердилась. Г. Буличъ передалъ мнѣ купленный имъ въ Казани, на рынкѣ, экземпляръ Нѣмецкаго перевода стихотвореній Фридриха, напечатаннаго въ 1760 г. и, какъ несомнѣнно изъ сличенія многихъ мѣстъ, — служившаго Державину подлинникомъ для нѣкоторыхъ изъ его Чугалагайскихъ одъ. На этой книжкѣ надписано имя хозяина ея «Карла Христофоровича Вильмсена», который во время Пугачевщины переписывался съ Державинимъ (№ 11).

Потемкинъ, къ которому я обращался въ Москвѣ, обнадежилъ меня вашимъ благоволеніемъ, обѣщалъ мнѣ награду. Но съ тѣхъ поръ пошелъ уже другой годъ. «Представляется мнѣ, кончаетъ онъ, что не найжусь ли за что подъ гнѣвомъ челоѣколюбивой и справедливой Монархини. Мысль сія меня умерщвляетъ, Государыня! Ежели я преступникъ, да не поуститъ вины моеи или заслуги болѣе долготерпѣніе Твое безъ воздаянія.»

Приложивъ къ этому письму упомянутые въ немъ ордера, Державинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ съ ними въ Петергофъ, гдѣ жила тогда Императрица, и подалъ эти бумаги статъ-секретарю у принятія прошеній Александру Андреевичу Безбородко, который тогда только входилъ въ силу. По возвращеніи двора въ Петербургъ, Безбородко объявилъ Державину, что Государыня, принявъ милостиво его письмо, приказала спросить, какого награжденія онъ желаетъ. Державинъ, не будучи уже въ нуждѣ, отвѣчалъ, что когда служба его удостоена Всемилостивѣйшаго вниманія, то онъ ничего уже не желаетъ и доволенъ всѣмъ, что получить, что не ему назначать мѣру щедротъ Государыни.

Однакожъ дѣло не имѣло дальнѣйшаго хода до возвращенія Г. А. Потемкина, въ концѣ года, изъ Новгорода. Разъ, въ декабрѣ уже мѣсяцѣ, когда Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ и съ ротою стоялъ во фрунтѣ по Милліонной улицѣ, Потемкинъ прислалъ за нимъ ординарца. «Государыня приказала спросить васъ, сказалъ онъ, чего вы по прошенію вашему за службу свою желаете?» Державинъ отвѣчалъ было ему то же, что и Безбородкѣ. «Вы должны непременно сказать, возразилъ Потемкинъ. — Когда такъ, отозвался Державинъ, то за производство дѣлъ по секретной комисіи желаю быть награжденнымъ деревнями царствѣ съ сверстниками моими, гвардейскими офицерами; а за спасеніе колоніи по собственному моему вызову, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника. — «Хорошо, сказалъ князь, вы получите». Къ несчастію Державинъ, выходя, встрѣтилъ за дверьми маіора Толстаго, который, разспросивъ его о предметѣ разговора съ Потемкинымъ, приказалъ ему подождать и, возвратясь чрезъ четверть часа отъ князя, сказалъ:

«Вдругъ быть полковникомъ всѣмъ покажется много; подождите до новаго года: вамъ по старшинству достанется въ капитанъ-поручики, тогда и можете уже быть выпущены полковникомъ.» Итакъ Державину приходилось еще ждать. Въ день новаго года (1777) онъ по порядку произведенъ былъ въ капитанъ-поручики. «Прошелъ и январь, а о обѣщанной наградѣ и слуху не было. Принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней.» Наконецъ въ началѣ февраля, Потемкинъ, проходя мимо толпы просителей въ своей приемной, замѣтилъ Державина и сказалъ бывшему тутъ же правителю своей канцеляріи, Ковалинскому, сквозь зубы: «Напиши о немъ докладную записку». Ковалинскій, не зная въ чемъ дѣло, былъ въ затрудненіи и просилъ самого Державина составить записку: тотъ исполнилъ это и выразилъ въ своей бумагѣ желаніе, чтобы его перевели полковникомъ въ армію. Но Ковалинскій черезъ нѣсколько дней объявилъ ему, что князь не одобрилъ этого доклада, по внушенію Голстага, будто Державинъ къ военной службѣ не способенъ, почему и велѣно заготовить другую записку о выпускѣ офицера въ статскую службу. Державинъ протестовалъ, опираясь на то, что онъ представляется къ наградѣ за военныя дѣйствія. Но князь не согласился на его просьбу и по вторичному докладу Ковалинскаго. Тогда Державинъ, по порученію послѣдняго, написалъ новую записку, которая сохранилась въ его тетрадяхъ (№ 115): «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было разсмотрѣть просьбу л.-г. Преображенскаго полка капитанъ-поручика Державина, которою онъ утруждалъ о награжденіи его за его службу въ прошедшее народное возмущеніе, и какъ мнѣ благоволили Ваше Величество препоручить оное, чтобъ донести Вамъ, какого награжденія онъ достоинъ и спросить его желаніе, то я на сіе Вашего Императорскаго Величества повелѣніе донести всеподданнѣйше имѣю. Онъ, капитанъ-поручикъ Державинъ, въ разсужденіи производимыхъ имъ разныхъ секретныхъ довѣреній и комиссій, во весь продолжавшійся мятежъ былъ и отправлялъ должность свою съ особливимъ прилежаніемъ, подвергаясь неоднократнымъ опасностямъ, за что и достоинъ награжденъ быть въ сравненіе съ тамъ же бывшимъ полковникомъ Мавринымъ, который получилъ 400 душъ въ Польшѣ. Но еще

какъ онъ Державинъ, изъ особливаго своего усердія и своею волею набравъ людей, защитилъ всѣ луговья Саратовскія колоніи и спасъ болѣе 1000 человекъ плѣна, то за сію службу, по мнѣнію моему, нахожу я его достойнымъ награжденія чиномъ, а какъ онъ желаніе имѣетъ изъ гвардіи выйти и продолжать Вашего Императорскаго Величества службу у дѣлъ штатскихъ ⁶⁾, то какъ всѣ капитанъ-поручики, поступающіе въ капитаны (?), награждаются полковниками, то и ему Державину, ежели благоволенія Вашего Императорскаго Величества будетъ, дать сей чинъ не излишне ⁷⁾.

Въ слѣдствіе этой записки, Державинъ указомъ 15-го февраля пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и въ то же время получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи.

Обозрѣвъ такимъ образомъ всѣ обстоятельства жизни Державина по участию его въ мѣрахъ къ усмиренію Пугачевского бунта, постараемся теперь оцѣнить его дѣятельность въ эту эпоху и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, по его поступкамъ, его тогдашнюю нравственную физіономію.

Просматривая кипу бумагъ, составляющихъ далеко не полную переписку его во время Пугачевщины, мы прежде всего поражены неумоимою его дѣятельностью: ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, онъ предусматриваетъ нужды и вовремя увѣдомляетъ о нихъ кого слѣдуетъ, предлагаетъ взыскавать мѣры осторожности, сносится непрерывно съ разными начальниками, пишетъ днемъ и ночью рапорты, ордера и частныя письма, рассылаетъ часто въ одинъ день по нѣсколькимъ бумагамъ, идетъ самъ добровольно на встрѣчу опасностямъ, которыхъ легко могъ бы избѣжать, словомъ дѣлаетъ гораздо болѣе, нежели сколько собственно былъ обязанъ дѣлать по своему назначенію. Напримѣръ, онъ достаетъ себѣ военную команду; когда же ему болѣе не дадутъ вооруженныхъ людей, то онъ собираетъ нѣсколько сотъ крестьянъ и идетъ съ ними

---

6) Въ подлинникѣ противъ слова «штатскихъ» собственноручное примѣчаніе Державина: «ибо въ военную службу записка такая же была княземъ Потемкинымъ неопробована».

7) Въ концѣ этой бумаги приписка Державина: «Таковой докладъ поданъ отъ князя Григорія Александровича Потемкина, когда Государыня велѣла спросить мое желаніе и какого я по его разсужденію награжденія достоинъ».

отыскивать бунтующую шайку. Неудивительно, что при такой рѣшительности и энергіи во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, Державинъ умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые часто искали помощи въ немъ, какъ будто въ равномъ себѣ по власти. Неудивительно также, съ другой стороны, что Державинъ тѣми же свойствами надѣлалъ себѣ враговъ между мѣстными властями и жителями: вспомнимъ его отношенія къ Кречетникову, Денисову, Бошняку, къ Тишину и вообще къ Малыковскому населенію. Онъ не опасался, что эти отношенія могутъ повредить ему, какъ и дѣйствительно случилось, ибо только жалобамъ главныхъ изъ этихъ лицъ можно приписать гнѣвъ Панина противъ него, а Панинъ поселилъ нерасположеніе къ нему и въ самой Императрицѣ. Мы уже выше показали, почему за неуспѣхъ въ поимкѣ Пугачева нельзя винить Державина. Неудачу же въ отысканіи Филарета самъ онъ объясняетъ тѣмъ⁸⁾, что этотъ инокъ не могъ возвратиться въ свой скитъ, потому что, по распоряженію генерала Волкова, на Иргизѣ стоялъ для поимки бѣглыхъ гусарскіи эскадронъ. За тѣмъ нельзя, сохраняя полное безпристрастіе, не подтвердить свидѣтельства Державина, что онъ способствовалъ къ огражденію Иргизскихъ селеній и заволжскихъ колоній отъ окончательнаго разоренія Калмыками и Киргизами, доставилъ въ руки правительства нѣсколько важныхъ преступниковъ и возвратилъ болѣе тысячи плѣнныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потратилъ очень мало казенныхъ денегъ (не болѣе 600 р.), два раза снабдилъ войско Мансурова и Муфеля провіантомъ и спасъ Малыковскую казну отъ разграбленія. Сверхъ того Державинъ нѣсколько разъ производилъ допросы и казни, писалъ воззванія къ народу и первый извѣстилъ правительство о поимкѣ Пугачева (см. Сокращеніе его коммисіи, № 110 и письмо къ Императрицѣ).

Слѣдовательно Державинъ имѣлъ полное право считать себя обиженнымъ, когда другіе офицеры, сдѣлавшіе менѣе его, были награждены, онъ же одинъ оставленъ безъ вниманія. Настоячивость, съ какою онъ послѣ добивался признанія своего

---

8) См. сокращеніе коммисіи поручика Державина № 110.

права на награду, требуетъ снисхожденія; ни воспитаніе Державина, ни тогдашнее общество не могли внушать благороднаго самоотверженія, которое одно могло бы примирить его съ несправедливостью. Много ли и теперь людей, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ остались бы равнодушными къ своей пользѣ, много ли ихъ даже между строгими судьями и порицателями Державина? и всѣ ли они имѣли бы въ такомъ случаѣ его твердость и рѣшительность, а особенно ту искренность, съ какою онъ рассказываетъ намъ всѣ средства, имъ употребленныя для достиженія цѣли?

Впрочемъ справедливость все-таки не вполне была оказана Державину: его признали неспособнымъ къ военной службѣ. Мы находимъ напротивъ, что судя по всему его образу дѣйствій во время Пугачевщины, онъ могъ бы сдѣлаться превосходнымъ военнымъ начальникомъ и что еслибъ вмѣсто тайныхъ поисковъ, ему поручили самостоятельную команду надъ сильнымъ отрядомъ, то онъ совершилъ бы чудеса храбрости: либо положилъ бы голову свою, либо схватилъ бы Пугачева. Его горячая заносчивость, нескромность, даже необузданность бросаются въ глаза, но за то ни одинъ поступокъ его не даетъ повода сомнѣваться въ его честности и добросовѣстности, и онъ совершенно правдиво говоритъ въ запискѣ, поданной П. С. Потемкину: «Свидѣтельствуюсь тѣми жительствовами, гдѣ я былъ, что исполнялъ я свои труды безъ малѣйшаго полученія себѣ интереса и безъ всякаго кому либо притѣсненія, не смотря на то, что я къ тому самую нуждою принужденъ быть долженъ былъ». Мы видѣли, что онъ писалъ Казанскому губернатору Бранту о необходимости строгихъ мѣръ противъ лихоимства и взяточничества. Та же идея занимала потомъ гонителя его, графа Панина; доказательствомъ тому служатъ слова Екатерины въ письмѣ къ этому вельможѣ: «Я молю Бога, чтобъ предложеніе ваше судебнымъ мѣстамъ и прочимъ употребленнымъ людямъ о взяткахъ и пристрастномъ правосудіи въ нихъ произвело дѣйствіе полезное и поправительное, но думаю, что для удержанія посползновенія на нѣкоторое время можно будетъ сдѣлать гдѣ ни на есть, примѣръ наказаніемъ винов-

наго»⁹⁾. На словахъ, въ перепискѣ своей, Державинъ иногда, по духу времени, льстилъ своимъ начальникамъ, но на дѣлѣ онъ держалъ себя съ ними безукоризненно; въ его поведеніи вовсе не видно придворной тонкости, скорѣе напротивъ проглядываетъ юношеская неопытность и необдуманность; вспомнимъ, какъ неловко онъ поступилъ, когда вздумалъ уѣхать отъ Панина. Къ тому же роду ошибокъ принадлежитъ и то, что онъ, узнавъ о выдачѣ Пугачева, не поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ прежде всѣхъ графа Панина. По усмиреніи бунта, онъ не подносилъ стиховъ своимъ начальникамъ, въ которыхъ имѣлъ надобность, а началъ писать эпистолу въ честь Михельсона, гдѣ только мимоходомъ говорить о заслугахъ князя П. М. Голицына, П. С. Потемкина и графа П. И. Панина; но онъ и этой эпistolѣ не далъ хода, напечатавъ въ «Читалагайскихъ одахъ» только стихи въ честь умершаго Бибикова. Мы указали въ Запискахъ его одно или два мѣста, не во всей точности согласныя съ подлинными документами; но Записки эти писаны Державинымъ въ старости, теперь же мы говоримъ о другой эпохѣ его жизни: характеръ Записокъ постараемся окончательно оцѣнить въ своемъ мѣстѣ.

---

⁹⁾ Чт. въ Общ. Древ. и Ист. 1858 г. Кн. 2.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стран. 22-й: *вм.* 26 Марта должно быть: 21 Марта.

На стран. 117-й: *вм.* Отъѣзжая изъ Мечетной, Пугачевъ оставилъ должно быть: По увѣренію Пугачева при окончательномъ допросѣ, онъ оставилъ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

II (стр. 15).

Тайное наставленіе господину подпоручику Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Державину.

Вы отправьтеся отсюда въ Саратовъ и потомъ въ Мальковку, гдѣ о пребываніи вашемъ наружно объявляйте, что посланы отъ меня для встрѣчи и препровожденія марширующихъ съ Дону казаковъ подъ командою полковника Денисова и гусарскихъ эскадроновъ подъ командою маіора Шевича, сюдажъ марширующихъ, и для закупки провіанта на здѣшній корпусъ, когда оны къ Оренбургу достигнутъ. Прикрывъ ваше прямое дѣло подобіемъ правды, а въ самомъ дѣлѣ посылка и поручаемая комиссія въ слѣдующемъ состоять имѣеть:

1) Извѣстно, что вора и злодѣя Пугачева гнѣздо прежде произведенія его злодѣйства было селеніи раскольническія на Иргизѣ, а потому и не можно думать, чтобъ оны и нынѣ каковыхъ либо друзей, сообщниковъ, или по крайней мѣрѣ знакомцовъ тамъ не имѣли. Вѣроятно быть кажется и то, что оны по сокрушеніи его подь Оренбургомъ толпы и по разсѣяніи ея (что дай Боже) въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрятся на Иргизѣ — Узенѣ въ тамошнихъ мурчугахъ или у раскольниковъ. Вамъ понятна важность сего злодѣя поимки. Для того вы скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ обратите все удобъ возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать гѣхъ людей, къ коимъ бы оны въ таковомъ случаѣ прибѣгнуть могъ, или по крайней мѣрѣ чрезъ кого вы о нихъ узнать можете, а узнавши расположите таковыя мѣры, чтобъ сей злодѣи поимки избѣгнуть не могъ. Общаніи (?) награжденія, какъ уже отъ меня объявлены, другія

ли какія возмездіи обѣщать тому или тѣмъ можете, кто способствовать и въ руки ваши сего злодѣя доставить можетъ; къ чему заблаговременно людей приискать и приготовить искуснымъ и скрытымъ образомъ надлежитъ. Ибо открытіе сего все дѣло уничтожить можетъ. А потомъ:

2) Доколѣ къ поимкѣ злодѣя случай не приспѣетъ, употребите вы все ваше стараніе о томъ, чтобъ узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную между ними связь, и чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей Ея Императорскому Величеству нашей Всемиловивѣишей Монархини будетъ. А сіи извѣстіи какъ ко мнѣ, такъ и марширующимъ по Самарской линіи господамъ генераль-маіорамъ князю Голицыну и Мансурову съ вѣрными людьми доставлять имѣете, ведя о тайномъ дѣлѣ (переписку?) посредствомъ цыфирнаго ключа, которой вамъ вѣряется.

3) Чтобъ доставить въ толпу къ злодѣю надежныхъ людей и вѣдать о его и протчихъ злодѣевъ дѣяніяхъ, не щадите вы ни трудовъ, ни денегъ, для чего и отпускается съ вами четыреста рублевъ изъ экстраординарной суммы, въ которыхъ по возвращеніи вашемъ отчетъ дать можете. Чтобъ въ случаѣ надобномъ дѣлано было вамъ и отъ васъ посланнымъ всякое вспоможеніе, для того снабжаетесь вы письмомъ пребывающему въ Саратовѣ господину Астраханскому губернатору Кречетникову, а къ Малыковскимъ дворцовымъ управителямъ открытымъ ордеромъ. Вы воспользуетесь тѣмъ тогда, когда нужда вамъ во вспоможеніи отъ того или другаго настоять будетъ. Для сысканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ.

4) Неуставайте наблюдать всѣхъ людей тамошнихъ склонности, образъ мыслей и понятіе ихъ о зломъ самозванцѣ и всѣ способы употребляйте къ объясненію обманутыхъ и колеблющихся, что онъ не только самозванецъ, но злѣишій государственный злодѣй и измѣнникъ. Проповѣдайте милосердіе Монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отстанутъ и покаются. Обличайте разсужденіями вашими оболъщени и обманы Пугачева и его сообщниковъ.

5) Наконецъ для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человекъ съ разумомъ и довольно тамошняго обстоятельства знающій: но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководите-

лемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представить вамъ такіе способности, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно. Ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются.

Въ прочтемъ я полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей.

Александръ Бибиковъ.

Марта 6-го дня
1774 года.
Казань.

II (стр. 15).

Ключъ тайнопися, приложенный къ инструкціи Бибикова Державину.

(См. ниже таблицу на особомъ листѣ.

III (стр. 22). Образчикъ пыфирнаго письма.

Ордеръ Лейбъ-гвардіи господину подпорутчику Державину.

Репортъ вашъ отъ 13 марта я получилъ. Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженіи производятъ во мнѣ особенное удовольствіе. 225, 31 *) — по увѣдомленію господина генераль-маіора князя Голицына находится 138—44, 14.—270, 31.—20, 19, 10, 31—49, 31—14, 10, 24, 30, 11, 14 **), уповаю будетъ тамо 25-го сего мѣсяца. Я на благоразуміе ваше полагаюсь, что не упустите вы неусыпно стараться 176—248—24, 14, 10, 11, 23, 31—121—68, 14—20, 19—126, 14—116—9, 18, 11, 13, 10, 6 ***), въ сказанное вамъ въ первомъ ордерѣ моемъ мѣсто. Капитана Лодыгина не терпите. Я

---

*) Пугачевъ.

**) Въ Илецкой крѣпости, и корпусъ подъ Оренбургъ идущій...

***) Развѣдать не уйдетъ ли злодѣй по разореніи его гвѣзда.

къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Ежели же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань. Къ господину Елагину о отпускѣ отъ себя управителя ордеръ посланъ.

Александръ Бибииковъ.

Марта 21 дня
1774 года.
95, 14 *).

IV (стр. 144).

Сокращеніе комисіи Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручика Державина.

Отъ Его Высокопревосходительства покойнаго господина генералъ-аншефа Александра Ильича Бибиикова изъ Казани 29 декабря 1773 года по занятіи злодѣями Самары былъ я командированъ въ городъ оный, какъ для изслѣдованія Самарскихъ жителей въ прикосновеніи ихъ къ бунту, такъ и по соединеніи съ господиномъ подполковникомъ Гриневымъ и маіоромъ Муфелемъ секретно примѣнить ихъ самихъ, ихъ офицеровъ и команды. Изъ Самары по выгнаніи злодѣевъ, былъ на сраженіи подъ Алексѣевскою крѣпостью и ходилъ подъ Красной ярѣ за казмыками, гдѣ къ онымъ писано было отъ меня увѣщеваніе, которое въ письмѣ къ Александру Ильичу удостоено было высочайшаго благоволенія.

По возвращеніи изъ Самары, по приказанію Его Высокопревосходительства дѣлалъ я журналъ какъ всѣмъ высочайшимъ повелѣніямъ, теченію всѣхъ дѣлъ, всѣмъ рапортамъ къ Александру Ильичу, всѣмъ его приказаніямъ и всей его диспозиціи, что мнѣ все одному было повѣрено.

Въ мартѣ мѣсяцѣ приказавъ вышеписанное производство оставить запечатанное до возвращенія моего, послалъ онъ меня въ сторону рѣки Ирғиза имѣть наблюденіе о поимкѣ Пугачева, ежели онъ скрытно прибѣжитъ туда. Будучи тамъ, взялъ я такія средства, что всѣ подшатавающіеся къ мѣстамъ тѣмъ попадались на мои обзоры. Черезъ лазутчиковъ отослалъ я письмо къ Уральскому коменданту, чтобъ какъ можно отсиживался и ждалъ скорого прибытія нашихъ войскъ. По письму злодѣйскаго начальника Толкачева, тогда какъ

---

*) Кичуй.

всѣ наши войски прошли подъ Оренбургъ, хотѣли изъ Уралу бунтовщики пролітія по теченію Ирғиза на нагорныя провинціи къ покоренію ихъ, то я сдѣлалъ разгласками и вытребованіемъ изъ Саратова команды отъ того имъ заблаговременно диверсію. Во время Ставропольскихъ калмыкъ обороту отъ Самарской линіи, моею диспозиціею та команда прикрыла отъ нихъ какъ селенія Ирғизскія, такъ и иностранныя колоніи. Во время дальняго преслѣдованія тѣхъ калмыкъ подполковникомъ Муфелемъ зашелъ онъ за ними въ степь такъ, что у него не стало провіанта, и онъ бы долженъ былъ возвратиться, то я всему его деташаменту доставилъ провіантъ такъ сказать собственный, ибо выпросилъ у партикулярнаго человѣка. Во время подхожденія Пугачева къ Саратову былъ отъ меня посланъ лазутчикъ для истребленія его, но какъ ему по препятствіямъ въ толпѣ у него быть не удалось, то однако онъ подговоря съ собою нѣсколько (человѣкъ?), разбилъ злодѣйскую шайку въ трехъ стахъ состоящую, освободилъ нѣсколько дворянъ отъ смерти, и перевязавъ ея атамановъ представилъ нашимъ генераламъ. Саратовъ удержать напрягалъ я всѣ свои силы, колико мое усердіе, присяга и должность повелѣвали. Почему же я въ сіе дѣло вошелъ, имѣю неопровергаемыя причины и доказательства. Но чтобъ сказать короче, то тогдашнія мои старанія имѣли бы конечно свою пользу, городъ бы и цѣлая область не погибла, ежели бъ прочіе мнѣ отвѣтствовали. Я и теперь не обвиняю хочу осужденія, ежели я вступилъ не въ свое дѣло, ежели я помѣшалъ кому что дѣлать, и ежели найдусь въ чемъ нибудь тутъ виноватымъ. По выѣздѣ за должность изъ Саратова, спасъ я отъ расхищенія Мальковскую кавну. Распустилъ собранныхъ крестьянъ чтобъ не умножить толпы Пугачева. Провѣдавъ его оборотъ, пріѣхалъ въ Сызрань и донесъ о всемъ Его Превосходительству генералу Мансурову. Въ тожь время, какъ Саратовской господинъ комендантъ и прочіе пробивались внизъ по Волгѣ подъ защищеніе Царицына, то я область имъ вѣренную спасъ отъ расхищенія Киргисъ-кайсаковъ и разбилъ ихъ съ мужиками, отнялъ у нихъ плѣнъ, исключая русскихъ, колониство въ однихъ около тысячи человѣкъ, и что они Киргизцы были подъ знаменами Пугачевскими въ не маломъ количествѣ, и Саратову вторичная была опасность, о томъ свидѣтельствуютъ рапорты подполковника Савельева къ князю Голицыну. При отбитіи плѣна отбилъ я скоть и имѣніе плѣнныхъ; но что непокорыствовался я по праву завоевателей ни чѣмъ, на то имѣю квитанцію. Во время обращенія Пугачевского отъ Чернаго яру на Узени, стерегъ я его неуспынно въ степи, и кажется, ежели бы определено

было кромѣ его сообщниковъ поймать его, то бы моихъ посланныхъ не миновалъ. Когда-жъ его поймали, то первый я репортовалъ о томъ Его Превосходительству Павлу Сергѣевичу и потомъ Его Сіятельству князю Петру Михайловичу, а отъ нихъ уже и дажѣ сіе извѣстіе дошло. По семъ рапортѣ въ силѣ ордеровъ разбиралъ я колодниковъ по дѣлу Пугачева, въ Малыковкѣ и по винамъ ихъ по тѣмъ ордерамъ наказалъ, а допросы ихъ по прїѣздѣ въ Казань отдалъ въ секретную комиссію. Также при семъ случаѣ возвращалъ я пажить пограбленныхъ злодѣями, что можно видѣть изъ реестровъ, подписанныхъ тѣми пограбленными, что кому возвратилъ. Потомъ доставилъ я тѣхъ людей въ комиссію, которые надобны были къ распутанію связи происхожденія Пугачева; но только однако искомага Филарета, и по вторичной о немъ данной мнѣ комиссіи, сыскать не могъ, и сіе можетъ быть для того, что онъ не могъ притти въ своей скитъ, потому что на Иргизѣ, въ силѣ повелѣнія Его Превосходительства генерала Волкова, выискиваетъ бѣглыхъ стоявшій тамъ съ эскадрономъ гусарскіи штабъ-офицеръ.

Между бунтовъ и опасностейъ всю сію комиссію исполнялъ я безъ малѣйшаго въ трудахъ своихъ помощника, одинъ, и имѣю отъ всѣхъ генераловъ похвалу; также свидѣтельствуюсь тѣми жительствовами, гдѣ я былъ, что исполнялъ я ихъ безъ малѣйшаго полученія себѣ интереса, и безъ всякаго кому какого либо притѣсненія, не взирая на то, что я къ тому самою нуждою принужденъ бы долженъ быть; ибо я лишился въ Казани всего иждивенія движимаго, а въ Оренбургскомъ уѣздѣ, не говоря о грабежѣ злодѣями, лишился того, что состоянію моему очень важно, ибо свидѣтельствовать можетъ то Его Сіятельство князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, что весь транспортъ, идущій съ провіантомъ къ Оренбургу, что сдѣлаетъ всѣхъ болѣе 20,000 подводъ, былъ недѣли двѣ весь на моемъ коштѣ, съѣлъ меня и разорилъ въ пользу отечества на голову.

V.

Историческая записка о Пугачевѣ, вложенная въ тетрадь рапортовъ Державина (№ 75, писана рукой писаря).

Бывшій извергъ Пугачевъ, донской казакъ Зимовенской станицы^{*)}), уроженецъ отъ простаго казака обыкновеннаго, а не изъ лучшихъ, то есть отличныхъ казаковъ. Походъ его былъ въ молодыхъ лѣтахъ, примѣрно не свыше 20 лѣтъ, въ Прусскую семилѣтнюю войну въ полку полковника Донскаго Туроверова, а въ 1767 году, когда открылась война и съ Турками, былъ онъ во второй арміи въ полку полковника Кутенникова и до сей войны послѣдней, а опослѣ Прусской семилѣтней за воровство въ станицѣ, при полномъ сборѣ^{**}), наказанъ по обрядамъ казачьимъ плетьми.

Въ 1769 году по указу военной коллегіи велѣно изъ Дону командировать на поселеніе въ Таганрогъ и въ Азовъ по пяти сотъ семей, и тогда возобновились сіи крѣпости, до сего впустѣ лежація. Правленіе Донское, получа указъ военной коллегіи, исполненіемъ приступило таковымъ: командировать на то поселеніе казачьи семьи изъ людей, неугодныхъ обществу, а почетныхъ тою высылкою освободить, сдѣлало предписанія по всему войску, то есть во всѣ станицы^{***}), соображаясь по числу въ станицахъ семей, въ станицу Зимовенскую, гдѣ извергъ Пугачевъ состоялъ жительствою, 6-ти семей, ибо она не въ большомъ количествѣ противъ прочихъ и теперь есть. Предписано было, если изъ таковыхъ семей есть въ походѣ, дала бъ станица знать Правленію, для выпуска изъ похода къ соединенію семейства на поселеніе. Станица бывшая Зимовенская нарядила 6 семей таковыхъ, кои имъ въ обществѣ не надобны были, какъ за воровство и другое нетерпимое въ жительство людей. Пугачевъ тогда состоялъ въ полку Кутенникова въ арміи, предводительствуемой Панинымъ, по увѣдомленію Донскаго правительства былъ онъ изъ полку выпущенъ и данъ ему билетъ явиться въ Таганрогъ къ своему семейству. Онъ туда не явился и гдѣ шатался неизвѣстно, но чрезъ годъ пойманъ въ станицѣ Зимовенской за подговоръ людей бѣжать на Терекъ. Забили его въ колодки и отправили въ городъ Чер-

---

*) Станица по донскому названію, по общему смыслу селеніе.

***) Сборъ есть сходка. Плетьми наказываютъ человека неуважительнаго по обрядамъ донскимъ, а другимъ дѣлаютъ пеню, надѣются, что онъ заслужитъ.

***) На Дону 118 станицъ казачьяго роду.

каскъ *), гдѣ Правленіе Донское состоитъ, и съ дороги снѣ Пугачевъ бѣжалъ и безъизвѣстно пропалъ, только извѣстно, что онъ былъ на рѣкѣ Волгѣ въ разбоѣ, на которомъ пойманъ и посаженъ въ Казани въ острогъ; болѣе же обстоятельнаго свѣдѣнія злодѣянія его уже извѣстно, когда обнаружилось сего изверга Пугачева важное названіе Самованца. Станица Зимовенская просила себя изъ того мѣста переселить въ другое и переименовать ее другимъ названіемъ **), а домъ его сожженъ, скотина побита и брошена въ рѣку Донъ, братъ его родной хотя и не былъ скверности той участникомъ, переименованъ другою фамилією; жена его и сынъ малолѣтній сосланы по повелѣнію главнаго начальства въ Соловетскіе и названія теперь Зимовенской станицы нѣтъ, а именуется съ переселеніемъ Потемкинскою.

VI (стр. 45).

Письмо Державина къ Браву ***).

Hoch gebohrner
Hoch gebietender

gnädiger Herr!

Die Order Euer Excellenz worinnen hochdieselbe mir anzeigen, wie Unser allergnädigste Monarchin Euer Excellenz den Vorßiß bey der geheimen Commission in Kasan allergnädigst anvertrauet, habe die Ehre zu erhalten gehabt. In Ansehung meiner mir anvertrauten Commission, werde nicht ermangeln, alles nothwendige Euer Excellenz unterthanigst anzuzeigen. Da ich aber Euer Excellenz mit der größte Ehrerbietung hochachte, und bei denenselben viele Großmuth und Menschenliebe bemerket, so habe bey dieser Gelegenheit denenselbe nachahmen, und ohne Euer Excellenz Erlaubniß Leute nicht unglücklich machen wollen; daherо ich mir die Ehre gebe, mich mit diesen Briefe vors erste zu erklären, und als denn wenn Euer Excellenz befehlen, so werde der gewöhnlichen Ordnung nach, entweder bey Euer Excellenz, oder bey der geheimen Commission Folgendes raportiren.

---

*) Городъ Черкасскъ отъ Зимовенской станицы разстояніемъ болѣе 200 верстъ.

**) Назваа Потемкинскою и переселена отъ прежняго мѣста за четыре версты.

***) Здѣсь сохранено во всей точности правописаніе подлинника.

Zu Herstellung der Ruhe in hiesiger Gegend, ist jezo gar nichts nöthig. Gott sey dank, es ist hier, so viel ich bemerke, alles still, nur muß (wenn ich Guer Excellenz unterthanigst anzeigen darf) der gewaltsamen Dieberey, oder deutlicher zu sagen, den beständigen Geld=Erpressungen, welche die Kräfte der Menschen fast gänglich erschöpft, Gehalt gethan werden. In den geheimen, von Jhro Excellenz des wohlseligen Alexander Ilisch mir gegebenen Instruction, stehet unter andern geschrieben, daß ich die Meynung der Menschen erforschen soll etc. So viel ich also bemerket, so verursacht diese Geld=Erpressung das größte Murren der Leute, denn ein Jeder, der das geringste mit Jhnen zu thun hat, beraubet sie, dieses macht den leichtgläubigen Pöbel bey seinen schlechten Verstande unzufrieden, und wenn ich frey sprechen darf, dieses unterstützt die Seuche, welche anjetzo in unsern Vaterland tobet. Ich will mich hierüber anjetzo nicht weitläuffiger erklären; wenn aber Guer Exc. befehlen, so werde nicht unterlassen, laut der mir anvertrauten Commission, den schuldigsten Raport gehörigen Orts abzustatten.

Ansonst habe die Ehre mit den größten Respect zu beharren

Guer Excellenz
unterthanigster Diener

Gabriel Derschavin.

Malikofka

D. 4 Juny 1774.

А	6	Атаковать	36	Авангард.	61	Артиллер.	86	Адъютант.	111	Арьергард.	136	Август.	161	Апрѣль	186	Афяцер.	211	Алексѣевскъ	236	Астафьевъ	261	Аршеневск.	286	Атак.	311	Арапов.	336	Атаман.	361	Аманат.	386	Адоевск.	411
Б	7	Бибиков.	37	Брегадир.	62	Богудьм.	87	Богоруслав.	112	Бузулук.	137	Башмаков.	162	Буде	187	Безъ	212	Был.	237	Башкир.	262	Башкирд.	287	Бедраг.	312	Биларск.	337	Борск.	362	Бы	387	Бо	412
В	8	Володимерск.	38	Вятск.	63	Войск.	88	Выше	113	Въ	138	Вор.	163	Вверхъ	188	Величеств.	213	Ваш.	238	Внизъ	263	Воевод.	288	Вы	313	Выступит.	338	Вид.	363	Важно	388	Велик.	413
Г	9	Государын.	39	Генерал.	64	Гвард.	89	Гагрин.	114	Голицын.	139	Город.	164	Гусар.	189	Гранат.	214	Гренадер.	239	Гринев.	264	Границ.	289	Господин.	314	Губерні	339	Губернатор.	364	Гурьевъ город.	389	Го	414
Д	10	Деколонт.	40	Деревн.	65	Двадцать	90	Дабы	115	Для	140	Драгун.	165	Дѣйстви.	190	Дорог.	215	Десят.	240	Допросит.	265	Друг.	290	Должн.	315	Доискаться	340	До	365	Думать	390	Добровольно	415
Е	11	Екатеринбург.	41	Елагин	66	Ескадрон.	91	Его	116	Ея	141	Ему	166	Единогор.	191	Егар.	216	Елшанск. кр.	241	Ежели	266	Есть.	291	Еще	316	Ей	341	Единственно	366	Ево	391	Един.	416
Ж	12	Жител	42	Живо	67	Живут.	92	Же	117	Желаю	142	Жен	167	Жалоба	192	Жесток.	217	Жечь	242	Жи	267	Жъ	292	Жительст.	317	Живѣе	342	Жо	367	Жу	392	Жа	417
З	13	Занск.	43	Злодѣй	68	Здѣлат.	93	Завод.	118	Завтре	143	Заранѣе	168	Заклучит.	193	Зим.	218	Здѣсь	243	Занят.	268	Захвачен.	292	Зайтит.	318	Зло	343	За	368	Зберегат.	393	Защитат.	418
И	14	Илецкая кр.	44	Изъ	69	Ильин.	94	Истребит.	119	Измѣнники	144	Изюмск.	169	Императорск.	194	Имѣете	219	Извольте	244	Илецк. пров.	269	Исправно	294	Ититъ	319	Ибо	344	Или	369	Имъ	394	Иногда	419
К	15	Калмык	45	Кинель рѣка	70	Кичу	95	Кунгур.	120	Красногор. кр.	145	Казан.	170	Карабинеръ	195	Капитан.	220	Казак.	245	Корпусъ	270	Команд.	295	Къ	320	Конница	345	Кавалер.	370	Княз.	395	Кречетников.	420
Л	16	Ловит.	46	Лошад.	71	Лодка	96	Ли	121	Лутче	146	Ласкою	171	Лежит.	196	Люд.	221	Легко	246	Людско	271	Ле	296	Ларионов.	321	Лу	346	Лъ	371	Ло	396	Лю	421
М	17	Мензелинск.	47	Мансуров	72	Маіор.	97	Муфель	122	Миллер.	147	Моя	172	Можетъ	197	Можно	222	Маршироват.	247	Магазинн.	272	Маршъ	297	Март.	322	Май	347	Мимо	372	Моего	397	Моему	422
Н	18	Новосергіевск. кр.	48	Новошешминск	73	Надежн.	98	Надобн.	123	На	148	Но	173	Недостатокъ	198	Навест.	223	Не	248	Нѣтъ	273	Намѣрен.	298	Незапно	323	Нарочн.	348	Ниже	373	Нужн.	398	Непремѣн.	423
О	19	Оренбургъ.	49	Озерная кр.	74	Опрокинут.	99	Отъ	124	Опредѣлит.	149	Обойтит.	174	Окружать	199	Ордеръ	224	Осторожн.	249	Он.	274	Операц.	299	Отдѣли	324	Отдѣлен.	349	Обстоятельно	374	Отправит.	399	Опасно	424
П	20	Пушк.	50	Пермская пров.	75	Полковник	100	Подполков.	125	Полев.	150	Провинц.	175	Пѣхот.	200	Пугачев.	225	Полк.	250	Повѣсит.	275	Примѣр.	300	Потерян.	325	Послат.	350	Пресѣч.	375	Преслѣдоват.	400	Понск.	425
Р	21	Рейнздорп.	51	Рѣк.	76	Ранен.	101	Разорен.	126	Раздѣлит.	151	Развѣдат.	176	Разослать	201	Репорт.	226	Росписан.	251	Ружь	276	Развѣзд.	301	Рылѣевъ	326	Ра	351	Ро	376	Ру	401	Ръ	426
С	22	Сызран.	52	Синбирск.	77	Ставропол.	102	Самар.	127	Сорочинск. крѣп.	152	Солкамск.	177	Сакмар.	202	Старошешминск.	227	Санктпетербургск.	252	Слобод.	277	Сторон.	302	Ся	327	Стремительн.	352	Страх.	377	Секунд.	402	Симонов.	427
Т	23	Топка. кр.	53	Татар.	78	кр. Татищева.	103	Тобольск.	128	Томск.	153	Тотчасъ	178	Теперь	203	Требоват.	228	Тамъ	253	Трудно	278	Тѣснит.	303	Такъ	328	Того ради	353	Тридцать	378	Тринадцать	403	Транспорт.	428
У	24	Уф	54	Улус.	79	Убит.	104	Урон.	129	Уѣзд.	154	Убивств.	179	Усть	204	Ускорит.	229	Удачно	254	Убыл.	279	Ушл.	304	Удар.	329	Удобн.	354	Умеръ	379	Учредит.	404	Указ.	429
Ф	25	Фрейман.	55	Форпост.	80	Фялисов.	105	Фегезак.	130	Форштат.	155	Фуражъ	180	Фамил.	205	Фа	230	Фе	255	Фо	280	Фы	305	Фу	330	Фран.	355	Фра	380	Февраль	405	Фрунт.	430
Х	26	Хорват.	56	Харин.	81	Хотя	106	Хотѣл.	131	Хорунж.	156	Хорош.	181	Худ.	206	Ходит.	231	Храбр.	256	Хитрост.	281	Ход.	306	Хожден.	331	Хъ	356	Хи	381	Ха	406	Хе	431
Ц	27	Царицын.	57	Цетлер.	82	Церемон.	107	Циркуляр.	132	Ца	157	Це	182	Ци	207	Цо	232	Цы	257	Цу	282	Цѣл.	307	Цъ	332	Цеею	357	Цію	382	Ція	407	Цар.	432
Ч	28	кр. Черемшанская	58	Чернорѣченская кр.	83	Чугуевск.	108	Чичерин.	133	Чтобъ	158	Чернышев	183	Чего	208	Что	233	Человѣк.	258	Чрезвычайн.	283	Черезъ	308	Част.	333	Чест.	358	Чѣмъ	383	Ча	408	Чъ	433
Ш	29	Швейковск.	59	Шуран.	84	Шепелев.	109	Шишков.	134	Шалост.	159	Широт.	184	Ша	209	Ше	234	Ши	259	Шо	284	Шу	309	Шъ	334	Шеф.	359	Шеств.	384	Шум.	409	Шашаг	434
Щ	30	Ща	60	Щаст.	85	Ще	110	Що	135	Щот.	160	Щитат.	185	Щи	210	Щу	235	Щъ	260	Щаго	285	Щему	310	Щимъ	335	Щую	360	Щетов	385	Щита.	410	Щей	435
Ъ	31																																
Ы	32																																
Ь	33																																
Ю	34																																
Я	35																																

Александръ Бибииковъ.

2007051021